Z. 51/29
I вып 4 1905

7 SI
L 29

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

XXV-43:50

Édition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

I томъ
4 выпускъ

TOME I
FASCICULE 4

1905

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

2007088116

Z 51/29

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, 1788—1819, Великая Княгиня, четвертая дочь Императора Павла, родилась 10 Мая 1788 года. Съ дѣтства Екатерина Павловна обращала на себя вниманіе острымъ умомъ, веселымъ, общительнымъ характеромъ и была любимицей матери, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и старшаго брата Императора Александра I. Воспитаніемъ Великой Княжны, какъ и всѣхъ сестеръ ея, завѣдывала Шарлотта Карловна Ливенъ, но Великая Княжна сама постоянно пополняла свое образованіе изученіемъ лучшихъ произведеній литературы и личнымъ знакомствомъ съ выдающимися людьми. Заключивъ союзъ съ Императоромъ Александромъ, Наполеонъ задумалъ, для упроченія династіи развестись съ супругой своей, императрицей Жозефиной, и на свиданіи въ Эрфуртѣ въ 1808 г. намекнулъ Александру о желаніи своемъ вступить съ нимъ въ родственныя отношенія супружествомъ съ Екатериной Павловной. Узнавъ о желаніи Наполеона, Императрица, во избѣжаніе осложненій, поспѣшила въ Январѣ 1809 г. выдать Екатерину Павловну за двоюроднаго ея брата, принца Георга Ольденбургскаго, назначеннаго Тверскимъ генералъ-губернаторомъ. Должно замѣтить, что сама Великая Княжна, узнавъ о негласномъ сватовствѣ къ ней Наполеона, отозвалась, что она готова для пользы Россіи принять его предложеніе. Очутившись въ Твери, вмѣсто Парижа, Екатерина Павловна и тамъ нашла себѣ пищу для умственныхъ занятій: помогала мужу въ разсмотрѣніи дѣлъ и воспользовалась близостью Москвы, чтобы собирать у себя выдающихся людей эпохи: Карамзина, Нелединскаго-Мелецкаго, Ростопчина и др. По ея предложенію Карамзинъ написалъ записку: „О древней и новой Россіи“, представленную затѣмъ Императору Александру въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Тверь, такъ какъ онъ любилъ бесѣдовать съ сестрой о политическомъ положеніи Россіи. Будучи врагомъ Сперанскаго, Екатерина Павловна много содѣйствовала его паденію, извѣстности Карамзина и возвышенію Ростопчина. Когда напряженныя отношенія Александра къ Наполеону разразились войной 1812 года, Екатерина Павловна одна изъ первыхъ поддерживала мысль о созывѣ народнаго ополченія и изъ своихъ удѣльныхъ крестьянъ сформировала особый егерскій полкъ. 27 Декабря 1812 г. скончался супругъ Екатерины Павловны, принцъ Георгъ Ольденбургскій, оставивъ ей двухъ сыновей: Фридриха-Павла-Александра († 1829 г.) и Петра Георгіевича Ольденбургскаго († 1881 г.). По изгнаніи Наполеона изъ Россіи, Великая Княгиня сопровождала Императора Александра въ его походахъ 1813 и 1814 гг., была небезучастной зрительницей совѣщаній Вѣнскаго конгресса 1815 г. и способствовала браку сестры своей Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ. 12 Января 1816 г. Екатерина Павловна вторично вышла замужъ за другого своего двоюроднаго брата по матери, Вильгельма, наслѣднаго принца Виртембергскаго, въ томъ же году вступившаго на престолъ. Новая супружеская жизнь Екатерины Павловны сложилась для нея несчастливо, и она предалась устройству и созданію благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій въ Виртембергѣ, особенно во время голода 1816 года. Скончалась Екатерина Павловна въ 1819 г. въ Штутгартѣ. Надъ ея могилой воздвигнутъ православный храмъ. Отъ второго брака Екатерины Павловны остались двѣ дочери.

(Съ миніатюры изъ собраній Гатчинскаго дворца.)

LA GRANDE-DUCHESSE CATHERINE PAVLOWNA, 1788—1819, quatrième fille de l'Empereur Paul, naquit le 10 mai 1788. Tout enfant, elle se faisait remarquer par son esprit, son caractère gai et communicatif, et fut la préférée de sa mère, l'Impératrice Marie Féodorowna, et de son frère aîné, l'Empereur Alexandre Ier. Son éducation fut confiée, comme celle de toutes ses sœurs, à Charlotte Lieven, mais elle travaillait incessamment à compléter toute seule son instruction, étudiant les chefs-d'œuvre de la littérature et faisant la connaissance personnelle des hommes en renom. Après avoir conclu alliance avec l'Empereur Alexandre, Napoléon eut l'idée, pour affermir sa dynastie, de divorcer avec l'Impératrice Joséphine, et, à l'entrevue d'Erfurt en 1808, fit part à Alexandre de son désir de nouer avec lui des liens de famille en épousant la Grande-Duchesse Catherine. A cette nouvelle, l'Impératrice, pour éviter les complications, s'empressa, en 1809, de la marier à son cousin le prince Georges d'Oldenbourg, nommé général gouverneur de Tver. Il convient de remarquer que la Grande-Duchesse elle-même, informée des vues de Napoléon, s'était déclarée prête, dans l'intérêt de la Russie, à accepter sa proposition. A Tver, au lieu de Paris, elle sut encore trouver des éléments d'intérêt intellectuel: elle assistait son mari dans le service, et profitait de la proximité de Moscou pour réunir chez elle les hommes en renom de l'époque, Karamzine, Nélédinsky-Méletzky, Rostoptchine, etc. ... C'est sur sa demande que Karamzine rédigea sa note sur „La Russie ancienne et moderne", qui fut ensuite présentée à l'Empereur Alexandre à un de ses voyages à Tver, car il aimait causer avec sa sœur sur la situation politique de la Russie. Ennemie de Spéransky, Catherine Pavlowna fut pour beaucoup dans sa chute, dans la notoriété de Karamzine et l'élévation de Rostoptchine. Lorsque la tension des rapports avec Napoléon déchaîna la guerre en 1812, elle fut une des premières à conseiller la levée d'une milice nationale, et équipa ses serfs pour en former un régiment particulier de chasseurs. Le 27 décembre 1812, son mari mourut en lui laissant deux fils, Frédéric-Paul-Alexandre († 1829), et Pierre († 1881). Lorsque Napoléon eut été chassé de Russie, la Grande-Duchesse accompagna l'Empereur Alexandre dans ses campagnes de 1813 et 1814, assista, autrement qu'en simple spectatrice, au congrès de Vienne, en 1815, et contribua au mariage de sa sœur Anne avec le prince d'Orange. Le 12 janvier 1816, elle se remaria avec un autre de ses cousins par sa mère, le prince héritier Guillaume de Wurtemberg, qui monta sur le trône la même année. Cette nouvelle vie conjugale ne fut pas heureuse pour elle, et elle se consacra à l'organisation et à la fondation d'établissements de bienfaisance et d'éducation à Wurtemberg, en particulier lors de la famine de 1816. Elle mourut à Stuttgard, en 1819; sur son tombeau fut élevée une chapelle orthodoxe. Elle avait eu deux filles de son second mariage.

(D'après une miniature du Palais de Gatchina.)

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА, 1783—1801, Великая Княжна, старшая дочь Императора Павла I, родилась 29 Іюля 1783 года. Воспитаніемъ Великой Княжны завѣдывала сначала г-жа Виламова, а затѣмъ Шарлотта Карловна Ливенъ, подъ надзоромъ Императрицы Екатерины. Семи лѣтъ отъ роду Великая Княжна была уже миловидной и сложилась такъ, что казалась старше своихъ лѣтъ. „Она", писала о ней Императрица, „говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо пишетъ и рисуетъ, играетъ на клавесинѣ, поетъ, танцуетъ, понимаетъ все очень легко и обнаруживаетъ въ характерѣ чрезвычайную кротость". Въ сборникѣ „Музы", изданномъ въ 1796 г., напечатаны были два перевода Великой Княжны: „Бодрость и благодѣяніе одного крестьянина" и „Долгъ человѣчества", съ замѣчаніями переводчицы, свидѣтельствовавшими о ея благородныхъ и возвышенныхъ чувствахъ. Императрица Екатерина рано задумала о бракѣ Александры Павловны, и уже въ Октябрѣ 1793 г. начались переговоры о сватовствѣ ея съ юнымъ Шведскимъ королемъ, Густавомъ IV; тогда же Великую Княжну начали учить шведскому языку. Интриги дяди короля, герцога Зюдерманландскаго, Карла, долго препятствовали успѣху переговоровъ, но, наконецъ, 13 Августа 1796 г., Густавъ IV, подъ именемъ графа Гага, прибылъ въ Петербургъ, чтобы просить руки Великой Княжны; короля сопровождалъ и герцогъ Зюдерманландскій. При свиданіи молодые люди понравились другъ другу, согласіе на бракъ ихъ уже дано было Императрицей и родителями невѣсты, назначенъ былъ день обрученія, но король отказался подписать договоръ и явиться на обрученіе, ссылаясь на то, что въ договорѣ были статьи, на которыя онъ не давалъ предварительнаго согласія, а именно относительно права будущей Шведской королевы имѣть православную церковь. Когда объ этомъ доложили Императрицѣ, ее поразилъ легкій апоплексическій ударъ; отчаянію и слезамъ Великой Княжны не было предѣловъ. Дальнѣйшіе переговоры съ Густавомъ не кончились благопріятно, вслѣдствіе его упорства. По восшествіи на престолъ Павла I, переговоры возобновились, но и на этотъ разъ ни къ чему не привели. Впрочемъ, взбалмошный характеръ Шведскаго короля не могъ обѣщать ей счастія въ будущемъ. Въ 1799 г. Александра Павловна сдѣлалась, по справедливому выраженію своего отца, жертвою политики. Въ это время заключенъ былъ, для борьбы съ революціонной Франціей, союзъ между Россіей и Австріей; для укрѣпленія этого союза вѣнскій дворъ предложилъ Великой Княжнѣ руку эрцгерцога Іосифа, бывшаго палатиномъ венгерскимъ. Обрученіе эрцгерцога съ Александрой Павловной произошло 20 Февраля въ Петербургѣ, а вѣнчаніе, послѣ блестящихъ побѣдъ Суворова, 19 Октября въ Гатчинѣ; 2 Ноября Александра Павловна выѣхала уже съ мужемъ въ Австрію. Но и тамъ тяжкая судьба ожидала шестнадцатилѣтнюю Великую Княгиню. Вѣнскій дворъ, находившійся на пути къ разрыву съ Россіей и приверженный къ католицизму, встрѣтилъ православную эрцгерцогиню очень холодно и подвергъ ее разнымъ стѣсненіямъ. Ожидая въ началѣ 1801 г. разрѣшенія своего отъ бремени, Великая Княгиня переѣхала изъ Вѣны въ Пештъ, но разстроенное здоровье, послѣдствіе вѣчныхъ слезъ и огорченій, подточило ея силы: роды ея были трудные, и младенецъ жилъ только нѣсколько часовъ. На девятый день послѣ родовъ эрцгерцогиня впала въ горячечный бредъ, повторяла въ жару, что ей тѣсно и душно жить, и рвалась въ Россію. 4 Марта (н. ст.) Александры Павловны не стало.

Злоба вѣнскаго двора преслѣдовала ее и послѣ кончины. Духовнику ея, священнику Самборскому, приказано было совершить погребеніе „въ наивеличайшемъ инкогнито, разумѣется ночью и безъ всякихъ почестей", но Самборскій отказался исполнить это нелѣпое требованіе. Надъ гробомъ Великой Княгини, въ собственномъ ея саду, выстроена была православная церковь, освященная 30 Августа 1801 года. „Ангельская кротость и доброта души Александры Павловны", писалъ о ней современникъ, „соединенныя съ необыкновенною красотою, живутъ до сихъ поръ еще въ памяти русскихъ, видѣвшихъ ея дѣтство, и венгерцевъ, уже начинавшихъ чувствовать на себѣ ея благотворительность".

(Съ миніатюры изъ собраній Гатчинскаго дворца.)

LA GRANDE-DUCHESSE ALEXANDRA PAVLOWNA, 1783—1801, fille aînée de Paul Ier, naquit le 29 juillet 1783. Le soin de son éducation fut d'abord confié à Mme Willamoff, puis à Charlotte Lieven, sous la surveillance de l'Impératrice Catherine. A 7 ans, la Grande-Duchesse était si gentille et si formée, qu'elle paraissait plus que son âge. „Elle parle", écrivait l'Impératrice, „quatre langues, écrit et dessine bien, joue du clavecin, chante, danse, a de la facilité pour tout et un caractère d'une douceur extraordinaire". Le recueil paru en 1796 sous le titre „Les Muses" renferme deux traductions de la Grande-Duchesse: „Vaillance et bienfaisance d'un paysan" et „Devoir d'humanité", accompagnées de remarques qui attestent la noblesse et l'élévation de ses sentiments. L'Impératrice Catherine songea de bonne heure à la marier, et, dès le mois d'octobre 1793, des pourparlers furent engagés pour la fiancer au jeune Roi de Suède Gustave IV; on commença en même temps à apprendre le suédois à la jeune princesse. Les intrigues menées par l'oncle du Roi, le duc Charles de Sudermanie, empêchèrent longtemps les pourparlers d'aboutir, mais à la fin, le 13 août 1796, le Roi vint à Pétersbourg, sous le nom de comte de Haag, demander la main de la Grande-Duchesse, accompagné du duc de Sudermanie. Les deux jeunes gens se plurent; le consentement était déjà donné par l'Impératrice et les parents de la fiancée, et le jour des fiançailles arrêté, lorsque le Roi refusa de signer l'acte et de venir à la cérémonie, sous prétexte qu'il y avait des articles pour lesquels on ne lui avait pas demandé préalablement son consentement: il s'agissait notamment du droit de la future Reine de Suède d'avoir une église orthodoxe. A cette nouvelle, l'Impératrice fut frappée d'une légère attaque d'apoplexie; le désespoir et les larmes de la Grande-Duchesse n'eurent pas de fin. L'obstination de Gustave empêcha les pourparlers d'aboutir. A l'avènement de Paul Ier, ils furent repris, mais sans aucun résultat. D'ailleurs, le caractère désordonné du Roi de Suède ne promettait rien de bon à sa femme. En 1799, Alexandra Pavlowna fut, selon la juste expression de son père, offerte en sacrifice à la politique. On était à l'époque de l'alliance avec l'Autriche pour la lutte avec la France révolutionnaire: pour affermir cette alliance, la cour de Vienne proposa pour la Grande-Duchesse la main de l'archiduc Joseph, palatin de Hongrie. Les fiançailles eurent lieu, le 20 février, à Pétersbourg, et le mariage fut célébré peu après les brillantes victoires de Souvoroff, le 19 octobre, à Gatchina; le 2 novembre, le couple princier partait pour l'Autriche. Là aussi, de pénibles épreuves attendaient la jeune princesse avec ses seize ans. La cour de Vienne était alors en voie de rupture avec la Russie: d'ailleurs catholique, elle réserva à l'archiduchesse orthodoxe un accueil froid et lui infligea mille vexations. Au commencement de 1801, la jeune princesse, dans l'attente d'un enfant, partit pour Pest; mais sa santé était compromise par les larmes et les chagrins continuels, ses forces étaient minées: les couches furent pénibles, et l'enfant ne vécut que quelques heures. Dix jours après, elle était prise d'une fièvre délirante, répétant qu'elle était écrasée et qu'elle étouffait, et voulant à toute force aller en Russie. Le 4 mars (nouv. st.), elle n'était plus.

L'animosité de la cour de Vienne la poursuivit jusque dans la mort. Son confesseur, Samborsky, reçut l'ordre de célébrer l'inhumation „dans le plus strict incognito, la nuit, bien entendu, et sans aucun éclat", mais il refusa de se conformer à ces stupides instructions. Sur le tombeau de la Grande-Duchesse, dans son jardin particulier, on éleva une chapelle orthodoxe, qui fut consacrée le 30 août 1801. „Sa douceur angélique et sa bonté d'âme", dit un contemporain, „jointes à une rare beauté, sont toujours vivantes dans le souvenir des Russes, témoins de son enfance, et dans celle des Hongrois, qui commençaient à éprouver sa bienfaisance".

(D'après une miniature du Palais de Gatchina.)

124

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА, 1784—1803, Великая Княжна, наслѣдная герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, вторая дочь Императора Павла I, родилась 13 Декабря 1784 года. „Малютка эта—чрезвычайной красоты", писала о ней Императрица Екатерина, „и вотъ почему я назвала ее Еленой, т.-е. въ честь Троянской красавицы Елены Прекрасной". Когда Великой Княжнѣ было шесть лѣтъ, Екатерина, сравнивая ее съ ея сестрами, отдавала ей преимущество въ отношеніи наружности, замѣчая, что она красавица въ полномъ смыслѣ слова, что черты лица ея необыкновенно правильны, что она стройна, проворна и легка, короче, воплощенная грація; по словамъ бабушки, Елена Павловна была чрезвычайно жива и вѣтрена, имѣла доброе сердце, и за веселость ее любили болѣе, чѣмъ всѣхъ ея сестеръ. Артистическая натура Великой Княжны выразилась въ особой способности ея къ художествамъ и танцамъ. Едва выйдя изъ отрочества, Елена Павловна выдана была замужъ 12 Октября 1799 г. за наслѣднаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго Фридриха, въ воспитаніи котораго сама Императрица Марія Ѳеодоровна видѣла большіе пробѣлы. Елена Павловна недолго жила послѣ этого и скончалась, какъ говорили, отъ тоски по родинѣ—12 Сентября 1803 года. Надъ могилой ея воздвигнуть православный храмъ.

(Съ миніатюры изъ собраній Гатчинскаго дворца.)

124

LA GRANDE-DUCHESSE HÉLÈNE PAVLOWNA, 1784—1803, duchesse héritière de Mecklembourg-Schwerin, seconde fille de l'Empereur Paul Ier, naquit le 13 décembre 1784. „Cette petite est d'une beauté extraordinaire", écrivait l'Impératrice Catherine, „et c'est pourquoi je l'ai appelée Hélène, en l'honneur de la Belle Hélène". A l'âge de 6 ans, Catherine, la comparant avec ses sœurs, lui donnait la préférence au point de vue physique, et faisait remarquer qu'elle était une beauté dans toute l'acception du terme, qu'elle avait des traits d'une régularité exceptionnelle, de l'élégance, de la souplesse et de la légèreté, bref, qu'elle était la grâce incarnée. Au dire de sa grand-mère, elle était extrêmement vive et étourdie, avait un bon cœur et un caractère gai qui la faisait préférer à ses sœurs. Sa nature artistique se traduisait par un goût particulier pour les arts et la danse. A peine sortie de l'enfance, elle fut mariée, le 12 octobre 1799, au duc héritier de Mecklembourg-Schwerin, Frédéric, à l'éducation duquel l'Impératrice Marie Féodorowna elle-même trouvait d'importantes lacunes. La Grande-Duchesse Hélène ne survécut pas longtemps à ce mariage et mourut, dit-on, de nostalgie, le 12 septembre 1803. Une chapelle orthodoxe s'élève sur son tombeau.

(D'après une miniature du Palais de Gatchina.)

122

Великая Княжна
Екатерина Павловна,
1788 — 1819

La Grande-Duchesse
Catherine Pavlowna,
1788 — 1819

123

Великая Княжна
Александра Павловна,
1783 — 1801

La Grande-Duchesse
Alexandra Pavlowna,
1783 — 1801

124

Великая Княжна
Елена Павловна,
1784 — 1803

La Grande-Duchesse
Hélène Pavlowna,
1784 — 1803

Графиня АННА ИВАНОВНА КОНОВНИЦЫНА, 1769—1843, рождённая Римская-Корсакова, жена генералъ-адъютанта графа Петра Петровича Коновницына, героя Отечественной войны, отличалась чрезвычайной добротой характера; посвятивъ себя всецѣло заботамъ о мужѣ и воспитанію дѣтей, простая и любящая, она была счастлива въ семейной жизни со своимъ „Пьерушкой“, безъ котораго „ничто на свѣтѣ ей не мило“. Рядъ писемъ Анны Ивановны къ мужу изъ эпохи Отечественной войны симпатично характеризуютъ писавшую. Въ это время она была уже матерью значительнаго семейства, требовавшаго постоянныхъ заботъ и состоявшаго изъ дочери „Лизы“ (р. 1802, † 1867 г.), любимицы отца, и 3 сыновей; кромѣ того, ожидалось еще увеличеніе семьи. Всѣ ея мысли были съ мужемъ, находившимся въ походахъ: „Создатель, не погуби меня, не отними моего Пьерушку“. „Какъ грустно“, писала она, „думаю часто, что ежели бы не была въ такомъ положеніи, слетала бы тебя провѣдать, мой дружочекъ“; въ отсутствіи мужа ей казались даже „въ тягость, преступленіемъ, рѣзвость и веселость“ дѣтей. Зная отчаянную храбрость мужа, она постоянно убѣждала его: „Береги себя для насъ, ибо увѣряю, что дѣти безъ тебя пропали: мнѣ ничего мило не будетъ, и за себя не отвѣчаю, твоя жизнь все для меня на свѣтѣ“... „Байковъ мнѣ сказывалъ, что ты страшно мечешься и себя не бережешь, развѣ мы не милы тебѣ, что жизнь свою безъ нужды подвергаешь“. Какъ женщина, она съ своей точки зрѣнія смотрѣла на военныя опасности и писала: „Всякъ говоритъ, что ты рискуешь собой удивительно, не бережешься ни мало, а ежели бы понималъ, что пятеро требуютъ твоей помощи, да и я хуже ихъ, вѣрно не кидался бы такъ, ежели бы насъ искренно любилъ“. Въ то же время, какъ женщина и домовитая хозяйка, она посылала мужу всевозможные припасы: фуфайки, рубашки, носки, кошелекъ своей работы, домашній бульонъ, рябчиковъ и даже „бишевной эссенціи своихъ Кіаровскихъ померанцевъ“. „Увѣдомь обо всѣхъ“, проситъ она, „вся твоя дивизія совершенно мнѣ, какъ своя, молюсь за всѣхъ“; шлетъ поклоны людямъ мужа, проситъ его „беречь Феклиса, бѣдняка не покидай, чаю, труситъ шельма!“ Въ то же время съ радостью слышитъ, что „къ концу армія злодѣя приходитъ. Ахъ, когда возстановится покой, бѣдная Россія! Имѣлъ всего рада бы лишиться, лишь бы любезное отечество наше спасено было!“ А это имѣніе доставляло ей не мало хлопотъ: она жаловалась на недостатки, ее заботило даже, на что бы купить, вмѣсто „прескверныхъ клавикордъ, фортепіано“ для Лизы, которую всѣ находятъ „хорошенькой“ и „qu'elle a une jolie tournure, не хуже городскихъ“. Съ имѣнія „доходу никакого, не знаю, какъ и проценты заплачу; Государь ѣдетъ въ армію, выхлопочи мнѣ съ дѣтьми на проживокъ“... Зная безкорыстіе и непрактичность супруга-рыцаря, она какъ-то писала ему: „Фешъ сказывалъ, что за 15 руб. можно было пудъ серебра достать, а часы, табакерки, кареты задаромъ, а ты, сударикъ, вѣрно ничего не досталъ, да и французиковъ можно мальчишекъ набрать, хотя бы одного прислалъ, авось бы Ваня по-французски сталъ говорить. Учителя не нашла еще, ежели не найду, рѣшусь изъ Дерпта студента выписать для нѣмецкаго языка“. При этомъ перечисляетъ, что Петруша „удивляетъ своими военными познаніями“, Ваня (р. 1809 г.)—„прерѣзвой шалунъ“, Гриша (р. 1810 г.)—„прекрасный собой, грасовъ пропасть, не глупъ будетъ, и всѣ его любятъ, очень на моего отца походитъ“. Но вотъ родился еще „Алеша“ (р. 1813 г., † 1852 г., холостъ); онъ, „курносинькій, подбородокъ и роть, кажется, твоего отца, глаза голубые, волосы черные, длинные, уши кругомъ обросли волосомъ“, что есть, по словамъ бабушки, „знакъ сильнаго“. Алешу креститъ самъ Государь, который шлетъ кумѣ пряжку съ брильянтами и поклонъ: „Скажите ей, что И. И. здоровъ, правда, ему холодно, но очень весело“. И послѣ этого жена пишетъ Петру Петровичу: „Благослови дочь и 4 сыновей. Какова семейка! Сколько Коновницыныхъ тебѣ народила, ты долженъ болѣе меня любить, сударь! Всѣ мужчины таковы, умри я, и ты красавицу подхватишь, и меня забудешь,—па зло жить хочу!“ И она на 20 лѣтъ пережила мужа, зато имѣла несчастіе видѣть, какъ ея старшій сынъ, Петръ, за участіе въ декабрьскомъ бунтѣ былъ сосланъ, а дочь, любимица мужа, красивая, граціозная Елизавета Петровна, послѣдовала въ Сибирь за мужемъ, декабристомъ Михаиломъ Михайловичемъ Нарышкинымъ. Графиня Анна Ивановна Коновницына умерла 29 Января 1843 года.

(Съ портрета Максимова; собственность графини Е. П. Коновницыной, въ Москвѣ.)

La comtesse ANNA IVANOWNA KONOVNITZYNE, 1769—1843, née Rimsky-Korsakoff, femme du général aide de camp Pierre Pétrowitch Konovnitzyne, héros de la Guerre Patriotique, se distinguait par une extrême bonté de caractère; tout entière au soin de son mari et à l'éducation de ses enfants, simple et affectueuse, elle était heureuse dans son intérieur avec son „Pierrot", sans lequel „rien au monde n'était pour elle". Ses lettres à son mari lors de la Guerre Patriotique donnent d'elle une idée bien sympathique. Elle était alors déjà à la tête d'une nombreuse famille, demandant des soins incessants, et composée de sa fille „Lise" (1802—1867), la préférée du père, et de trois garçons; en outre, on attendait encore un nouveau bébé. Toutes ses pensées suivaient son mari dans ses campagnes. „Mon Dieu, sauvez-moi, ne m'ôtez pas mon Pierrot". „Comme c'est triste", écrivait-elle, „je me dis souvent que si ce n'était pas ma position, je m'élancerais pour te voir, mon cher ami". En l'absence de son mari, elle trouvait même „pénible et indigne de voir les enfants jouer et s'amuser". Le sachant d'une bravoure désespérée, elle passait son temps à lui donner des conseils: „Conserve-toi pour nous, car je t'assure que, sans toi, les enfants sont perdus; rien au monde ne sera plus pour moi, et je ne réponds plus de moi: c'est ta vie qui est tout pour moi au monde"..... „Baïkoff me dit que c'est terrible comme tu te démènes et comme tu ne te ménages pas: est-ce que tu ne nous aimes plus, pour t'exposer ainsi sans nécessité?" Comme femme, elle avait sa manière d'envisager les dangers de la guerre et écrivait: „Tout le monde dit que c'est étonnant comme tu t'exposes et comme tu ne te ménages guère: mais tu ne sais donc pas qu'ils sont cinq qui ont besoin de toi, et moi encore plus; vraiment tu ne ferais pas tout ça si tu nous aimais sincèrement". En même temps, comme femme et comme maîtresse de maison entendue, elle lui envoyait toute espèce de choses: du linge, une bourse qu'elle avait faite elle-même, du bouillon, des perdreaux. „Parle-nous de tout le monde", dit-elle, „ta division tout entière est absolument pour moi comme des nôtres: je prie pour tout le monde". Elle envoie ses compliments à tous les gens de son mari: „Prends soin de ce pauvre F., ne le quitte pas; il doit en avoir, une peur, le gaillard!" Elle est heureuse d'apprendre que „l'armée du scélérat touche à sa fin. Ah! quand est-ce qu'elle retrouvera la tranquillité, la malheureuse Russie? Je donnerais toute la propriété pour le salut de notre cher pays!" Et cette propriété lui causait bien des tracas: elle se plaignait de tout ce qui n'allait pas; elle se demandait même avec quoi acheter, au lieu de „ce détestable clavecin, un piano" pour Lise, que tout le monde trouve „bien gentille, avec une jolie tournure, pas plus mal que les demoiselles de la ville". La propriété „ne rapporte rien: je ne sais pas comment payer les intérêts. L'Empereur va à l'armée: tâche d'avoir quelque chose pour moi et les enfants"..... Connaissant le désintéressement et le peu d'esprit pratique du chevaleresque comte, elle lui écrit: „Fensch dit que pour 15 roubles on peut avoir un poude d'or, et puis des montres, des tabatières, des voitures, tout ça pour rien, mais toi, je suis sûre que tu n'as rien du tout. Et puis on peut aussi prendre des petits français: si tu en envoyais seulement un, Jeannot apprendrait à parler avec lui. Je n'ai pas encore trouvé de maître: si je n'en trouve pas, je ferai venir un étudiant de Dorpat pour l'allemand". Puis elle lui parle de la petite famille: „Pierrot est étonnant pour ses connaissances militaires", Jeannot (né 1809) „fait les cent coups", Grégoire (né 1810) „est un bel enfant, gentil comme tout, qui ne sera pas bête, que tout le monde aime bien et qui ressemble beaucoup à mon père". Puis c'est un nouveau bébé, Alexis (né 1813, † 1852, célibataire), „un petit camard, le menton et la bouche comme son père, les yeux bleus, des cheveux noirs bien longs, les oreilles garnies de poils, signe de force, comme dit grand-maman". Il a pour parrain l'Empereur lui-même, qui envoie à la marraine une broche en brillants avec un mot pour la mère: „Dites-lui que son mari est en bonne santé, qu'il a bien un peu froid, mais qu'il est de très bonne humeur". Elle lui écrit alors: „Bénis ta fille et tes quatre fils. La jolie petite famille! En voilà, des Konovnitzyne: tu dois m'aimer davantage, maintenant. Les hommes sont tous les mêmes: je n'ai qu'à mourir, tu en trouveras une autre et tu m'oublieras, mais je ne veux pas de ça, je veux vivre!" Et elle survécut de vingt ans à son mari: il est vrai qu'elle eut la douleur de voir son aîné, Pierre, mêlé aux affaires de décembre et déporté, et sa fille, la préférée du père, la belle et gracieuse Elisabeth, suivre en Sibérie son mari le décabriste Michel Narychkine. La comtesse Konovnitzyne mourut le 29 janvier 1843.

(D'après l'original de Maximoff, propriété de la comtesse C. Konovnitzyne, Moscou.)

Графъ ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ КОНОВНИЦЫНЪ, 1764—1822, сынъ генералъ-поручика Петра Петровича отъ брака съ Анной Еремѣевной Родзянко, родился 28 Сентября 1764 года; въ домѣ отца, бывшаго тогда Петербургскимъ губернаторомъ, получилъ прекрасное воспитаніе; учился въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ корпусахъ и началъ службу въ Семеновскомъ полку. Прапорщикомъ участвовалъ уже въ войнѣ со Швеціей, а въ 1791 г. былъ у Потемкина въ южной арміи; здѣсь его впервые узналъ и оцѣнилъ Кутузовъ, сохранившій навсегда привязанность къ Коновницыну. Назначенный командиромъ Старооскольскаго мушкатерскаго полка, участвовалъ въ Польской кампаніи и, получивъ за дѣло при Слонимѣ Георгія 4-й ст., „почиталъ себя тогда счастливѣйшимъ изъ смертныхъ“. Въ 1797 г. Коновницынъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ шефомъ Гренадерскаго Кіевскаго полка, а въ слѣдующемъ году отставленъ отъ службы и удалился въ свое имѣніе, Гдовскаго уѣзда. Считая свою военную карьеру оконченной, онъ въ уединеніи занялся пополненіемъ своего образованія, не оставляя, однако, совсѣмъ и военныхъ наукъ. Такъ провелъ онъ 8 лѣтъ, пока не призвалъ въ 1806 г., по желанію Петербургскаго дворянства, командованія земской милиціей. За успѣшное ея формированіе онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., заслужилъ расположеніе Государя и былъ вновь принятъ на службу, съ зачисленіемъ въ свиту по квартирмейстерской части; 20 Января 1808 г. назначенъ дежурнымъ генераломъ въ армію гр. Буксгевдена, и за Финляндскую кампанію, за участіе въ бояхъ и осадѣ Свеаборга, награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. и назначенъ командиромъ 3-й пѣхотной дивизіи. Одинъ изъ видныхъ героевъ Отечественной войны, Коновницынъ удерживалъ французовъ подъ Витебскомъ, подъ Смоленскомъ былъ раненъ въ руку, 16 Августа назначенъ начальникомъ арріергарда отступавшихъ русскихъ армій, подъ Бородинымъ, контуженный ядромъ въ поясницу, послѣ Багратіона временно командовалъ 2-й арміей, а на другой день назначенъ начальникомъ 3-го пѣхотнаго корпуса. 6 Сентября назначенъ дежурнымъ генераломъ и сдѣлался ближайшимъ помощникомъ Кутузова, безпредѣльнымъ довѣріемъ котораго всегда пользовался. Не зная покоя и устали при исполненіи этой сложной обязанности, Коновницынъ находилъ время участвовать и въ бояхъ, и въ Вильнѣ награжденъ Георгіемъ 2-й ст.; командуя гренадерскимъ корпусомъ, подъ Люценомъ былъ тяжело раненъ въ ногу. Въ 1814 и 1815 гг. сопровождалъ Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей въ поѣздкѣ за границу, 2 Декабря 1815 г. назначенъ Военнымъ министромъ, а 25 Ноября 1819 г. главнымъ директоромъ военно-учебныхъ заведеній. 2 Декабря того же года сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 12 Декабря возведенъ въ графское достоинство.

Былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Римской-Корсаковой и имѣлъ 4 сыновей и 1 дочь. Умеръ 28 Августа 1822 г. и похороненъ въ своемъ селѣ Кіаровѣ, Гдовскаго уѣзда.

Рѣдко о комъ отзывы современниковъ такъ сходятся. Скромный, съ прямой и честной душой, съ мягкимъ сердцемъ, гр. Коновницынъ былъ прекраснымъ семьяниномъ и „казался созданнымъ“ для роли начальника надъ учебными заведеніями: онъ особенно старался о воспитаніи молодыхъ людей и, принимая ихъ въ своей семьѣ, заслужилъ ихъ любовь и полное довѣріе. Человѣкъ блестящей храбрости, онъ „принадлежалъ къ малому числу счастливцевъ, одаренныхъ отъ природы тѣми высокими военными качествами, благодаря которымъ, въ минуты рѣшенія участи сраженій, могутъ дать битвѣ другой оборотъ“. Спокойно разъѣзжая въ колпакѣ, съ трубкой въ зубахъ, вблизи опасности, онъ не могъ видѣть боя, чтобы не броситься въ самый жаркій огонь, и былъ всегда любимцемъ солдатъ. Кутузовъ берегъ Коновницына, но иногда не могъ побороть его упрямства и съ сердцемъ говорилъ ему: „Отвяжись и ступай, куда хочешь“, зато подъ Малоярославцемъ фельдмаршалъ самъ сказалъ ему: „Петръ Петровичъ, ты знаешь, какъ я берегу тебя, но теперь прошу тебя очистить городъ“. Отвага брала верхъ у Коновницына надъ разсудкомъ. „Я умру спокойно“, говорилъ онъ, „ибо я не вишовать въ отдачѣ Наполеону Москвы“. Несмотря на безграничное благоговѣніе предъ старымъ фельдмаршаломъ, Коновницынъ на совѣтѣ въ Филяхъ подалъ голосъ противъ отступленія.

(Съ портрета Кипренскаго; находится въ залѣ Благороднаго Собранія, въ Москвѣ.)

Le comte **PIERRE PÉTROWITCH KONOVNITZYNE**, 1764—1822, fils du général lieutenant Pierre Pétrowitch et d'Anna Eréméewna, née Rodzianko, naquit le 28 septembre 1764. Il reçut chez son père, alors gouverneur de Pétersbourg, une excellente éducation, passa par le Corps d'Artillerie et celui du Génie, et débuta au service au régiment Sémenowsky. Encore lieutenant, il prit part à la guerre de Suède, et en 1791 alla avec Potemkine à l'armée du midi; il s'y fit pour la première fois remarquer et apprécier de Koutouzoff, qui lui conserva toujours son attachement. A la tête du régiment des mousquetaires de Staro-Oskolsk, il fit la campagne de Pologne, où la croix de St-Georges de 4e classe, qu'il gagna à l'affaire de Slonim, „fit de lui le plus heureux des mortels". En 1797, il fut promu général major et nommé chef du régiment des grenadiers de Kieff; l'année suivante il quitta le service et se retira dans sa propriété, près de Gdowsk. Considérant sa carrière militaire comme terminée, il occupa sa retraite à compléter son instruction, mais sans négliger absolument l'art militaire. Ainsi se passèrent huit années, au bout desquelles il fut appelé en 1806 par la noblesse de Pétersbourg au commandement de la milice locale; le succès avec lequel il l'organisa lui valut Ste-Anne de 1e classe, lui concilia la faveur de l'Empereur et le fit rentrer au service comme attaché à l'Intendance de la Suite. Le 20 janvier 1808, il fut nommé général de service à l'armée du comte Buxhœwden: la campagne de Finlande, les affaires et le siège de Swéaborg lui valurent St-Georges de 3e classe et le commandement de la 3e division d'infanterie. A la Guerre Patriotique, où il eut un rôle des plus marquants, Konovnitzyne arrêta les Français sous Vitebsk, fut blessé au bras à Smolensk, nommé le 16 août commandant de l'arrière-garde des armées en retraite, contusionné au ventre par un boulet à Borodino, fait successeur provisoire de Bagration à la 2e armée et nommé le lendemain commandant du 3e corps d'infanterie. Le 6 septembre, il fut fait général de service et devint le bras droit de Koutouzoff, qui ne cessa de lui témoigner une confiance illimitée. Sans trève ni repos dans ces fonctions compliquées, il trouva encore le temps de faire campagne, et à Vilna gagna le St-Georges de 2e classe, puis à Lutzen, à la tête d'un corps de grenadiers, reçut une blessure grave à la jambe. En 1814 et 1815, il accompagna à l'étranger les Grands-Ducs Nicolas et Michel, le 2 décembre 1815 fut nommé ministre de la Guerre, et le 25 novembre 1819 directeur général des écoles militaires. Le 2 décembre de la même année, il fut fait membre du Conseil de l'Empire, et le 12 décembre élevé à la dignité de comte.

Il épousa Anna Ivanowna Rimsky-Korsakoff, dont il eut quatre fils et une fille. Il mourut le 28 août 1822 et fut inhumé dans ses domaines de Kiaroff, près Gdowsk.

L'opinion des contemporains est à son égard d'une unanimité peu commune. Avec sa simplicité, sa droiture, sa loyauté et son extrême bonté, le comte Konovnitzyne fut un excellent chef de famille, et „semblait fait exprès" pour être directeur des écoles militaires: il s'intéressait particulièrement à l'éducation des jeunes gens, les admettait dans son intérieur et s'y conciliait leur affection et leur pleine confiance. D'une bravoure extraordinaire, „il était du petit nombre des hommes de guerre que la nature favorise de ces qualités supérieures qui, à la minute décisive, permettent de faire tourner le sort d'un combat". Circulant tranquillement en bonnet, la pipe aux dents, à portée du danger, il ne pouvait assister à un combat sans se jeter au plus ardent du feu, et fut toujours adoré des soldats. Koutouzoff le ménageait, mais ne pouvait pas toujours avoir raison de sa ténacité, et lui disait alors avec humeur: „Fais comme tu voudras, va où tu voudras". Pourtant, à Malo-Yaroslavetz, le feld-maréchal lui dit lui-même: „Tu sais comme je te ménage, mais cette fois, il faut que tu me déblaies la ville". La témérité étouffait en lui la raison. „Je mourrai tranquille", disait-il, „car je ne suis pour rien dans la reddition de Moscou à Napoléon". Malgré sa déférence sans bornes envers le vieux Koutouzoff, Konovnitzyne, au conseil de guerre de Fili, se prononça contre la retraite.

(D'après l'original de Kiprensky, salle de l'Assemblée de la Noblesse, Moscou.)

125

Графиня Анна Ивановна Коновницына.
1769 — 1843

La Comtesse Anne Ivanowna Konovnitzyne,
1769 — 1843

126

Пис. Кипренскій *Peint par Kiprensky*

Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ,
1764 — 1822

Le Comte Pierre Pétrowitch Konovnitzyne,
1764 — 1822

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ **АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БОБРИНСКІЙ**, 1762—1813, родоначальникъ этой фамиліи, родился въ четвергъ на Пасхальной недѣлѣ 11 Апрѣля 1762 г. и тотчасъ былъ взятъ на воспитаніе камердинеромъ Императрицы Василіемъ Шкуринымъ. Разсказываютъ, что когда наступилъ моментъ появленія на свѣтъ ребенка, тотъ же Шкуринъ поджегъ на окраинѣ Петербурга свой собственный домъ, а когда Петръ III вернулся съ пожара, Екатерина имѣла столько силы воли, что встрѣтила его сама. Двадцать лѣтъ спустя, Екатерина II писала Бобринскому: „Мать ваша, бывъ угнетаема разными непріязнями и непріятелями, спасая себя и старшаго сына, принуждена нашлась скрыть ваше рожденіе“. Въ младенчествѣ Бобринскій считался сыномъ Шкурина, щедро награжденнаго за „незабвенной памяти“ преданность, и воспитывался съ его сыновьями, вмѣстѣ съ которыми былъ отправленъ въ Лейпцигъ. Сынъ Г. Г. Орлова, Алексѣй Григорьевичъ, не сразу получилъ фамилію Бобринскаго, происшедшую отъ пожалованнаго ему въ 1765 г. села „Бобрики“ (вмѣстѣ съ г. Богородицкомъ), въ Тульской губерніи, первоначально же онъ былъ названъ княземъ Сицкимъ. По возвращеніи въ 1774 г. изъ-за границы жилъ у Бецкаго, затѣмъ окончилъ въ 1782 г. кадетскій корпусъ и пожалованъ въ Конную гвардію поручикомъ, съ увольненіемъ на 2 года въ чужіе края. Съ тремя товарищами, чрезъ Кіевъ и Варшаву, онъ отправился въ Вѣну въ сопровожденіи полковника Бушуева. Уже изъ Варшавы послѣдній писалъ о Бобринскомъ: „Нѣтъ случая, гдѣ бы онъ не оказалъ самолюбія неумѣреннаго, нѣтъ разговора между сотоварищами, гдѣ бы онъ не желалъ взять надъ ними поверхности. Онъ столь надменъ и столь щекотливъ, что все пріемлетъ онъ съ оскорбленіемъ. Изъ главныхъ слабостей есть въ немъ еще безпечность и нерадѣніе видѣть или узнать что ни есть полезное. Его ничто не трогаетъ, ничто не заманиваетъ“. Изъ Вѣны онъ жаловался на распущенность молодого человѣка, а въ 1785 г. въ Парижѣ совсѣмъ оставилъ Бобринскаго послѣ того, какъ тотъ ослушался приказанія Императрицы вернуться въ Россію. Мать давала ему много денегъ, которыя не удерживались въ его рукахъ. Онъ удивлялъ иностранцевъ своей расточительностью; игроки и всякіе проходимцы окружили его и всячески его обирали, вовлекая въ разные легкомысленные поступки. Въ Апрѣлѣ 1788 г. Бобринскій пріѣхалъ въ Россію, но получилъ приказаніе жить въ Ревелѣ; 18 Іюня 1790 г. былъ уволенъ отъ службы бригадиромъ. Императрица была очень раздражена противъ него. Въ Ревелѣ Бобринскій, 16 Января 1796 г., женился на дочери коменданта баронессѣ Аннѣ Владиміровнѣ Унгернъ-Штернбергъ; послѣ женитьбы онъ остепенился, а его имущественныя дѣла были приведены въ порядокъ опекуномъ И. В. Завадовскимъ. Молодые въ это время жили около Дерпта въ замкѣ Оберъ-Палепъ, но вскорѣ получили разрѣшеніе явиться ко Двору. Павелъ I благоволилъ къ Бобринскому, называлъ его „братомъ“ и возвелъ 20 Ноября 1796 г. въ графское достоинство, затѣмъ пожаловалъ въ генералъ-майоры и назначилъ управляющимъ Петербургскимъ воспитательнымъ домомъ. Выйдя въ отставку въ Сентябрѣ 1798 г., Бобринскій уже до конца дней оставался частнымъ человѣкомъ, дѣля время между Тульской губерніей, Оберъ-Палепомъ и Петербургомъ.

Не интересуясь ничѣмъ въ молодости, впослѣдствіи Бобринскій сдѣлался хорошимъ сельскимъ хозяиномъ; отъ отца онъ наслѣдовалъ его пристрастіе ко всякимъ физическимъ опытамъ и астропоміи, занимался также минералогіей. Подъ конецъ жизни онъ пересталъ заботиться о своей внѣшности; только изрѣдка, при гостяхъ, онъ надѣвалъ на свою большую, рано облысѣвшую голову, спѣшно, нерѣдко на бокъ, какой-нибудь парикъ. Носилъ засаленную одежду, ходилъ гулять въ старомодномъ сѣромъ сюртукѣ, карманы котораго наполнялись монетами, отдѣльно золотыми, серебряными и мѣдными, которыми онъ одѣлялъ бѣдныхъ, по своему усмотрѣнію. Онъ любилъ заниматься также мастерствомъ, и изъ лабораторіи и мастерской шелъ, не переодѣваясь и не вымывши рукъ, обѣдать. Умеръ въ Тульской губ., въ г. Богородицкѣ, 20 Іюня 1813 г., и погребенъ въ селѣ Бобрикахъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю В. П. Гагаринуу, въ Москвѣ.)

Le comte ALEXIS GRIGORIEWITCH BOBRINSKY, 1762—1813, chef de la famille de ce nom, naquit le Jeudi de Pâques, 11 avril 1762, et, dès sa naissance, fut élevé par le valet de chambre de l'Impératrice Basile Chkourine. On raconte que le moment de sa naissance approchait, lorsque ce Chkourine eut mis le feu à sa maison de Pétersbourg, aux barrières de la ville, et que, quand Pierre III revint de l'incendie, Catherine eut la force de volonté d'aller en personne au-devant de lui. Vingt ans après, Catherine II écrivait à Bobrinsky: „Votre mère, en butte à diverses intrigues et inimitiés, se trouva contrainte, pour se sauver, elle et son fils aîné, de cacher votre naissance". Dans son enfance, Bobrinsky passa pour fils de Chkourine, qui fut gratifié d'une généreuse récompense pour son „inoubliable attachement", et fut élevé en même temps que ses enfants, avec lesquels on l'envoya à Leipzig. Fils de Grégoire Orloff, il ne reçut pas tout de suite le nom de Bobrinsky, qui provenait du bourg de Bobriki, dont il fut, ainsi que de la ville de Bogoroditzky (gouv. de Toula), gratifié en 1765: il avait d'abord reçu le nom de prince Sitzky. A son retour de l'étranger, en 1774, il habita chez Betzky, puis alla au corps des Cadets dont il sortit en 1782 lieutenant de la Garde à cheval avec un congé de deux ans à l'étranger. Avec deux camarades, il alla par Kieff et Varsovie à Vienne en compagnie du colonel Bouchouyeff. A Varsovie déjà, celui-ci écrivait à propos de Bobrinsky: „Il ne manque pas une occasion de faire preuve d'un amour-propre démesuré. Il n'y a pas une conversation où il ne veuille prendre le pas sur ses camarades. Il est si orgueilleux et si susceptible qu'il prend tout du mauvais côté. Entre autres points faibles, il a celui de ne pas s'intéresser ni se soucier de voir ou d'apprendre quoi que ce soit d'utile. Rien ne le touche, rien ne l'attire". A Vienne, il se plaignait du laisser-aller du jeune homme, et en 1785, à Paris, il le laissa entièrement, quand il eut refusé d'obéir à l'Impératrice et de rentrer en Russie. Sa mère lui donnait des quantités d'argent, qui ne lui tenaient pas aux mains. Il étonnait les étrangers par sa prodigalité; il était entouré de joueurs et autres aventuriers qui le dépouillaient et l'entraînaient à des affaires suspectes. En avril 1778, Bobrinsky revint en Russie, mais reçut l'ordre de se fixer à Rével; le 18 juin 1790, il fut mis à la retraite comme brigadier. L'Impératrice était fort irritée contre lui. A Rével, il épousa, le 16 janvier 1796, la fille du commandant, baronne Anna Vladimirowna Ungern-Sternberg; dès lors il se rangea, et ses biens furent mis en ordre sous la tutelle de P. Zavadowsky. Les nouveaux mariés habitaient alors le château d'Ober-Pahlen, près Dorpat, mais reçurent bientôt l'autorisation de paraître à la Cour. Paul Ier témoigna sa bienveillance à Bobrinsky, l'appelant „mon frère", et l'éleva le 20 novembre 1796 à la dignité de comte, puis le fit général-major et le nomma directeur des Enfants-Trouvés de Pétersbourg. Bobrinsky prit sa retraite en septembre 1798, et resta définitivement dans la vie privée, partageant son temps entre ses terres du gouvernement de Toula, Ober-Pahlen et Pétersbourg.

Après avoir passé toute sa jeunesse sans s'intéresser à rien, Bobrinsky fit dans la suite avec succès de l'exploitation rurale. Il tenait de son père la passion de la physique expérimentale et de l'astronomie, et s'occupa également de minéralogie. Vers la fin de sa vie, il cessa de prendre soin de sa personne: de loin en loin seulement, quand il avait du monde, il se contentait de planter sur sa grosse tête prématurément chauve, et souvent de travers, une perruque quelconque. Il avait des habits graisseux, et mettait pour sortir une redingote grise à la vieille mode avec des pièces de monnaie plein ses poches, or, argent et billon séparément, pour distribuer aux pauvres, à son idée. Il faisait aussi du travail manuel, et allait dîner en sortant de son laboratoire ou de son atelier sans s'habiller ni se laver les mains. Il mourut à Bogoroditzky, gouv. de Toula, le 20 juin 1813, et fut inhumé à Bobriki.

(D'après une miniature appartenant au prince V. Gagarine, Moscou.)

Графиня АННА ВЛАДИМІРОВНА БОБРИНСКАЯ, 1769—1846, дочь Ревельскаго коменданта барона Унгернъ-Штернберга, жена перваго графа Бобринскаго, родилась 9 Января 1769 года. По преданію, родители долго не соглашались на бракъ дочери съ Алексѣемъ Григорьевичемъ, полагая, что Императрицѣ бракъ этотъ будетъ не угоденъ: тогда говорили, что Екатерина II имѣетъ въ виду женить Бобринскаго на одной изъ нѣмецкихъ принцессъ. Свадьба состоялась 16 Января 1796 г., послѣ чего молодые пріѣхали въ Петербургъ. Екатерина ласково приняла невѣстку и сказала ей: „Et vous n'avez pas eu peur d'épouser ce mauvais sujet", намекая на то, что молодая женщина должна была имѣть значительную долю мужества, чтобы рѣшиться выйти замужъ за человѣка съ такой репутаціей, какую составилъ себѣ въ Россіи и за границей Бобринскій, не разъ уже навлекавшій на себя серіозный гнѣвъ Императрицы. По словамъ князя П. М. Долгорукаго, графиня Бобринская отличалась „веселымъ характеромъ, добротой въ намѣреніяхъ и простотой въ обычаяхъ", другіе подтверждаютъ, что она была женщина „отмѣннаго ума и сердца". 20 Іюня 1813 г. графиня овдовѣла и вскорѣ поселилась въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Дмитровкѣ (теперь домъ гр. Васильевой-Шиловской). Здѣсь она „расположилась во что бы то ни стало жить весело и забавлять весь городъ. Вся публика къ ней хлынула. Она была уже не молода, но здорова и во всѣхъ физическихъ силахъ, при томъ чрезвычайно богата; она увлекалась во всѣ роды житейскаго удовольствія; скоро появился въ домѣ ея театръ, и тотчасъ приглашенъ я былъ въ ея сообщество",—такъ пишетъ въ своемъ „Кашицѣ сердца" тотъ же князь Долгорукій. Пріемы, любительскіе спектакли, званые вечера и маскарады чередовались безъ перерыва въ ея домѣ. О нихъ упоминаетъ и А. Я. Булгаковъ въ своей перепискѣ съ братомъ. Впрочемъ, она очень недолго прожила въ Москвѣ и переселилась въ Петербургъ. По словамъ Корфа, графиня Бобринская была „одна изъ почетнѣйшихъ, умнѣйшихъ и наиболѣе любимыхъ дамъ высшаго круга. Замужество открыло ей доступъ ко Двору, а высшія качества и плѣнительный умъ не замедлили къ ней всѣхъ привязать. Положеніе ея при Дворѣ было исключительное, потому что придворнаго званія она не имѣла. Она пользовалась особеннымъ расположеніемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а Государь Николай Павловичъ часто навѣщалъ ее и называлъ „ma tante". Высшее общество стекалось въ ея великолѣпный домъ на Галерной, почти единственный, гдѣ держалась бесѣда безъ неизбѣжныхъ танцевъ и картъ, но были и балы въ присутствіи Императорской фамиліи".

Умерла она въ С.-Петербургѣ, въ глубокой старости, 28 Марта 1846 г. и погребена въ селѣ Бобрикахъ, Тульской губерніи. У нея было 5 сына: графы Алексѣй (р. 6 Янв. 1800 г., † 4 Окт. 1868 г.), Павелъ (р. въ Ноябрѣ 1800 г., † 7 Янв. 1850 г.) и Василій (р. 13 Янв. 1804 г.), и одна дочь, Марія (р. 30 Янв. 1798 г., † 30 Іюля 1855 г.), въ замужествѣ за гофмейстеромъ княземъ И. С. Гагаринымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю В. П. Гагарину, въ Москвѣ.)

128

La comtesse ANNA VLADIMIROWNA BOBRINSKY, 1769—1846, fille du baron Ungern-Sternberg, commandant de Rével, et femme du premier comte Bobrinsky, naquit le 9 janvier 1769. Ses parents seraient, dit-on, restés longtemps sans consentir à son mariage avec Alexis Bobrinsky dans la crainte de déplaire à l'Impératrice, à laquelle on prêtait l'intention de marier le comte à une princesse allemande. Le mariage eut lieu le 16 janvier 1796, puis les conjoints vinrent à Pétersbourg. Catherine fit bon accueil à sa bru, et lui dit: „Et vous n'avez pas eu peur d'épouser ce mauvais sujet?" On sait quelle réputation s'était faite Bobrinsky tant en Russie qu'à l'étranger, et comment il avait sérieusement encouru à plusieurs reprises le courroux de l'Impératrice. Au témoignage du prince I. Dolgorouky, la comtesse avait „un caractère gai, des intentions généreuses et des habitudes simples"; d'autres confirment qu'elle était une femme „distinguée d'esprit et de cœur". Le 20 juin 1813, elle devint veuve, et se fixa bientôt à Moscou, dans sa maison de la Dmitrowka (aujourd'hui au comte Vassilieff-Chilowsky). Là, „elle fit tout pour s'amuser et amuser toute la ville. Ce fut chez elle une avalanche de monde. Elle n'était plus jeune, mais était restée en bonne santé et en pleine force; puis elle avait une très grosse fortune. Elle fut avide de toutes les distractions possibles: elle se fit bientôt organiser un théâtre chez elle, et moi-même je fus de ses invités", dit dans son „Sanctuaire de mon cœur" le même prince Dolgorouky. Réceptions, spectacles d'amateurs, soirées, bals masqués, ce fut chez elle une suite ininterrompue de fêtes. Il en est question dans les lettres de A. Boulgakoff à son frère. Du reste, son séjour à Moscou ne fut pas de longue durée, et elle alla à Pétersbourg. Au témoignage de Korff, la comtesse était „une des plus estimables, des plus intelligentes et des plus aimées de la haute société. Son mariage lui ouvrit l'accès de la Cour, où ses qualités supérieures et son esprit captivant eurent vite fait de lui attacher tous les cœurs. Sa position y était exceptionnelle, car elle n'y avait aucun titre. Elle jouissait de la faveur particulière de l'Impératrice Marie Féodorowna, et l'Empereur Nicolas allait souvent la voir et l'appelait „ma tante". Sa magnifique maison de la Galernaïa était le rendez-vous de la haute société, et c'était le seul endroit, pour ainsi dire, où on causait sans danser ni jouer: pourtant elle y donna aussi des bals honorés de la présence de la Famille Impériale".

Elle mourut à St-Pétersbourg, dans une vieillesse avancée, le 28 mars 1846, et fut inhumée à Bobriki, gouv. de Toula. Elle avait eu trois fils, les comtes Alexis (6 janv. 1800—4 oct. 1868), Paul (nov. 1800—7 janv. 1830) et Basile (né le 13 janv. 1804), et une fille, Marie (30 janv. 1798—30 juill. 1835), qui épousa le maître de la Cour N. Gagarine.

(D'après une miniature appartenant au prince V. Gagarine, Moscou.)

129

Графиня **ЕЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА РАЗУМОВСКАЯ**, 1764—1806, рожденная графиня Тунъ-Гогенштейнъ-Клёстерле, первая жена свѣтл. князя Андрея Кирилловича Разумовскаго, происходила изъ древней и знатной австрійской дворянской фамиліи и была дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Франца Іосифа Тунъ. Въ Октябрѣ 1788 г. она вышла замужъ за графа А. К. Разумовскаго. Старикъ отецъ былъ противъ брака любимаго сына съ иностранкой, но затѣмъ, слыша восторженные отзывы о графинѣ Тунъ отъ дочери Наталіи Кирилловны Загряжской и отъ своего друга, графа Ивана Григорьевича Чернышева, согласился. Пріѣхавъ съ мужемъ въ Россію, графиня Елизавета Осиповна очаровала старика своей добротой, любезностью, веселымъ и живымъ характеромъ, и сдѣлалась его любимой невѣсткой. Онъ подарилъ молодымъ свой портретъ, писанный съ него художникомъ Баттони въ Римѣ въ 1767 г., и даже собирался пріѣхать гостить въ Вѣну. Мало того, молодая графиня сумѣла снискать, что было очень важно въ семейныхъ отношеніяхъ, расположеніе родственницы, графини Софьи Осиповны Апраксиной, жившей въ домѣ графа Кирилла Григорьевича на положеніи хозяйки.

Блѣдная, болѣзненная, графиня Разумовская не была красавицей, но имѣла какую-то своеобразную прелесть, привлекавшую къ ней сердца. Она была до конца жизни любимицей Вѣнскаго общества, которое охотно посѣщало ея вечера, куда являлись на поклонъ иностранцы, гдѣ находили себѣ покровительство и радушный пріемъ разныя знаменитости искусства и художники, при чемъ хозяйка была сама любительницей музыки и пѣвицей съ пріятнымъ голосомъ; подъ конецъ ея жизни на эти вечера стекались заклятые враги Наполеона, и ея салонъ пріобрѣлъ политическій оттѣнокъ. Графиня не была ревнива, хотя ея мужъ подавалъ не мало къ тому поводовъ, и графъ С. Р. Воронцовъ отзывался о ней, что она „une femme aimable et qui lui est attachée, il la rend malheureuse“. Она умерла 11 Декабря 1806 года отъ изнурительной болѣзни, которой страдала много лѣтъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Е. А. Евреиновой, въ С.-Петербургѣ.)

129

La comtesse ÉLISABETH OSSIPOWNA RAZOUMOWSKY, 1764 — 1806, née comtesse de Thun-Hohenstein-Klœsterlœhe, première femme du prince sérénissime André Kyrillowitch Razoumowsky, provenait d'une ancienne et notable famille de la noblesse autrichienne; elle était fille du conseiller privé actuel comte François-Joseph Thun. En octobre 1788, elle épousa le comte Razoumowsky. Le vieux père s'opposa d'abord au mariage de son fils préféré avec une étrangère, mais ensuite, le bien qu'il entendit dire de la comtesse par sa fille Natalie Zagriajsky et son ami le comte Ivan Grigoriewitch Tchernycheff le décida. Elle vint le voir en Russie avec son mari, et tout de suite le ravit par sa bonté, son amabilité, la gaîté et l'animation de son caractère, et devint sa bru préférée. Il remit aux nouveaux époux son portrait, fait à Rome par Battoni, en 1767, et songea même à aller leur faire visite à Vienne. Bien plus: la jeune comtesse sut se concilier la faveur, de première importance pour les relations de famille, d'une parente, la comtesse Sophie Ossipowna Apraxine, qui tenait l'intérieur du vieux comte.

Pâle et maladive, la comtesse Razoumowsky n'était pas belle, mais avait un charme particulier qui lui attirait les cœurs. Elle fut jusqu'à la fin de sa vie en grande faveur dans la société viennoise: on venait avec empressement à ses soirées, où des étrangers lui présentaient leurs hommages, et où elle offrait sa protection et faisait un chaleureux accueil à diverses célébrités artistiques; elle-même était, du reste, amateur de musique et possédait une voix agréable. Dans les dernières années, ces soirées furent le rendez-vous des ennemis jurés de Napoléon, et son salon prit une teinte politique. La comtesse n'était pas jalouse, sans manquer pourtant de motifs: au témoignage du comte S. Worontzoff, c'est „une femme aimable et attachée à son mari; il la rend malheureuse". Elle mourut, le 11 décembre 1806, d'une maladie de langueur qui l'avait fait longtemps souffrir.

(D'après une miniature de la collection de Mlle C. Evréïnoff, St-Pétersbourg.)

Свѣтлѣйшій князь АНДРЕЙ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1752—1836, третій и самый любимый сынъ гетмана графа Кирилла Григорьевича, родился въ Глуховѣ 22 Октября 1752 г. Ученикъ знаменитаго историка Шлецера, поражавшій въ молодости блестящими способностями, Разумовскій закончилъ свое образованіе въ университетѣ, въ Страсбургѣ. Записанный во флотъ, онъ въ 1769 г., 17-и лѣтъ, началъ дѣйствительную службу, вступивъ на корабль, находившійся тогда въ Англіи; произведенный въ лейтенанты, участвовалъ въ экспедиціи графа Орлова-Чесменскаго въ Архипелагъ, а въ 1773 г. уже командовалъ фрегатомъ „Екатерина“. Возвратившись въ Петербургъ, Разумовскій имѣлъ большой успѣхъ въ свѣтѣ: любезный и блестящій молодой красавецъ, кутившій и тратившій деньги безъ счета, онъ кружилъ головы петербургскимъ красавицамъ, а отецъ едва успѣвалъ платить его долги. Участникъ дѣтскихъ игръ Великаго Князя Павла Петровича, Разумовскій приблизился къ „молодому двору“, пользуясь особеннымъ расположеніемъ Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, которую еще невѣстой сопровождалъ въ Россію, и въ пользу которой теперь затѣвалъ какія-то политическія интриги. Обманувъ жестоко довѣріе своего друга, Великаго Князя, и навсегда лишившись его расположенія, онъ послѣ смерти Великой Княгини († 16 Апрѣля 1776 г.) былъ сосланъ въ Ревель, пока 1 Января 1777 г. не былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Неаполь. Сдѣлавшись близкимъ человѣкомъ королевы Каролины-Маріи, онъ съ неудовольствіемъ принялъ свое назначеніе въ 1784 г. министромъ въ Копенгагенъ, откуда въ Маѣ 1786 г. былъ перемѣщенъ въ Стокгольмъ, а въ 1790 г. назначенъ въ Вѣну въ помощь старику князю Д. М. Голицыну. При этомъ Императрица высказала мнѣніе, что „ловчѣе всего Андрея Разумовскаго туда послать: жена его вѣнка и тамъ связи имѣетъ, не глупъ, молодость уже улеглась, обжегся много, даже до того, что облысѣлъ“. Два года спустя, Разумовскій замѣнилъ князя Голицына въ качествѣ полномочнаго посла. Въ Вѣнѣ онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ, и у него навсегда сложились прочныя симпатіи къ Австріи: здѣсь онъ жилъ съ любимой женой, что не мѣшало ему имѣть исключительный успѣхъ у женщинъ, здѣсь разстроилъ онъ въ конецъ свое колоссальное состояніе. Онъ любилъ искусства и, дѣлая безумныя траты, собиралъ картины, бронзу и всякія рѣдкости; прекрасно игралъ на скрипкѣ, устраивалъ знаменитые квартеты, артисты находили у него покровительство, его друзьями были Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ. Въ 1799 г. Разумовскій былъ сосланъ въ Батуринъ, а въ 1802 г. снова вернулся къ Вѣнскому двору. Болѣе, чѣмъ сами австрійцы, приверженный къ интересамъ Австріи, онъ былъ заклятымъ врагомъ Наполеона, и послѣ Тильзита вышелъ въ отставку, пока ему не поручено въ концѣ 1812 г. было веденіе переговоровъ съ Австріей по вопросу о союзѣ съ Россіей противъ Франціи. За труды на Вѣнскомъ конгрессѣ Разумовскій получилъ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости (13 Мая и 29 Ноября 1815 г.). Въ 1819 г. онъ получилъ отъ Александра I разныя льготы, облегчавшія его разстроенное состояніе, и чинъ дѣйств. тайнаго совѣтника I кл. Послѣдніе годы жизни его были наполнены жалобами на печальное положеніе его имущественныхъ дѣлъ и просьбами Государю о пособіяхъ: кредиторы его преслѣдовали. Князь Разумовскій умеръ 11 Сентября 1836 г. Онъ былъ женатъ дважды: на гр. Елизаветѣ Осиповнѣ Тунъ-Гогенштейнъ, и 2 бракомъ, съ 10 Февраля 1816 г., на гр. Константинѣ-Доминикѣ Іосифовнѣ Тюргеймъ; дѣтей у него не было, но была „воспитанница“ Жоржина Актонъ, съ 1846 г. въ замужествѣ за графомъ Липпе-Вейссенфельдтъ.

Въ душѣ человѣкъ добрый, Разумовскій поражалъ своей гордыней и высокомѣріемъ, списквавшими ему въ Вѣнѣ прозвище „Эрцгерцога Андреаса“; его достоинства поглощались его недостатками, и современники строго судили его. Графъ Воронцовъ называлъ его человѣкомъ „le plus corrompu du monde, perdu de mœurs et sans principes“, признавая въ то же время его великіе таланты. „Сынъ реестроваго казака, оставшагося всегда въ душѣ пстымъ хохломъ, князь Разумовскій давно уже отрекся отъ всего русскаго“; космополитъ по привычкамъ и убѣжденіямъ, онъ не зналъ и не любилъ своей родины, мало понятные интересы которой онъ былъ призванъ и долженъ былъ защищать на дипломатическомъ поприщѣ.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой; с. Кораллово, Московской губ.)

Le prince sérénissime ANDRE KYRILLOWITCH RAZOUMOWSKY, 1752—1836, le troisième fils et préféré de l'hetman comte Cyrille Grigoriewitch, naquit à Gloukhoff le 22 octobre 1752. Elève du célèbre historien Schlœtzer, il fit preuve dans sa jeunesse de facultés étonnamment brillantes, et acheva son éducation à l'université de Strasbourg. Enrôlé dans la marine, il débuta au service actif en 1769, à 17 ans, sur un vaisseau qui se trouvait alors en Angleterre; il prit part comme lieutenant à l'expédition de l'Archipel avec le comte Orloff-Tchesmensky, et, en 1773, il était déjà à la tête d'une frégate, „Catherine". A son retour à Pétersbourg, Razoumowsky eut un grand succès dans le monde: bel homme, jeune cavalier aimable et brillant, faisant la noce et jetant l'argent sans compter, il tournait la tête aux beautés pétersbourgeoises, et son père arrivait tout juste à payer ses dettes. Camarade d'enfance du Grand-Duc Paul, il fut un des proches de la „jeune Cour", et jouit de la faveur particulière de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, qu'il avait accompagnée en Russie lorsqu'elle y était venue comme fiancée, et au profit de laquelle il machinait maintenant des intrigues politiques. Il trompa outrageusement la confiance de son ami le Grand-Duc, s'aliéna pour toujours sa bienveillance, et à la mort de la Grande-Duchesse († 16 avril 1776), dut se retirer à Rével. Le 1er janvier 1777, pourtant, il fut nommé envoyé extraordinaire à Naples: devenu intime de la reine Caroline-Marie, il reçut avec déplaisir sa nomination, en 1784, comme ministre à Copenhague, d'où, en mai 1786, il fut envoyé à Stockholm et, en 1790 nommé à Vienne adjoint au vieux prince Golitzyne. A cette occasion, l'Impératrice avait exprimé l'opinion que „c'était André Razoumowsky qui serait le mieux là: sa femme est viennoise, elle y a des relations; lui n'est pas bête, il a jeté son feu, il s'est fait plumer et sérieusement, il en est même chauve". Deux ans après, Razoumowsky remplaçait le prince Golitzyne comme ambassadeur extraordinaire. A Vienne, il était devenu comme chez lui, et il y avait conçu pour toujours des sympathies solides à l'égard de l'Autriche; il y vivait avec sa femme bien-aimée, ce qui ne l'empêchait pas d'avoir un succès tout particulier auprès des femmes: ce fut là qu'il compromit sans retour sa fortune colossale. Il aimait les beaux-arts, et, au prix de dépenses insensées, collectionnait des tableaux, des bronzes et des objets rares de toute sorte; excellent violoniste, il organisa des quatuors célèbres, protégea les artistes, eut pour amis Haydn, Mozart et Beethoven. En 1799, Razoumowsky fut relégué à Batourine, mais, en 1802, revint à la cour de Vienne. Plus que les Autrichiens mêmes attaché aux intérêts de l'Autriche, il était l'ennemi juré de Napoléon, et prit sa retraite après Tilsitt, jusqu'au moment où, à la fin de 1812, il fut chargé de négocier avec l'Autriche une alliance contre la France. Ses travaux au congrès de Vienne lui valurent la dignité de prince avec le titre d'altesse sérénissime (15 mai et 29 novembre 1815). En 1819, Alexandre lui accorda des faveurs destinées à améliorer sa situation de fortune et le rang de conseiller privé actuel de 1re classe. Les dernières années de sa vie, ce ne furent que plaintes sur sa triste position matérielle et demandes de secours à l'Empereur: il avait ses créanciers aux trousses. Il mourut le 11 septembre 1836. Il avait été marié deux fois, à la comtesse Elisabeth Ossipovna de Thun-Hohenstein, et, le 10 février 1816, à la comtesse Constance-Dominique Yossifowna Türheim. Il resta sans enfants, mais eut une „pupille", Géorgine Akton, qui épousa, en 1846, le comte de Lippe-Weissenfeldt.

Excellent homme au fond, Razoumowsky était d'une hauteur et d'un orgueil étonnants, qui lui valurent à Vienne le sobriquet de „Erzherzog Andreas". Ses mérites étaient effacés par ses défauts, et les contemporains furent sévères à son égard. Le comte Worontzoff l'appelle „l'homme le plus corrompu du monde, perdu de mœurs et sans principes", tout en reconnaissant en même temps ses grands talents. „Fils d'un cosaque resté toujours dans l'âme vrai cosaque de l'Ukraine, il y a longtemps que le prince Razoumowsky n'a plus rien de vraiment russe". Cosmopolite d'habitudes et de convictions, il ne connaissait ni n'aimait sa patrie et n'en comprenait pas les intérêts, qu'il avait la charge et le devoir de défendre dans l'arène diplomatique.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

127

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій,
1762 — 1813

Le Comte Alexis Grigorievitch Bobrinsky,
1762 — 1813

128

Графиня Анна Владиміровна Бобринская,
1769 — 1846

La Comtesse Anna Vladimirowna Bobrinsky,
1769 — 1846

129

Графиня Елизавета Осиповна Разумовская,
1764 — 1806

La Comtesse Elizabeth Ossipowna Razoumowsky,
1764 — 1806

130

Сенат. кн. Андрей Кирилловичъ Разумовскій,
1752 — 1836

Le Pce Sérénissime André Kyrillowitch Razoumowsky,
1752 — 1836

131

Графъ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ МОРКОВЪ, 1743—1811, старшій изъ трехъ братьевъ Морковыхъ и менѣе ихъ извѣстный, родился 2 Октября 1743 г.; служилъ въ военной службѣ и въ 1780 г., произведенный въ полковники, назначенъ командиромъ 1-го Московскаго пѣхотнаго полка. Вышелъ въ отставку генералъ-майоромъ и 2 Іюля 1796 г. получилъ, благодаря брату Аркадію, графское Священной Римской имперіи достоинство.

Былъ женатъ на Прасковіи Васильевнѣ Скворцовой (род. 2 Мая 1755 г., † 14 Октября 1800 г.) и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей: гр. Прасковію († 14 Іюля 1832 г.; въ замужествѣ за генералъ-майоромъ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Оболенскимъ) и гр. Варвару (за Михаиломъ Петровичемъ Римскимъ-Корсаковымъ). Умеръ графъ Н. И. Морковъ 9 Мая 1811 года.

Начавшій службу въ Московскомъ полку, князь И. М. Долгорукій говоритъ, что полковникъ Морковъ „обходился съ нимъ очень хорошо“. „Всѣ тѣ люди“, пишетъ онъ въ своемъ „Капищѣ сердца“, „коп, попадаясь мнѣ навстрѣчу въ молодости моей, любили меня и хорошо со мной обращались, всѣ живутъ донынѣ въ памяти моей: я люблю съ ними вмѣстѣ приводить себѣ на мысль тогдашнее блаженное время, и два брата Морковыхъ (Николай и Ираклій) всегда въ ней присутствуютъ“.

(Съ портрета Тропинина изъ собранія князя Н. Н. Оболенскаго, въ Москвѣ.)

151

Le comte **NICOLAS IVANOWITCH MORKOFF**, 1745—1811, l'aîné des trois frères et le moins connu, naquit le 2 octobre 1745. Entré au service militaire, il fut, en 1780, promu colonel et nommé commandant du 1er régiment d'infanterie de Moscou. Il prit sa retraite comme général major et, le 2 juillet 1796, reçut, grâce à son frère Arcade, la dignité de comte du Saint Empire Romain.

Il avait épousé Prascovie Vassiliewna Skvortzoff (2 mai 1755—14 oct. 1800), dont il eut deux filles, Prascovie († 14 juillet 1832), qui épousa le général major prince André Mikhaïlowitch Obolensky, et Varvara, qui épousa Michel Pétrowitch Rimsky-Korsakoff. Le comte Morkoff mourut le 9 mai 1811.

Le prince Dolgorouky, qui avait débuté au service au régiment de Moscou, dit que le colonel Morkoff „était très gentil avec lui". „Tous ceux que j'ai rencontrés dans ma jeunesse", dit-il dans son „Sanctuaire de mon cœur", „et qui ont été affectueux et gentils avec moi, sont restés vivants dans mon souvenir, et j'aime revivre en pensée avec eux le bienheureux temps d'autrefois; les deux frères Morkoff (Nicolas et Hercule) sont de ceux-là".

(D'après l'original de Tropinine, collection du prince N. Obolensky, Moscou.)

Графъ ИРАКЛІЙ ИВАНОВИЧЪ МОРКОВЪ, 1753—1829, младшій братъ извѣстнаго дипломата, графа Аркадія, родился 2 Ноября 1753 года. Блестящій сподвижникъ Суворова, онъ всю жизнь посвятилъ военной службѣ, соединяя въ себѣ выдающіяся военныя способности съ беззавѣтной храбростью. Начавъ службу въ 1771 г., Морковъ участвовалъ въ Крымскомъ походѣ князя В. М. Долгорукаго, откуда вернулся премьеръ-майоромъ, сопровождалъ князя Репнина во время его посольства въ Константинополь, отличился на штурмѣ Очакова и съ чиномъ полковника получилъ орденъ св. Георгія 4 кл. и золотую шпагу. Въ 1790 г. пожалованъ въ секундъ-майоры Преображенскаго полка, а 11 Декабря штурмовалъ Измаилъ, командуя 3-й колонной. Подъ жестокимъ огнемъ онъ овладѣлъ турецкими батареями и ворвался въ крѣпость, при чемъ былъ тяжело раненъ. Чинъ бригадира и орденъ св. Георгія 3 кл. были ему наградой за его подвиги; вступивъ съ отрядомъ въ Польшу для защиты Торговицкой конфедераціи, въ 1792 г. разбилъ при Городищѣ польскій отрядъ подъ начальствомъ самого Попятовскаго, и получилъ 28 Іюня орденъ св. Георгія 2 ст., шпагу съ брильянтами и деревни въ Подольской губерніи. Въ 1796 г., 2 Іюня, вмѣстѣ съ братомъ получилъ графское достоинство Священной Римской имперіи. При Павлѣ I, въ 1798 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта былъ инспекторомъ войскъ Кавказской инспекціи и шефомъ Кавказскаго гренадерскаго полка, а въ 1812 г. избранъ Московскимъ дворянствомъ начальникомъ ополченія, съ которымъ явился при Бородинѣ и участвовалъ въ изгнаніи французовъ изъ Россіи. За Отечественную войну получилъ 30 Декабря 1812 г. Александровскую ленту.

Онъ былъ женатъ на графинѣ Наталіи Антоновнѣ Мнишхъ и имѣлъ 3 сыновей: Ираклія († 1811 г.), Николая (1798—1818) и Аркадія, изъ которыхъ двое первыхъ умерли холостыми.

Графъ И. И. Морковъ скончался въ Москвѣ 26 Марта 1829 г. и погребенъ на Московскомъ Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Суворовъ отзывался о Морковѣ, какъ о „храбромъ и непобѣдимомъ офицерѣ“; онъ имѣлъ „благороднѣйшее сердце, характеръ прямой и безкорыстный, былъ истымъ витяземъ безъ страха и упрека“, къ тому же отличался добротой и „излишнимъ благоснисхожденіемъ“. Служившій вмѣстѣ съ нимъ въ полку, извѣстный князь И. М. Долгорукій отзывается о Морковѣ съ большой похвалой; князь навсегда сохранилъ о немъ благодарную память и даже потомъ имѣлъ случай не разъ пользоваться его услугами.

(Съ портрета, писаннаго Тропининымъ съ оригинала Лампи; собственность графа И. А. Моркова, с. Войтовцы, Подольской губ.)

Le comte HERCULE IVANOWITCH MORKOFF, 1753—1829, frère cadet du diplomate, le comte Arcade, naquit le 2 novembre 1753. Brillant compagnon d'armes de Souvoroff, il consacra toute sa vie à la carrière des armes, joignant à d'éminents talents militaires une bravoure sans bornes. Entré au service en 1771, Morkoff fit la campagne de Crimée avec le prince B. Dolgorouky, en revint premier major, suivit le prince Repnine dans son ambassade à Constantinople, se distingua à l'assaut d'Otchakoff, et reçut, avec le grade de colonel, l'ordre de St-Georges de 4e classe et une épée d'or. En 1790, il fut nommé second major du régiment Préobragensky et, le 11 décembre, donna l'assaut à Ismaïl, à la tête de la 3e colonne. Sous un feu terrible, il s'empara des batteries turques et pénétra dans la forteresse, non sans être grièvement blessé. Le grade de brigadier et St-Georges de 3e classe furent la récompense de ces exploits. Puis, à la tête d'un détachement, il entra en Pologne pour défendre la confédération de Torgowitz, tailla en pièces, en 1792, à Gorodiszcz le corps même de Poniatowski, et reçut le 28 juin St-Georges de 2e classe, une épée enrichie de diamants et des terres en Podolie. Le 2 juin 1796, il fut élevé avec son frère à la dignité de comte du Saint Empire Romain. Sous Paul Ier, en 1798, il fut, comme général lieutenant, inspecteur des troupes du Caucase et chef du régiment des grenadiers caucasiens, et, en 1812, la noblesse de Moscou l'appela au commandement de la milice, à la tête de laquelle il combattit à Borodino et contribua à chasser les Français de Russie. La Guerre Patriotique lui valut, le 30 décembre 1812, le cordon de St-Alexandre.

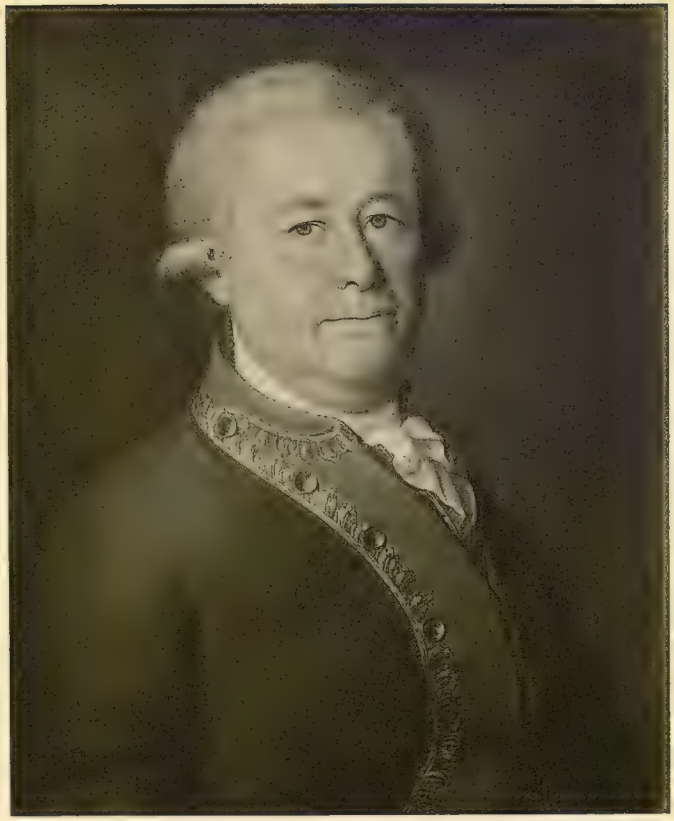
Il avait épousé la comtesse Natalie Antonowna Munikh, dont il eut trois fils, Hercule († 1841), Nicolas (1798—1818), qui moururent célibataires, et Arcade.

Il mourut à Moscou, le 26 mars 1829, et y fut inhumé au cimetière Vagankowsky.

Souvoroff représente Morkoff comme „un brave et invincible officier, un cœur des plus généreux, un caractère droit et désintéressé, un vrai chevalier sans peur et sans reproche", se distinguant en outre par sa bonté et par „une indulgence exagérée". Le prince I. Dolgorouky, qui fut son camarade de régiment, fait de lui grand éloge, conserva toujours de lui un souvenir reconnaissant et eut même, à plusieurs reprises, dans la suite l'occasion de recourir à son obligeance.

(D'après une reproduction, par Tropinine, d'un original de Lampi; propriété du comte N. Morkoff, Voïtovtzy, Podolie.)

131



Граф Николай Иванович
Морковъ,
1743 — 1811

Le Comte Nicolas Ivanowitch
Morkoff,
1743 — 1811

132

Графъ Иракліи Ивановичъ
Морковъ,
1753 — 1829

Le Comte Hercule Ivanowitch
Morkoff,
1753 — 1829

Князь ЯКОВЪ ИВАНОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1760—1831, сынъ поручика Конной гвардіи князя Ивана Ивановича отъ брака съ княжной Екатериной Александровной Куракиной, родился 23 Марта 1760 г.; началъ службу въ 1781 г. подпоручикомъ въ Семеновскомъ полку, гдѣ дослужился до капитана, а затѣмъ, въ 1784 г., пожалованъ въ камеръ-юнкеры и въ 1793 г.—въ камергеры. Благодаря сильному покровительству вліятельныхъ родственниковъ, графа Никиты Панина и князя И. В. Репнина, князь Лобановъ въ 1794 г. былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 5 Департамента Сената; Императоръ Павелъ I пожаловалъ его въ тайные совѣтники и назначилъ въ Москву наблюдать за дѣлами въ Московскихъ департаментахъ Сената и въ присутственныхъ мѣстахъ губерніи, а также управлять театрами. Александръ I назначилъ его сенаторомъ и членомъ Московскаго опекунскаго совѣта, а въ 1808 г.—генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Въ 1810 г. ему поручено было заготовленіе продовольствія для Молдавской арміи, за что онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; въ 1812 г., по собственному побужденію, онъ сформировалъ 17 малороссійскихъ казачьихъ полковъ, которые, войдя въ сношеніе съ Кутузовымъ, двинулъ въ Калугу и Тулу, а для защиты Малороссіи собралъ земское ополченіе. 22 Февраля 1816 г. князь Лобановъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ увольненіемъ отъ прежней должности, а 20 Апрѣля того же года предсѣдателемъ Комиссіи Прошеній на Высочайшее имя. Черезъ 4 года онъ самъ просилъ освобожденія отъ этой должности и, награжденный звѣздой св. Владиміра 1-й ст., былъ назначенъ сначала предсѣдателемъ Департамента Законовъ и членомъ Комитета Министровъ, а въ 1827 г.—предсѣдателемъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ; въ 1829 г. пожалованъ въ оберъ-камергеры. Скончался послѣ тяжкой болѣзни 18 Января 1831 года. Былъ женатъ на Александрѣ Николаевнѣ Салтыковой (р. 1764 г., † 4 Мая 1829 г.) и имѣлъ отъ нея 7 сыновей и 2 дочерей.

По отзыву современниковъ, князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій въ молодости отличался красивой наружностью, любезностью и особенно веселымъ, общительнымъ характеромъ. При природномъ умѣ, онъ отличался прямотой и благородствомъ характера, говорилъ правду въ глаза, временами бывалъ очень горячъ, любилъ рѣзко обличить неправду. Чуждый корысти и лицемѣрія, онъ за глаза хвалилъ, въ глаза бранилъ и не одобрялъ то, чего не могъ хвалить, благодаря этому, многіе его не любили, но всѣ уважали. Въ дни могущества Аракчеева отворачивался отъ него въ общественныхъ собраніяхъ и громко порицалъ его дѣятельность; не желая дѣйствовать чрезъ этого царскаго наперсника, отказался отъ званія предсѣдателя Комиссіи Прошеній, когда былъ лишенъ возможности лично дѣлать доклады, хотя и считалъ эту службу счастливѣйшимъ временемъ въ своей жизни, ибо могъ говорить правду Царю, ходатайствуя за несчастныхъ. До глубокой старости онъ сохранилъ живость характера, былъ душой общества, „молодъ въ кругу молодыхъ людей, участвовалъ въ играхъ прекраснаго пола, любилъ радоваться вмѣстѣ, и вмѣстѣ съ другими дѣлить горе“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince JACOB IVANOWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1760—1831, fils d'un colonel de la Garde à cheval et de la princesse Catherine Alexandrowna, née Kourakine, naquit le 23 mars 1760; il entra au service en 1781, comme sous-lieutenant au régiment Sémenowsky, où il resta jusqu'au grade de capitaine, puis, en 1784, il fut fait gentilhomme de la chambre et, en 1793, chambellan. Grâce à la haute protection de parents influents, le comte Nikita Panine et le prince N. Repnine, le prince Lobanoff fut nommé, en 1794, haut procureur du 5e département du Sénat; l'Empereur Paul le fit conseiller privé et lui confia à Moscou la surveillance des sections du Sénat et des services publics du gouvernement, ainsi que la direction des théâtres. Alexandre Ier le nomma sénateur et membre du Conseil de tutelle de Moscou, puis, en 1808, gouverneur général de Petite-Russie. En 1810, il fut chargé de préparer les subsistances de l'armée de Moldavie, ce qui lui valut le rang de conseiller privé actuel; en 1812, il forma de sa propre initiative dix-sept régiments de cosaques petits-russiens, qu'il fit marcher, après jonction avec Koutouzoff, sur Kalouga et Toula, et, pour la défense de la Petite-Russie, arma une milice locale. Le 12 février 1816, le prince Lobanoff fut nommé membre du Conseil de l'Empire sans conserver ses autres fonctions, et, le 20 avril de la même année, président de la Commission des Requêtes à S. M. l'Empereur. Quatre ans après, il donna sa démission de cette dernière charge, reçut l'étoile de St-Vladimir de 1re classe, fut nommé d'abord président du Département des lois et membre du Comité des ministres, et, en 1827, président du Département des affaires civiles et ecclésiastiques, puis, en 1829, fait grand chambellan. Il mourut après une douloureuse maladie le 18 janvier 1831. Il avait épousé Alexandrine Nikolaewna Saltykoff (1764—4 mai 1829), dont il eut sept fils et deux filles.

Au témoignage des contemporains, le prince Lobanoff-Rostowsky se distinguait, étant jeune, par son physique avantageux, son amabilité et son caractère particulièrement gai et communicatif. Il avait naturellement de l'esprit, de la droiture et de la générosité de caractère, disait la vérité en face, était sujet à l'emportement, et aimait à démasquer carrément le mal. Etranger à l'intérêt et à l'hypocrisie, il disait du bien en secret, du mal tout haut, et n'approuvait pas ce qu'il ne pouvait trouver bien: aussi, s'il n'était pas toujours aimé, il était toujours estimé. Au moment de la puissance d'Araktchéeff, il s'éloigna de lui dans la société et le désapprouva hautement; c'est parce qu'il ne tenait pas à se servir de l'intermédiaire de ce courtisan qu'il donna sa démission de président de la Commission des Requêtes quand il n'eut plus la possibilité de rapporter lui-même, et pourtant il trouvait ce poste le plus agréable de toute sa vie, comme lui permettant de faire savoir la vérité au souverain, en intercédant pour les malheureux. Jusqu'à une vieillesse avancée, il conserva son caractère animé, restant l'âme de la société: „jeune avec la jeunesse, il se mêlait aux jeux du beau sexe, et aimait à partager la joie et le chagrin des autres".

(D'après une miniature, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

134

НИКОЛАЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ОЛСУФЬЕВЪ, 1775—1817, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Матвѣевича, началъ службу въ Измайловскомъ полку; въ 1797 г. произведенъ въ подпоручики, въ 1800 г. назначенъ адъютантомъ къ шефу полка, Цесаревичу Константину Павловичу, вмѣстѣ съ которымъ вскорѣ перешелъ въ Конную гвардію. При Константинѣ Павловичѣ Олсуфьевъ оставался до конца своей жизни и пользовался постоянной „дружбой и привязанностью“ Великаго Князя, котораго „умѣлъ развлекать въ самыя грустныя минуты его жизни“. Въ 1803 г. онъ былъ уже полковникомъ; съ 1805 по 1807 г. участвовалъ въ походахъ, состоя при Цесаревичѣ, при чемъ при Аустерлицѣ, за атаку Конной гвардіи, заслужилъ орденъ св. Владиміра 4 ст., получилъ золотое оружіе „за храбрость“ за кампанію 1807 г., во время которой участвовалъ въ сраженіяхъ при Гейльсбергѣ и Фридландѣ. Въ Отечественной войнѣ онъ почти не принималъ участія, зато въ 1813—14 гг. былъ при Дрезденѣ, Кульмѣ, гдѣ получилъ орд. св. Анны 1 ст. и Прусскій желѣзный крестъ, подъ Лейпцигомъ и Парижемъ. 6 Декабря 1812 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Съ назначеніемъ Константина Павловича въ Польшу, состоялъ при немъ въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ неожиданно 25 Іюня 1817 г.; по желанію Цесаревича, онъ похороненъ въ саду Стрѣльны, близъ деревянной придворной церкви Преображенія.

Любимый товарищами, Олсуфьевъ, по выраженію современника, былъ „счастливцемъ, которому жизнь улыбалась радостной улыбкой: всегда веселый, всегда съ шуткой, съ каламбуромъ на устахъ, въ дружеской бесѣдѣ и подъ жужжаньемъ пуль, на блестящемъ придворномъ балу и на дымномъ бивакѣ, онъ соединялъ съ своимъ самобытнымъ характеромъ доброту сердца, благодушіе, готовность на добро, безкорыстіе рыцаря и безпечность питомца XVIII вѣка“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

134

NICOLAS DMITRIEWITCH OLSOUFIEFF, 1775—1817, fils d'un conseiller d'état actuel, débuta au régiment Izmaïlowsky; en 1797, il fut promu sous-lieutenant, en 1800, nommé aide de camp du chef du régiment, le Césarewitch Constantin, qu'il ne tarda pas à suivre à la Garde à cheval, et à la personne duquel il resta attaché jusqu'à la fin de sa vie, honoré de „son amitié et de son affection" constantes, et „sachant le consoler aux minutes les plus pénibles de son existence". En 1803, il était déjà colonel; de 1805 à 1807, il fit les campagnes aux côtés du Césarewitch: à Austerlitz, la charge de sa cavalerie lui valut St-Vladimir de 4e classe, et les batailles de Heilsberg et Friedland, en 1807, une épée d'or „à la vaillance". Il ne prit presque aucune part à la Guerre Patriotique, mais, en 1813—1814, fut à Dresde, à Kulm, où il reçut Ste-Anne de 1re classe et la Croix de fer de Prusse, puis à Leipzig et à Paris. Le 6 décembre 1812, il avait été promu général major. Quand le Grand-Duc Constantin fut nommé en Pologne, il le suivit à Varsovie, où il mourut subitement le 25 juin 1817. Sur le désir du Grand-Duc, il fut inhumé dans les jardins de Strelna près de la chapelle de la Transfiguration.

Aimé de ses camarades, Olsoufieff, au témoignage d'un contemporain, „fut un heureux, à qui la vie sourit d'un radieux sourire; toujours gai, toujours une plaisanterie ou un calembour sur les lèvres, partout, dans une tranquille causerie ou sous le sifflement des balles, aux réunions brillantes de la Cour ou dans les bivouacs enfumés, il unissait à son caractère personnel de la bonté de cœur, de la bonhomie, de la générosité d'intentions, un désintéressement chevaleresque et l'insouciance d'un enfant du XVIIIe siècle".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА НЕКЛЮДОВА, 1755—1799, дочь гвардіи сержанта Ивана Михайловича Левашева, родилась 21 Августа 1755 г. Отецъ ея, спасшій жизнь Екатеринѣ II, во время обвала дома Разумовскаго въ Гостилицахъ, гдѣ она гостила, будучи еще Великой Княгиней, и о которомъ она упоминаетъ въ своихъ Запискахъ, былъ женатъ на Аннѣ Семеновнѣ Квашниной-Самариной. Имѣя, какъ кажется, одну лишь дочь, онъ, если вѣрить свидѣтельству Державина, не охотно согласился на ея бракъ съ молодымъ преображенскимъ офицеромъ, впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ Сената, Петромъ Васильевичемъ Неклюдовымъ, которому она принесла значительное приданое, до 10.000 душъ въ губерніяхъ Новгородской и Тверской. Будучи матерью многочисленнаго семейства, она всю жизнь посвятила домашнимъ заботамъ и воспитанію дѣтей. Домовитая и распорядительная, она сама занималась дѣлами и вела хозяйство въ многочисленныхъ своихъ имѣніяхъ, лѣтомъ проживая въ с. Мошенскомъ, Новгородской губерніи. Любя музыку, она была сама хорошая музыкантша, и въ домѣ ея постояннымъ гостемъ былъ извѣстный піанистъ Фильдъ, дававшій уроки ея дѣтямъ. Зимою Неклюдовы жили сперва въ своемъ старомъ домѣ на Фонтанкѣ, между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, получившемъ почему-то прозваніе „Vieux château“, а потомъ переѣхали въ выстроенный Петромъ Васильевичемъ новый домъ на Фонтанкѣ же, у Цѣпного моста, впослѣдствіи перешедшій въ дворцовое вѣдомство.

Установившіяся еще во время совмѣстной службы въ Преображенскомъ полку дружескія отношенія между Неклюдовымъ и Державинымъ не прекращались до его кончины, и по смерти Неклюдова, въ 1797 г., Державинъ былъ назначенъ опекуномъ къ малолѣтнимъ его дѣтямъ, вмѣстѣ съ ихъ матерью. Елизавета Ивановна Неклюдова много занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей, старалась дать имъ самое разностороннее образованіе, и старикъ Державинъ часто ворчалъ на занятія ихъ иностранными языками. Но ей не суждено было видѣть ихъ взрослыми, она пережила мужа всего двумя годами и скончалась 44 лѣтъ отъ роду, 21 Февраля 1799 г., когда младшей дочери ея было всего 7 лѣтъ. На гробницѣ ея, рядомъ съ мужемъ, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры высѣчены стихи Державина, не вошедшіе въ собраніе его сочиненій:

„Здѣсь милыхъ, юныхъ сонмъ дѣтей
„На гробѣ матери ихъ нѣжной
„Льютъ часто слезы изъ очей,
„Молитвою прося прилежной
„Ходатайства за нихъ передъ Творцомъ.
„Богъ внемлетъ и благословенье,
„Какъ утренней росы стремленье,
„На дѣтскій ниспадаетъ домъ“.

Е. П. Неклюдова оставила двухъ сыновей: Ивана Петровича, сержанта Преображенскаго полка, убитаго въ 1807 г. въ битвѣ при Гейльсбергѣ, и Сергѣя Петровича, поступившаго въ Кавалергардскій полкъ и женатаго на Варварѣ Ивановнѣ Нарышкиной, и семь дочерей: Марію—за Владимірскимъ губернаторомъ Ав. Н. Супоневымъ, Екатерину—за ген.-адъют. гр. П. В. Голенищевымъ-Кутузовымъ, Елисавету — за дѣйств. статск. сов. П. А. Галаховымъ (вторая его жена), Софію, умершую дѣвицей, Александру—за дѣйств. тайн. сов. П. А. Тучковымъ, и Варвару—за ген.-адъют. В. И. Шепшинымъ.

(Съ миніатюры Боровиковскаго; собственность графа Д. П. Толстого, въ С.-Петербургѣ.)

ÉLISABETH IVANOWNA NÉKLIOUDOFF, 1755—1799, fille d'Ivan Mikhaïlowitch Lévacheff, sergent de la Garde, naquit le 21 août 1755. Son père, qui avait sauvé la vie à Catherine II, encore Grande-Duchesse, lors de l'écroulement de la maison de Razoumowsky à Gostilitzy, où elle se trouvait comme invitée, et dont elle fait mention dans ses Mémoires, était marié à Anna Sémenowna Kvachnine-Samarine. Elle était fille unique, et son père, dit Derjavine, ne consentit pas facilement à s'en séparer pour la donner à un jeune officier du régiment Préobragensky, dans la suite haut procureur du Sénat, Pierre Vassiliewitch Néklioudoff, auquel elle apportait une dot considérable, près de dix mille têtes de paysans dans les gouvernements de Novgorod et de Tver. Mère d'une nombreuse famille, elle consacra toute sa vie aux soins de son ménage et à l'éducation de ses enfants. Femme d'intérieur et de tête, elle s'occupait elle-même des affaires et de la conduite de ses nombreuses propriétés, passant l'été à Mochensky, gouv. de Novgorod. Bonne musicienne elle-même, elle aimait la musique et avait constamment chez elle le célèbre pianiste Field, qui donnait des leçons à ses enfants. L'hiver, les Néklioudoff habitèrent d'abord leur vieille maison de la Fontanka, entre les ponts Sémenowsky et Oboukhowsky, le Vieux-Château, comme on l'appelait, puis ils passèrent dans une maison neuve qu'ils se firent construire, également sur la Fontanka, près du pont Suspendu, et qui appartint ensuite à l'administration du Palais.

Les rapports d'amitié qui s'étaient établis entre Néklioudoff et Derjavine, lorsqu'ils étaient camarades au régiment Préobragensky, ne cessèrent qu'à la mort de Néklioudoff, en 1797; le poète fut alors nommé, conjointement avec la mère, tuteur des enfants, encore petits. Elle s'occupait beaucoup de leur éducation, s'efforçant de leur donner l'instruction la plus variée, et le vieux Derjavine maugréa plus d'une fois contre leurs études de langues vivantes. Il ne lui fut pas donné de les voir grands, car elle ne survécut que de deux ans à son mari et mourut à 44 ans, le 21 février 1799, alors que sa plus jeune fille n'avait que 7 ans. Sur son tombeau, au monastère d'Alexandre Newsky, cimetière St-Lazare, où elle fut inhumée près de son mari, on grava des vers de Derjavine qui ne figurent pas dans le recueil de ses œuvres:

„Au tombeau d'une tendre mère
„Un groupe de charmants enfants
„Vont souvent répandre des larmes
„Et de leur fervente prière
„Solliciter le Tout-Puissant.
„Comme une rosée matinale,
„Sa bénédiction descend
„Sur la maison des orphelins".

Elisabeth Néklioudoff laissa deux fils, Ivan, sergent au régiment Préobragensky, tué, en 1807, à la bataille de Heilsberg, et Serge, enrôlé au régiment des Chevaliers-Gardes et marié à Varvara Ivanowna Narychkine, et sept filles, Marie, qui épousa A. Souponeff, gouverneur de Vladimir, Catherine, le général aide de camp comte N. Golénichtcheff-Koutouzoff, Elisabeth, seconde femme du conseiller d'état actuel P. Galakhoff, Sophie, qui ne se maria pas, Alexandrine, femme du conseiller privé actuel P. Toutchkoff, et Varvara, du général aide de camp Chenchine.

(D'après une miniature de Borovikowsky, propriété du comte D. Tolstoï, St-Pétersbourg.)

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НЕКЛЮДОВЪ, 1745—1797, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, ведущаго свое начало вмѣстѣ съ Пушкиными и Бутурлиными, отъ „мужа честна, именемъ Радша, выѣхавшаго изъ Нѣмецъ къ св. Благовѣрному Великому Князю Александру Невскому“; родился 5 Іюня 1745 года. Отецъ его, Василій Ивановичъ (1718—1790), Тверской губернскій предводитель дворянства, женатъ былъ на Евдокіи Яковлевнѣ Федоровой. Подобно отцу, Петръ Васильевичъ началъ службу, въ 1760 г., въ Преображенскомъ полку, въ которомъ занималъ долгое время должность полкового секретаря и въ этой должности имѣлъ случай не разъ оказывать товарищескія услуги поступившему въ полкъ молодому поэту и будущему министру Юстиціи Г. Р. Державину, тогда еще порядочному повѣсѣ. Принявъ его подъ свое покровительство и полюбивъ его за его способности къ рисованію и стихотворству, Неклюдовъ, въ свою очередь, прибѣгалъ къ его литературнымъ способностямъ въ составленіи не только докладовъ и полковыхъ приказовъ, но даже и любовныхъ писемъ къ своей невѣстѣ, Елизаветѣ Ивановнѣ Левашевой. Женившись на ней, Неклюдовъ скоро перешелъ въ гражданскую службу, состоялъ предсѣдателемъ С.-Петербургской Палаты Гражданскаго и Уголовнаго суда (1784—1786), затѣмъ оберъ-прокуроромъ Сената (съ 21 Мая 1788 г.) и членомъ Придворной конторы (1795 г.). На судебномъ поприщѣ Неклюдовъ снова встрѣтился съ Державинымъ и, подобно ему, имѣлъ случай испытать на себѣ неудовольствіе Императрицы Екатерины по дѣлу Кашкина съ Ярославовымъ. „Призывалъ по вчерашнему дѣлу оберъ-прокуроръ Неклюдовъ; ему мыли голову“, заноситъ въ свой дневникъ Храповицкій 2 Сентября 1792 г. Въ бытность свою оберъ-прокуроромъ Сената, П. В. Неклюдовъ на публичной аудіенціи Сенату, данной Екатериной въ Сентябрѣ 1790 г., по случаю заключенія Верельскаго мира, говорилъ Императрицѣ, возсѣдавшей на тронѣ, похвальное слово. Рѣчь эта, переполненная лестью и громкими оффиціальными похвалами Екатеринѣ, вызвала громовой отпоръ со стороны историка князя М. М. Щербатова въ его „Отвѣтѣ гражданина на рѣчь, говоренную оберъ-прокуроромъ Неклюдовымъ“. Усмотрѣвъ въ этой рѣчи косвенное порицаніе Петра Великаго въ неудачномъ сопоставленіи Верельскаго мира съ Прутскимъ договоромъ, Щербатовъ такъ упрекаетъ оратора: „Къ тебѣ пишу, вѣщуну отъ народа, не знающему кто ты, и что будешь вѣщать.... Зачѣмъ ты, хотя принести лестный вѣнiамъ, вредъ самой славѣ сей Императрицѣ содѣлалъ, ибо самый чинъ твой есть дѣяніе Петра Великаго, а ты, дерзая охулять предсѣдящей на престолѣ Содѣтеля всего сего, не ясно ли изъявилъ, что лесть, а не искренность говорила, и что Ты не болѣе Ей самой вѣренъ, какъ Тому, Кто установилъ чинъ твой“.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что всѣ эти громы посыпались на невиннаго оратора совершенно незаслуженно, такъ какъ произнесенная имъ рѣчь написана была, по свидѣтельству Державина, графомъ Завадовскимъ.

Пріятельскія отношенія Неклюдова къ Державину прекратились лишь со смертью перваго—они были въ постоянной перепискѣ; будучи большимъ сибаритомъ и любя городскую жизнь, Неклюдовъ постоянно проживалъ въ Петербургѣ и, въ отсутствіе Державина, исполнялъ его порученія и распутывалъ его денежныя дѣла. Скончался онъ въ чинѣ тайнаго совѣтника 15 Іюля 1797 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на воздвигнутомъ его вдовою памятникѣ высѣчены написанные Державинымъ на этотъ случай стихи:

„Свѣтъ ясный, неизмѣнный,
„Пролейся въ гробъ сей тлѣнный,
„Да нѣкогда струя твоя
„Возбудитъ, воскреситъ
„Отъ сна здѣсь друга моего,
„И на челѣ его,
„Какъ лучъ твой, возблеститъ
„Слеза моя!“

(Съ миніатюры, принадлежащей С. П. Казнакову, въ С.-Петербургѣ.)

PIERRE VASSILIEWITCH NEKLIOUDOFF, 1745—1797, descendait d'une vieille famille noble remontant, avec les Pouchkine et les Boutourline, à „l'homme pieux nommé Radcha qui quitta les Infidèles pour venir au Grand Prince St-Alexandre Newsky". Il naquit le 5 juin 1745. Son père (1718—1790), président de la noblesse de Tver, était marié à Eudoxie Yakovlewna Fédoroff. Comme son père, il entra au service, en 1760, au régiment Préobragensky, dont il fut longtemps secrétaire; en cette qualité, il eut à plusieurs reprises l'occasion de prêter ses bons offices de camarade au jeune poète et futur ministre de la Justice Derjavine, qui servait au même régiment et avait alors une conduite assez désordonnée: Néklioudoff lui accorda sa protection, le prit en affection pour ses talents en dessin et en poésie, et eut à son tour recours à ses talents de littérateur pour rédiger non seulement ses rapports officiels et ses ordres du jour, mais aussi ses lettres d'amour à sa fiancée Elisabeth Ivanowna Lévacheff. Après son mariage, Néklioudoff permuta dans le service civil, fut président de la Chambre du Tribunal civil et criminel de St-Pétersbourg (1784—1786), puis haut procureur du Sénat (le 21 mai 1788) et membre du Bureau de la Cour (1795). Dans sa carrière judiciaire, il se rencontra une seconde fois avec Derjavine et, comme lui, s'attira le mécontentement de l'Impératrice Catherine dans l'affaire Kachkine-Yaroslavoff: „Convoqué à propos de l'affaire d'hier le haut procureur Néklioudoff; lui ai lavé la tête", lit-on dans le journal de Khrapovitzky à la date du 2 septembre 1792. A l'audience publique donnée au Sénat par Catherine, en septembre 1790, à l'occasion de la conclusion de la paix de Verelsk, Néklioudoff, comme haut procureur, lut à l'Impératrice siégeant sur le Trône une adresse de félicitations. Ce discours, plein de flatterie et de louanges officielles ronflantes à l'adresse de Catherine, provoqua une retentissante protestation de la part de l'historien prince M. Chtcherbatoff dans sa „Réponse d'un citoyen au discours du haut procureur Néklioudoff". Chtcherbatoff y voit un blâme indirect à Pierre-le-Grand dans la malheureuse comparaison de la paix de Verelsk avec le traité du Pruth, et interpelle l'orateur en ces termes: „Ecoute, porte parole du peuple, qui ne sais ni ce que tu es, ni ce que tu vas dire . . . . . En voulant brûler l'encens de la louange, tu n'as fait que du tort à la gloire de l'Impératrice, car ton rang même est l'œuvre de Pierre-le-Grand, et toi, quand tu oses dire à la Souveraine du mal de l'auteur de tout ceci, n'est-il pas bien clair que c'est par flatterie et sans sincérité que tu parles, et que tu ne lui es pas plus fidèle à Elle qu'à celui qui institua ton rang?"

Il n'est d'ailleurs que justice de dire que ces paroles sévères tombaient sur la tête d'un innocent, le discours ayant été composé, au témoignage de Derjavine, par le comte Zavadowsky.

Néklioudoff resta jusqu'à sa mort en rapports d'amitié avec Derjavine. Ils étaient en correspondance suivie: grand sybarite et très mondain, Néklioudoff habitait toujours Pétersbourg, et en l'absence de son ami, faisait ses commissions et arrangeait ses affaires d'intérêt. Il mourut conseiller privé le 15 juillet 1797 et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Sur le monument élevé par sa veuve furent gravés les vers suivants, composés par Derjavine pour la circonstance:

„Lumière vive, impérissable,
„Descends dans ce tombeau poudreux:
„Un jour sans doute ta lueur
„Peut ranimer, ressusciter
„Mon ami qui repose ici.
„Comme un rayon de toi,
„Sur son front alors brillera
„Une larme de moi".

(D'après une miniature appartenant à S. Kaznakoff, St-Pétersbourg.)

133

Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, 1760 — 1831

Le Comte Iacob Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, 1760 — 1831

134

Николай Дмитріевичъ Олсуфьевъ, 1775 — 1817

Nicolas Dmitriewitch Olsoufieff, 1775 — 1817

135

Пис. Боровиковскій

Елисавета Ивановна Неклюдова, 1755 — 1799

Peint par Borowikowsk.

Elisabeth Ivanowna Nécludoff, 1755 — 1799

136

Петръ Васильевичъ Неклюдовъ, 1745 — 1797

Pierre Vassiliewitch Nécludoff, 1745 — 1797

137

Цесаревичъ **КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ**, 1779—1831, второй сынъ Императора Павла, родился 8 Мая 1779 г.; воспитывался вмѣстѣ со старшимъ братомъ, подъ наблюденіемъ своей бабки и съ дѣтства предназначался въ Византійскіе императоры будущей Греческой Имперіи, которая должна была явиться результатомъ Греческаго проекта Екатерины, потому имѣлъ кормилицу гречанку и въ дѣтствѣ учился по-гречески; съ юности пріобрѣлъ страсть ко всему военному, чему еще способствовалъ Гатчинскій режимъ; когда онъ сталъ юношей, то участвовалъ въ походахъ Суворова въ Италіи и Швейцаріи и получилъ отъ отца титулъ „Цесаревича“ за эту кампанію; въ царствованіе брата всецѣло предался военнымъ упражненіямъ и дѣлами внутренней политики не интересовался; принималъ участіе въ походѣ 1805 и 1806 гг.; присутствовалъ при Тильзитскомъ свиданіи Императоровъ; въ Отечественную войну командовалъ корпусомъ только въ началѣ кампаніи, въ бояхъ подъ Смоленскомъ; въ 1813 г.—подъ Бауценомъ, Лейпцигомъ и Кульмомъ, а также во многихъ дѣлахъ 1814 г., хотя лично былъ противъ продолженія войны послѣ изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи. Съ 1815 г. войска, расположенныя въ герцогствѣ Варшавскомъ, были подчинены Цесаревичу Константину, а въ 1817 г. изъ двухъ дивизій былъ составленъ отдѣльный Литовскій корпусъ, который былъ подъ начальствомъ Великаго Князя. Въ 1822 г. Цесаревичъ назначенъ главнокомандующимъ Польской арміей. Пребывая въ Варшавѣ, онъ усердно сталъ заниматься польскими дѣлами и, имѣя явное пристрастіе къ полякамъ, всячески старался быть имъ угоднымъ. Несмотря на такую политику, его управленіе Польшей закончилось поголовнымъ возстаніемъ, которое принудило Цесаревича оставить Варшаву. Великій Князь скончался въ томъ же 1831 г., 27 Іюня, въ Витебскѣ, отъ холеры.

Цесаревичъ Константинъ и внѣшностью и характеромъ напоминалъ отца, былъ права пылкаго, невѣроятно горячъ, но человѣкъ доброй души. Его отреченіе отъ престола въ 1825 г. и полное подчиненіе своему младшему брату, Императору Николаю, удивляли современниковъ. Его Высочество былъ женатъ дважды и отъ обоихъ браковъ не имѣлъ дѣтей: первый разъ—на принцессѣ Кобургской, въ православіи Аннѣ Ѳеодоровнѣ, которая покинула мужа и Россію въ 1801 г. и съ которой онъ развелся 20 Марта 1820 г., и вторично, съ 24 Мая 1820 г.,—на полькѣ Жанеттѣ Грудзинской, получившей титулъ княгини Ловичъ.

(Съ портрета Райта, принадлежащаго графу А. Д. Шереметеву, с. Останкино, Московск. губ.)

LE CESAREWITCH CONSTANTIN PAVLOWITCH, 1779—1831, second fils de l'Empereur Paul, naquit le 8 mai 1779; il fut élevé avec son frère aîné sous la surveillance de leur grand'mère et fut dès son enfance destiné au trône de Byzance, conformément au projet de Catherine de restaurer l'Empire d'Orient: on lui donna en conséquence une nourrice grecque et on lui fit apprendre le grec. Il eut dès sa jeunesse pour tout ce qui était militaire une passion que développa encore le régime de Gatchina. Il fit les campagnes de Souvoroff en Italie et en Suisse, pour lesquelles il reçut de son père le titre de Césarewitch. Sous le règne de son frère, il s'adonna entièrement aux affaires militaires, sans s'intéresser nullement à la politique intérieure, fit la campagne de 1805—1806, assista à l'entrevue de Tilsitt; lors de la Guerre Patriotique, il commanda un corps au commencement seulement de la campagne, sous Smolensk, et, en 1813, combattit à Bautzen, Leipzig et Kulm, ainsi qu'en 1814, tout en étant personnellement opposé à la continuation de la guerre une fois le territoire russe purgé de l'invasion française. A partir de 1815, il fut à la tête des troupes en garnison dans le duché de Varsovie, et, en 1817, un corps lithuanien spécial, formé de la réunion de deux divisions, fut mis sous son commandement. En 1822, le Césarewitch fut nommé commandant en chef de l'armée de Pologne; dès son arrivée à Varsovie, il se mit à s'occuper assidûment des affaires polonaises, et, avec les sympathies qu'il nourrissait manifestement pour les Polonais, s'efforça de toute manière de leur être agréable. Sa politique n'empêcha pourtant pas son administration d'aboutir à un soulèvement en masse, devant lequel il dut quitter Varsovie. Le Grand-Duc mourut la même année à Vitebsk, le 27 juin 1831, du choléra.

Le Césarewitch Constantin rappelait son père tant au moral qu'au physique: caractère violent, d'un emportement extrême, il était en même temps une bonne nature. Sa renonciation au trône en 1825 et son complet effacement devant son frère cadet firent l'étonnement général. Il fut marié deux fois, sans avoir d'enfant d'aucune de ses unions: une première fois à une princesse de Cobourg, en orthodoxie Anna Féodorowna, qui l'abandonna en quittant la Russie, en 1801, et avec laquelle il divorça le 20 mars 1820, et une seconde fois, le 24 mai 1820, à une polonaise, Jeannette Groudzinsky, qui reçut le titre de princesse Lovitch.

(D'après l'original de Right, propriété du comte A. Chérémeteff, Ostankino, gouv. de Moscou.)

МАРІЯ ПАВЛОВНА, 1786—1859, Великая Княгиня, великая герцогиня Саксень-Веймаръ-Эйзенахская, третья дочь Императора Павла I, родилась 3 Февраля 1786 года. Въ дѣтствѣ Великая Княжна пострадала отъ оспы, и черты лица ея были грубы, но, придя въ возрастъ, она похорошѣла настолько, что ее называли „perle de la famille“: лицо ея носило особый отпечатокъ кротости и доброты. Воспитаніе свое Марія Павловна получила подъ руководствомъ матери, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и баронессы Ливенъ, стремившихся, главнымъ образомъ, искоренить въ ней „мальчишескія“ привычки. „Она настоящій драгунъ“, писала о четырехлѣтней внучкѣ Императрица Екатерина, „ничего не боится; всѣ ея склонности и игры напоминаютъ мальчика, и я не знаю, что изъ нея выйдетъ; самая любимая ея поза подпереться руками въ бока и такъ прогуливаться“. Усилія воспитательницъ не пропали даромъ, но не искоренили въ Великой Княжнѣ ея открытаго, веселаго характера, ея наклонности къ серіозному знанію. Въ 1804 г. Марія Павловна выдана была замужъ за наслѣднаго принца Саксень-Веймарскаго Карла-Августа, вступившаго въ управленіе великимъ герцогствомъ въ 1828 году. Марія Павловна, подобно сестрамъ своимъ, не была счастлива въ супружеской жизни и никогда не могла забыть Россіи. Но Веймаръ въ то время, благодаря свекрови Маріи Павловны, великой герцогинѣ Луизѣ, сдѣлался средоточіемъ умственной жизни Германіи: тамъ жили Гёте, Шиллеръ, Гердеръ, Виландъ, и Марія Павловна съ успѣхомъ пополняла въ бесѣдахъ съ ними свое образованіе и брала даже уроки у профессоровъ Іенскаго университета. По смерти своей свекрови, Марія Павловна замѣнила ее въ области покровительства наукамъ и искусствамъ, создала музей, посвященный памяти Гёте, Шиллера, Виланда и другихъ поэтовъ и художниковъ, жившихъ въ Веймарѣ, пригласила къ своему двору піаниста Листа и даже устраивала публичныя лекціи при своемъ дворѣ, сама выбирая темы. Гёте называлъ Марію Павловну одной изъ лучшихъ и наиболѣе выдающихся женщинъ своего времени; Шиллеръ признавалъ въ ней „большія способности къ музыкѣ и живописи и дѣйствительную любовь къ чтенію“.

Скончалась Марія Павловна въ глубокой старости, 11 Іюня 1859 г., переживъ мужа шестью годами. Изъ дочерей Маріи Павловны обращаетъ на себя вниманіе супруга Германскаго императора Вильгельма, императрица Августа.

(Съ портрета Г. Дау; Зимній дворецъ, въ С.-Петербургѣ.)

138

LA GRANDE-DUCHESSE MARIE PAVLOWNA, 1786—1859, Grande-Duchesse de Saxe-Weimar-Eisenach, troisième fille de l'Empereur Paul Ier, naquit le 3 février 1786. Etant enfant, elle avait eu la petite vérole et avait de gros traits, mais avec l'âge elle se perfectionna au point qu'on l'appelait „la perle de la famille“: son visage était empreint d'une douceur et d'une bonté particulières. Elle fut élevée sous la direction de sa mère, l'Impératrice Marie Féodorowna, et de la baronne Lieven, qui travaillèrent surtout à la corriger de ses manières „garçonnières“. „C'est un vrai dragon“, écrivait d'elle sa grand-mère quand elle n'avait que quatre ans, „elle n'a peur de rien; ses goûts et ses jeux, tout est d'un garçon, et je ne sais ce qu'elle deviendra. Sa pose préférée est de se promener les poings sur les hanches“. Les soins qu'on prit d'elle ne furent pas inutiles, tout en lui conservant son caractère ouvert et gai, son goût pour les connaissances sérieuses. En 1804, on la maria au prince héritier Charles-Auguste de Saxe-Weimar, qui prit possession du pouvoir dans son grand-duché, en 1828. La princesse, comme ses sœurs, ne fut pas heureuse en ménage et ne put jamais oublier la Russie. Mais, à cette époque, Weimar, grâce à la mère du prince, la Grande-Duchesse Louise, était le centre de la vie intellectuelle en Allemagne: c'est là qu'étaient Gœthe, Schiller, Herder, Wieland, et Marie Pavlowna compléta heureusement avec eux son instruction et prit même des leçons avec des professeurs de l'université d'Iéna. A la mort de sa belle-mère, elle la remplaça comme protectrice des sciences et des arts, fonda un musée consacré à la mémoire de Gœthe, Schiller, Wieland et autres poètes et artistes de Weimar, fit venir à sa Cour le pianiste Liszt, et y organisa même des conférences publiques, dont elle désignait elle-même les sujets. Gœthe disait qu'elle était une des femmes les plus remarquables de son temps; Schiller lui reconnaissait „de grandes facultés pour la musique et la peinture et un goût réel pour la lecture“.

Elle mourut dans une vieillesse avancée, le 11 juin 1859, six ans après son mari. Une de ses filles fut l'Impératrice d'Allemagne Augusta, femme de l'Empereur Guillaume.

(D'après l'original de Daw, Palais d'Hiver, St-Pétersbourg.)

137

Цесаревичъ
Константинъ Павловичъ,
1779 — 1831

Le Césarewitch
Constantin Pavlowitch,
1779 — 1831

138

Пис. Г. Дау

Великая Княгиня
Марія Павловна,
1786 — 1859

La Grande-Duchesse
Marie Pavlowna,
1786 — 1859

Князь АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ, 1787—1869, сынъ сенатора князя Сергѣя Александровича отъ брака съ княжною Екатериною Николаевною Голицыной, правнукъ знаменитаго „птенца гнѣзда Петрова", родился 11 Сентября 1787 г., началъ службу въ 1805 г. при Берлинской и Лондонской миссіяхъ, но, 4 года спустя, перешелъ въ гвардейскую артиллерію и участвовалъ въ Турецкой кампаніи, при чемъ за переправу черезъ Дунай и занятіе Туртукая получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст., а на штурмѣ Рущука былъ раненъ въ ногу. Въ 1811 г. пожалованъ во флигель-адъютанты. Во время Отечественной войны и кампаніи 1813 г. участвовалъ во многихъ дѣлахъ, а при взятіи Парижа опять раненъ „въ лѣвый мослакъ". 6 Октября 1817 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ и сопровождалъ Государя на конгрессы въ Троппау, Лейбахъ и Верону. Съ этого времени отношеніе Александра I къ нему измѣнилось. Благодаря своему злому языку, онъ имѣлъ много враговъ и прослылъ вольнодумцемъ и либераломъ, чему способствовалъ также поданный имъ проектъ освобожденія крестьянъ. Отказавшись отъ назначенія командиромъ Черноморскаго флота, по неимѣнію познаній въ морскомъ дѣлѣ, а затѣмъ не принявъ предложенія отправиться посланникомъ въ Дрезденъ, вышелъ 24 Ноября 1824 г. въ отставку. Говорятъ, что, тяготясь бездѣльемъ, онъ занялся въ это время изученіемъ морского дѣла, такъ что, вернувшись на службу 6 Января 1826 г., онъ считался уже въ немъ спеціалистомъ. Въ этомъ же году онъ ѣздилъ въ Персію для переговоровъ, а затѣмъ участвовалъ въ Персидской войнѣ; переименованный въ контръ-адмиралы, во время войны съ Турціей за взятіе Анапы награжденъ орденомъ св. Георгія 3 кл. и произведенъ въ вице-адмиралы, а подъ Варной тяжело раненъ ядромъ въ обѣ ноги. 17 Марта 1830 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ слѣдующемъ году Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, въ 1836 г. управляющимъ Морскимъ министерствомъ, въ 1841 г. пожалованъ Андреевской лентой. Въ 1853 г. кн. Меншиковъ былъ посланъ въ Константинополь для переговоровъ съ Турціей, но своей гордостью, самодовольной самоувѣренностью и безтактностью испортилъ въ концѣ все порученное ему дѣло: ему не удалось объѣздить лошади „Султанъ", а если онъ и заставилъ „вертѣться диванъ", какъ онъ хвалился, то диванъ завертѣлся не въ интересахъ Россіи, и результатомъ была Крымская кампанія; при этомъ главнокомандующимъ въ Крыму былъ назначенъ самъ кн. Меншиковъ. 23 Февраля 1855 г., „по разстроенному здоровью" онъ былъ уволенъ послѣ ряда неудачъ. Меншиковъ не имѣлъ качествъ полководца: мрачный и нелюдимый, съ суровымъ, лицомъ, онъ не дарилъ солдатъ ни привѣтомъ, ни одобреніемъ; войска рѣдко его видѣли, не знали и не вѣрили ему. Затѣмъ онъ былъ назначенъ, 9 Декабря 1855 г., Кронштадтскимъ генералъ-губернаторомъ, съ правами главнокомандующаго. Послѣ Севастопольской кампаніи физическія силы его начали падать, но онъ прожилъ еще болѣе 10 лѣтъ и умеръ 19 Апрѣля 1869 года. Князь Меншиковъ былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Александровнѣ Протасовой и имѣлъ сына Владиміра (р. 1815 г.) и дочь Александру (р. 1817 г.; за подполк. И. Я. Вадковскимъ). Меншиковъ оставилъ обширныя записки, находящіяся у одного изъ его потомковъ, князя Гагарина.

Безспорно человѣкъ выдающагося и тонкаго ума, большихъ способностей, разносторонне образованный и начитанный, съ громадной памятью, князь Меншиковъ отталкивалъ отъ себя людей своей черствостью и тщеславіемъ, своимъ бездушіемъ, себялюбіемъ и своимъ злоязычіемъ; его остроумныя выходки, его колкія слова могутъ составить цѣлый сборникъ анекдотовъ, но зато ему приписываютъ много такого, чего онъ и не говорилъ. Онъ не щадилъ ни друзей, ни враговъ, одинаково порицалъ и порокъ и добродѣтель; сегодня осмѣивалъ то, предъ чѣмъ вчера еще преклонялся. Великій Князь Михаилъ Павловичъ говорилъ, что, если смотрѣть на князя съ двухъ сторонъ, то „одному будетъ казаться, что онъ насмѣхается, а другому, что онъ плачетъ". По словамъ Д. Давыдова, Меншиковъ „умѣлъ приспособить свой умъ ко всему", но онъ не могъ сдѣлать своего ума изъ разрушающаго созидающимъ. Враги говорили о немъ, что у него нѣтъ никакихъ убѣжденій, и что онъ неспособенъ ни къ какимъ человѣческимъ чувствамъ, друзья старались увѣрить въ его мягкосердечіи, котораго онъ будто бы стыдился, въ его благотворительности, которую онъ тщательно скрывалъ, а самъ онъ увѣрялъ, что нисколько „не безпокоится о мнѣніи людей" и, прослывъ скупцомъ, „старается сохранить эту репутацію". Царедворецъ и кабинетный ученый, съ умомъ отрицательнымъ, князь А. С. Меншиковъ не могъ быть ни хорошимъ полководцемъ, ни полезнымъ Государственнымъ человѣкомъ.

(Съ портрета Г. Дау; собственность князя В. П. Гагарина, с. Никольское-Гагарино, Московск. губ.)

Le prince ALEXANDRE SERGUÉEWITCH MENCHIKOFF, 1787—1869, fils du sénateur prince Serge Menchikoff et de la princesse Catherine Nikolaewna, née Golitzyne, naquit le 11 septembre 1787. Il entra au service, en 1805, aux missions de Berlin et de Londres, mais, au bout de quatre ans, passa dans l'artillerie de la Garde. Il fit la campagne de Turquie: le passage du Danube et la prise de Tourtoukaï lui valurent St-Vladimir de 4e classe et, à l'assaut de Rouchtchouk, il reçut une blessure à la jambe. En 1811, il fut fait aide de camp de Sa Majesté. Lors de la Guerre Patriotique et de la campagne de 1813, il fut de plusieurs affaires, et à la prise de Paris reçut une nouvelle blessure „au boulet gauche". Le 6 octobre 1817, il fut promu général aide de camp et accompagna l'Empereur aux congrès de Troppau, de Laybach et de Vérone. A partir de ce moment, Alexandre changea de disposition à son égard. Sa mauvaise langue lui avait fait beaucoup d'ennemis: il passait pour libre penseur et libéral, en partie aussi grâce à son projet d'affranchissement des serfs. Il refusa successivement le commandement de la flotte de la mer Noire faute de connaissances navales, puis le poste d'ambassadeur à Dresde, et prit sa retraite le 24 novembre 1824. Il se mit, dit-on, l'inaction lui pesant, à étudier les sciences navales, si bien qu'à sa rentrée au service, le 6 janvier 1826, il s'y considérait déjà comme spécialiste. La même année, il fut chargé de négociations en Perse, puis il fit la campagne de Perse. Passé contre-amiral, il fit la guerre de Turquie, où la prise d'Anape lui valut St-Georges de 3e classe et le grade de vice-amiral; à Varna, il fut grièvement blessé aux deux jambes par un obus. Le 17 mars 1830, il fut nommé membre du Conseil de l'Empire, l'année suivante général gouverneur de la Finlande, en 1836 gérant du ministère de la Marine, et en 1841, décoré du cordon de St-André. En 1853, le prince Menchikoff fut envoyé à Constantinople pour mener les pourparlers avec la Turquie, mais sa hauteur, son assurance, sa suffisance et son manque de tact compromirent tout: il n'arriva pas à dresser le cheval „Sultan", et, s'il parvint à „retourner le divan", comme il s'était vanté de le faire, ce ne fut pas dans le sens des intérêts de la Russie, et le résultat fut la guerre de Crimée; ce fut lui-même qui fut désigné comme commandant en chef. Après une série d'échecs, il fut destitué, le 23 février 1855, „pour raisons de santé". Menchikoff n'avait aucune des qualités d'un homme de guerre: sombre et taciturne, le visage dur, il n'avait jamais pour le soldat une parole de bienvenue ou d'encouragement; les troupes le voyaient rarement, ne le connaissaient pas et ne croyaient pas en lui. Le 9 décembre 1855, il fut nommé général gouverneur de Kronstadt. A la suite de la campagne de Sébastopol, ses forces commencèrent à tomber; il vécut cependant encore plus de dix ans, et mourut le 19 avril 1869. Il avait épousé la comtesse Anna Alexandrowna Protassoff, dont il eut un fils, Vladimir, né en 1815, et une fille, Alexandrine, née en 1817, qui épousa le colonel Vadkowsky. Il laissa un journal assez considérable, qui est resté chez un de ses descendants, le prince Gagarine.

Esprit d'une valeur et d'une finesse incontestables, doué supérieurement, d'une instruction et d'une érudition variées, d'une mémoire considérable, le prince Menchikoff avait un caractère bourru, vaniteux et médisant, une absence de sentiments, un égoïsme qui tenaient à distance; ses pointes méchantes, ses railleries mordantes rempliraient tout un volume, mais on lui en attribue aussi beaucoup dont il est innocent. Il ne ménageait personne, ami ou ennemi, critiquant également le vice et la vertu: un jour il s'inclinait devant une chose, le lendemain il la tournait en ridicule. Le Grand-Duc Michel le représentait comme un personnage à deux faces, „se moquant d'un côté, pleurant de l'autre". Menchikoff était capable, dit Davydoff, „d'adapter son esprit à tout", mais ce qu'il ne pouvait pas en faire, c'était, de destructeur, de le rendre créateur. Ses ennemis le prétendaient dénué de toute conviction, incapable de tout sentiment humain: pour ses amis, il aurait eu du cœur, dont il se serait fait honte, il aurait pratiqué la bienfaisance, mais en le cachant soigneusement. Lui-même assurait „qu'il ne s'inquiétait nullement de l'opinion des gens": il passait pour avare et „ne demandait pas mieux que de conserver cette réputation". Courtisan et savant de cabinet, esprit négatif, le prince Menchikoff ne put être ni bon soldat, ni bon homme d'Etat.

(D'après l'original de Daw, propriété du prince V. Gagarine, Nikolskoïé-Gagarino, gouv. de Moscou.)

Графъ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ МОРДВИНОВЪ 1754—1845, сынъ адмирала Семена Ивановича Мордвинова и второй жены его, Наталіи Ивановны, рожденной Еремѣевой, родился 17 Апрѣля 1754 года. Около 10 лѣтъ отъ роду взятъ былъ Екатериной II во дворецъ для совмѣстнаго воспитанія съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, а въ 1766 г. поступилъ уже на службу во флотъ гардемариномъ и черезъ два года произведенъ въ мичманы. Въ 1774 г. посланъ въ Англію для усовершенствованія въ морской службѣ, а въ 1783 г., въ чинѣ капитана 2-го ранга, совершилъ плаваніе по Средиземному морю, командуя кораблемъ. Женившись въ Ливорно на англичанкѣ Генріеттѣ Коблей, онъ вернулся въ Россію и принялъ участіе во второй турецкой войнѣ, за отраженіе непріятеля отъ Черноморскихъ береговъ произведенъ былъ въ 1788 г. въ контръ-адмиралы и затѣмъ назначенъ предсѣдателемъ Черноморскаго Адмиралтейскаго правленія. Въ царствованіе Павла I оставался большею частью не у дѣлъ и лишь въ началѣ 1801 г. произведенъ былъ въ адмиралы и назначенъ членомъ Адмиралтейской коллегіи.

Съ воцареніемъ Александра I, пробывъ недолгое время въ должности министра морскихъ силъ, Н. С. Мордвиновъ былъ призванъ Государемъ участвовать въ трудахъ состоявшаго при немъ извѣстнаго „Совѣщательнаго комитета“, и съ этого времени начинается его кипучая государственная дѣятельность. Въ 1810 г. онъ назначается предсѣдателемъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта, а въ 1821 г. департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ Іюлѣ 1834 г. Мордвиновъ былъ пожалованъ въ графское достоинство. Постигшій его въ 1840 г. первый ударъ явился началомъ болѣзни, сведшей его въ могилу; онъ скончался 30 Марта 1845 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Глубокій государственный умъ графа Мордвинова, неподкупная честность, твердость и прямота его убѣжденій уже при жизни его были по достоинству оцѣнены современниками. Еще Екатерина II говорила, что доклады Мордвинова „писаны золотымъ перомъ“; записки и мнѣнія его по разнымъ вопросамъ, эти, по выраженію А. С. Шишкова, „золотыя слова“ Мордвинова, переписывались и въ копіяхъ ходили по рукамъ. Чуждый всякаго честолюбія, не поступавшійся независимостью своихъ взглядовъ и сужденій, Мордвиновъ, по собственному признанію, говорившій съ Императоромъ Николаемъ I такъ же прямо, какъ съ Екатериной II, имѣлъ много враговъ; при столкновеніяхъ съ ними онъ, не задумываясь, удалялся отъ дѣлъ, пока довѣріе трехъ поколѣній Государей не призывало его вновь на службу. Дѣятельность его оставила глубокіе слѣды въ государственной и общественной жизни первой половины минувшаго столѣтія; являясь защитникомъ законности и всѣхъ условій ея обезпеченія, Мордвиновъ, при своемъ энциклопедическомъ образованіи, обладалъ даромъ слова и умѣніемъ краснорѣчиво и убѣдительно излагать свои мысли. Извѣстны его проекты постепеннаго освобожденія крестьянъ, мнѣнія его о расширеніи правъ Сената, отвѣтственности министровъ и знаменитый проектъ „о представителяхъ областныхъ“. Ему же принадлежитъ цѣлый рядъ финансовыхъ проектовъ, въ которыхъ онъ былъ большой знатокъ (напримѣръ, онъ первый въ Россіи заговорилъ о подоходномъ налогѣ), и мѣръ, направленныхъ къ увеличенію народнаго благосостоянія, распространенію просвѣщенія и развитію частной предпріимчивости: „Дайте свободу мысли, рукамъ, всѣмъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ человѣка; предоставьте всякому быть, чѣмъ его Богъ сотворилъ, и не отнимайте, что кому природа особенно даровала“.

Дѣятельность гр. Н. С. Мордвинова отошла въ область исторіи, но не одному историку интересны его „голоса и доклады“, его мнѣнія и „золотыя слова“, которые не потеряли своего значенія даже теперь, когда жизнь далеко ушла впередъ; 10 большихъ томовъ „Архива графовъ Мордвиновыхъ“, послѣдній капитальный трудъ нашего покойнаго историка В. А. Бильбасова, даютъ возможность каждому ознакомиться со всѣми документами, оставшимися послѣ графа Мордвинова.

Суровый „Катонъ“ какъ государственный дѣятель, въ частной жизни графъ Мордвиновъ былъ образцовый семьянинъ, хлѣбосольный и гостепріимный хозяинъ, живой и увлекательный собесѣдникъ. Держась въ сторонѣ отъ придворной жизни и предпочитая свѣту домашній кругъ знакомыхъ и друзей, онъ посвящалъ свободное время любимому занятію садоводствомъ и, будучи знатокомъ и цѣнителемъ живописи, составилъ большое собраніе картинъ старыхъ итальянскихъ мастеровъ. Не щедрый на похвалы поэтъ посвятилъ ему прочувствованную оду, въ которой прославлялъ его „гражданское мужество“:

„Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ Екатерины славныхъ дней,
„Средь сонма избранныхъ мужей, въ Совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ!“

(Съ миніатюры Рейхеля 1817 г.; собственность А. П. Львова, въ Буда-Пештѣ.)

Le comte NICOLAS SEMENOWITCH MORDVINOFF, 1754—1845, fils de l'amiral Mordvinoff et de sa seconde femme, Natalie Ivanowna, née Eréméeff, naquit le 17 avril 1754. Vers l'âge de 10 ans, Catherine le prit au Palais pour le faire élever avec le Grand-Duc Paul et, dès 1766, il entra au service de la flotte comme aspirant; deux ans après, il était promu enseigne. En 1774, il alla en Angleterre perfectionner ses connaissances navales, et en 1785 fit comme capitaine de second rang une croisière en Méditerranée à la tête d'un bâtiment. Après son mariage à Livourne avec une anglaise, Henriette Cobley, il rentra en Russie et fit la 2e campagne de Turquie. Sa victorieuse résistance sur les côtes de la mer Noire, en 1788, lui valut le grade de contre-amiral, puis le fit nommer président du Conseil de l'Amirauté de la mer Noire. Sous Paul Ier, il ne sortit presque pas de la vie privée, et ce ne fut qu'au commencement de 1801 qu'il fut promu amiral et nommé membre du Collège de l'Amirauté.

Sous Alexandre Ier, Mordvinoff fut quelque temps ministre des forces navales, puis l'Empereur l'appela à prendre part aux travaux de la fameuse assemblée dont il s'était fait assister sous le nom de „Comité consultatif", et c'est de cette époque que commence à dater la période d'intensité de sa carrière d'homme d'Etat. En 1810, il est nommé président du département économique du Conseil de l'Empire et, en 1821, de celui des affaires civiles et ecclésiastiques. En juillet 1834, il fut élevé à la dignité de comte. L'attaque qui le frappa en 1840 fut le premier coup d'une maladie qui devait l'emporter au tombeau; il mourut le 30 mars 1845 et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare.

Le profond esprit d'homme d'Etat du comte Mordvinoff, son incorruptible loyauté, la fermeté et la droiture de ses convictions furent dès son vivant appréciés à leur valeur par les contemporains. Catherine II disait elle-même que les rapports de Mordvinoff étaient „écrits avec une plume d'or"; les notices et rapports qu'il rédigea sur diverses questions, ces „paroles d'or" de Mordvinoff, comme dit A. Chichkoff, étaient reproduits à plusieurs exemplaires et circulaient de main en main. Etranger à toute ambition, fort de l'indépendance de ses opinions et de ses jugements, Mordvinoff se fit, de son propre aveu, par la liberté de parole qu'il eut avec Nicolas comme avec Catherine, un grand nombre d'ennemis. Lorsqu'il se trouvait aux prises avec eux, il n'hésitait pas à s'éloigner des affaires, jusqu'à ce que la confiance de trois générations de souverains l'y rappelât de nouveau. Son activité laissa des traces profondes dans la vie gouvernementale et sociale de la première moitié du siècle écoulé: défenseur de la légalité et de toutes les conditions propres à l'assurer, Mordvinoff joignait à une instruction encyclopédique le don de la parole et le talent d'exposer ses idées d'une manière éloquente et persuasive. Il est resté célèbre par ses projets d'affranchissement progressif des serfs, par ses vues sur l'extension des droits du Sénat et la responsabilité des ministres, et par son fameux projet „de représentation régionale". Ce fut également lui qui proposa toute une série de réformes d'ordre financier (il était particulièrement versé dans la matière), comme l'impôt sur le revenu, dont il eut le premier l'idée en Russie, et de mesures ayant pour objet l'accroissement du bien-être national, la propagation de l'instruction et le développement de l'initiative privée. „Donnez la liberté à la pensée de l'homme et à ses bras, à toutes ses facultés physiques et morales. Laissez chacun être ce que Dieu l'a fait et n'enlevez à personne ce dont la nature peut l'avoir particulièrement gratifié".

L'œuvre de N. Mordvinoff est aujourd'hui du domaine de l'histoire; mais l'historien n'est pas seul à s'intéresser à ses notes et à ses rapports, à ses idées et à ses „paroles d'or", qui n'ont rien perdu de leur valeur malgré le long temps écoulé; les dix gros volumes des „Archives des comtes Mordvinoff", œuvre dernière et capitale du savant et regretté Basile Bilbassoff, donnent au public la possibilité de prendre connaissance des documents laissés par le comte N. Mordvinoff.

Vrai Caton comme homme d'Etat, dans sa vie privée le comte Mordvinoff fut un chef de famille modèle, hospitalier et accueillant, d'une conversation animée et attrayante. Se tenant à l'écart de la vie de Cour et préférant au monde le cercle restreint de ses amis et familiers, il consacrait ses heures de liberté à son occupation favorite, le jardinage, et, connaisseur et appréciateur d'art, réunit une grande collection des anciens maîtres de l'école italienne.

(D'après une miniature de Reichel [1817], propriété de A. Lvoff, Buda-Pest.)

Графиня ГЕНРІЕТТА АЛЕКСАНДРОВНА МОРДВИНОВА, 1764—1843, супруга адмирала графа И. С. Мордвинова, происходила изъ англійскаго семейства Коблей и родилась въ Англіи въ 1764 году. Оставшись сиротою 8 лѣтъ, она была взята на воспитаніе старшею сестрою, г-жею Партриджъ, въ Италію. Выросла она красавицей, и знаменитый Лафатеръ написалъ на посланномъ ему ея портретѣ: „Sur ce front se peignent la noblesse, la candeur et la pureté“. Во время стоянки русской эскадры въ Ливорно, миссъ Коблей познакомилась случайно въ Пизѣ съ командиромъ одного изъ судовъ, капитаномъ 2-го ранга И. С. Мордвиновымъ, и своимъ умомъ и красотою, уподобляемой имъ мадоннѣ Сассоферрато, произвела на него глубокое впечатлѣніе. Онъ сталъ часто бывать въ семействѣ Партриджъ и, наконецъ, сдѣлалъ миссъ Генріеттѣ предложеніе. Свадьба состоялась въ 1784 г. въ Ливорно, и Мордвиновъ увезъ молодую жену въ Россію.

Сразу попавъ въ совершенно чуждую, непривычную ей обстановку, не зная русскаго языка, которому она никогда не могла хорошо научиться, Г. А. Мордвинова очень скоро приспособилась къ жизни въ незнакомой странѣ. Живого, общительнаго характера, любя общество и увеселенія, она сумѣла обставить свою жизнь возможно пріятнѣе и удобнѣе, несмотря на безчисленные передвиженія и переѣзды, связанные съ постоянными перемѣнами въ служебной карьерѣ мужа. Въ Херсонѣ и Николаевѣ, въ Бѣлоруссіи и Пензѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, домъ Мордвиновыхъ, поставленный на чисто англійскую ногу, всегда служилъ центромъ общественной жизни. Вездѣ они жили широко и открыто, имѣя въ то же время особый тѣсный кругъ знакомства и друзей, между которыми были Сперанскій и Шишковъ. Съ переѣздомъ въ Россію Генріетта Александровна никогда не порывала связи съ своей родиной—многочисленные ея англійскіе родственники, близкіе и далекіе, постоянно посѣщали ее въ Россіи, гостили у нея по годамъ и получали отъ нея пенсію. Во время заграничнаго путешествія, предпринятаго ею въ 1818 г., для поправленія здоровья мужа, Г. А. Мордвинова посѣтила не только сестру свою въ Ливорно, но съѣздила съ семействомъ и въ Англію къ другимъ своимъ родственникамъ. Въ началѣ своей петербургской жизни, въ купленномъ ея мужемъ домѣ на Театральной площади, Мордвинова много выѣзжала и бывала на всѣхъ придворныхъ и частныхъ балахъ, но впослѣдствіи стала предпочитать болѣе тѣсный, дружескій кругъ знакомства и, подобно мужу, всегда держалась поодаль отъ придворныхъ и чисто свѣтскихъ круговъ. Горячо привязанная къ мужу, который высоко цѣнилъ и уважалъ ее, совѣтовался съ ней и посвящалъ въ свои служебныя дѣла, она, несмотря на свое иностранное происхожденіе, принимала живое участіе въ его трудахъ и часто предостерегала довѣрчиваго мужа противъ лицемѣрной преданности его друзей и козней его враговъ. Она была хорошо образована, много читала и, будучи глубоко-религіозной, не терпѣла произведеній французскихъ философовъ; въ угоду ей, мужъ ея сжегъ однажды только-что купленныя имъ сочиненія Вольтера. Въ 1840 г. крѣпкое до того ея здоровье пошатнулось; проболѣвъ три раза подъ рядъ нервной горячкой, она впала въ маразмъ и скончалась 16 Августа 1843 г. на рукахъ мужа и дѣтей. Тѣло ея предано было землѣ по лютеранскому обряду въ назначенномъ ею самой мѣстѣ на кладбищѣ села Мартышкина, близъ Ораніенбаума, въ верстѣ отъ приморской дачи Мордвиновыхъ.

Графиня Мордвинова, кромѣ сына Николая и дочери Софіи, умершихъ въ дѣтствѣ, имѣла сына Александра, женатаго первымъ бракомъ на А. А. Яковлевой, а вторымъ—на графинѣ А. П. Толстой, и трехъ дочерей: Надежду, умершую дѣвицей, Вѣру—за сенаторомъ А. А. Столыпинымъ, и Наталію—за тайнымъ совѣтникомъ А. П. Львовымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. П. Львову, въ Буда-Пештѣ.)

La comtesse HENRIETTE ALEXANDROWNA MORDVINOFF, 1764—1843, femme de l'amiral comte N. Mordvinoff, appartenait à la vieille famille anglaise des Cobley; elle naquit en Angleterre en 1764. Orpheline à 8 ans, elle fut recueillie et élevée par sa sœur aînée, Mme Partridge, qui l'emmena en Italie. Avec l'âge elle devint une beauté, et le célèbre Lavater écrivit sur un portrait qu'il reçut d'elle: „Sur ce front se peignent la noblesse, la candeur et la pureté". Lors du séjour que fit l'escadre russe à Livourne, miss Cobley fit par hasard à Pise la connaissance du commandant d'un des vaisseaux, le capitaine de 2e rang N. Mordvinoff, et, par son esprit et sa beauté qu'il compara à celle de la madone de Sassoforrato, fit sur lui une profonde impression. Il se mit à fréquenter les Partridge, et finit par faire sa proposition; le mariage eut lieu à Livourne en 1784, et Mordvinoff emmena sa jeune femme en Russie.

Tombée tout d'un coup dans un milieu étranger, nouveau pour elle, ne sachant pas le russe qu'elle n'arriva jamais à apprendre bien, la comtesse ne tarda pas à se faire à la vie de ce pays inconnu. Avec son caractère animé et communicatif, son amour de la société et des distractions, elle sut arranger son existence de la manière la plus agréable et la plus commode possible, en dépit des déplacements et des voyages incessants qu'entraînaient pour son mari les nécessités du service. A Kherson et à Nikolaeff, en Russie Blanche et à Penza, à Moscou et à Pétersbourg, la maison des Mordvinoff, montée absolument à l'anglaise, fut partout le rendez-vous de la société. Partout ils menaient une vie large et accueillante, tout en ayant en même temps un cercle étroit d'amis et de familiers, dont furent Spéransky et Chichkoff. En se fixant en Russie, la comtesse ne rompit jamais les liens qui la rattachaient à sa patrie: de nombreux parents d'Angleterre, proches et éloignés, venaient constamment la voir en Russie, restant chez elle des années entières, et recevant d'elle des pensions. Lors d'un voyage qu'elle fit à l'étranger, en 1818, pour la santé de son mari, non seulement elle alla chez sa sœur à Livourne, mais elle se rendit encore avec toute sa famille chez ses autres parents d'Angleterre. Au commencement de son séjour à Pétersbourg, dans la maison achetée par son mari Place du Théâtre, elle sortait beaucoup, allant à tous les bals à la Cour et dans le monde, mais par la suite, elle se restreignit à un cercle de relations plus intimes, et comme son mari, se tint à l'écart de la Cour et des milieux purement mondains. Tendrement attachée à son mari qui avait pour elle une haute estime et une grande considération, prenant conseil d'elle et la mettant au courant de ses affaires de service, elle eut, toute étrangère qu'elle était, une part étroite à ses travaux, et mit souvent sa confiance en garde contre le dévouement hypocrite de ses amis et les intrigues de ses ennemis. Elle avait reçu une bonne instruction, lisait beaucoup, et, avec le profond sentiment religieux qui l'animait, ne pouvait souffrir les œuvres des philosophes français: une fois, son mari, pour lui complaire, brûla les œuvres de Voltaire qu'il venait d'acheter. En 1840, sa santé jusqu'alors excellente s'ébranla; après trois attaques consécutives de fièvre nerveuse, elle tomba dans le marasme et mourut le 16 août 1843 dans les bras de son mari et de ses enfants. Elle fut inhumée suivant le rite protestant à la place choisie par elle-même au cimetière du bourg de Martychkino, près d'Oranienbaum, à une verste de la villa des Mordvinoff.

La comtesse Mordvinoff, à part deux enfants, Nicolas et Sophie, morts en bas âge, eut encore un fils, Alexandre, qui eut pour première femme Mlle A. Yakovleff et pour seconde la comtesse A. Tolstoï, et trois filles, Nadejda, qui mourut demoiselle, Véra, femme du sénateur A. Stolypine, et Natalie, du conseiller privé A. Lvoff.

(D'après une miniature appartenant à A. Lvoff, Buda-Pest.)

139

Пис. Г. Дау — Peint par Dow

Свѣтл. кн. Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, 1787 — 1869 — Le Per Sérénissime Alexandre Sergudewitch Menchikoff, 1787 — 1869

140

Пис. К. Рейхель, 1817 — Peint par C. Reichel, 1817

Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, 1754 — 1845 — Le Comte Nicolas Sémenowitch Mordvinoff, 1754 — 1845

141

Графиня Генріетта Александровна Мордвинова, 1764 — 1843 — La Comtesse Henriette Alexandrowna Mordvinoff, 1764 — 1843

142

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА, 1783—1801, Великая Княжна, старшая дочь Императора Павла I; см. № 123.

(Съ миніатюры, принадлежащей Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.)

142

LA GRANDE-DUCHESSE ALEXANDRA PAVLOWNA, 1783—1801, fille aînée de l'Empereur Paul Ier (v. № 123).

(D'après une miniature appartenant à Sa Majesté l'Impératrice Alexandra Féodorowna.)

АМАЛІЯ, принцесса **БАДЕНСКАЯ**, 1776—1823, сестра Императрицы Елизаветы Алексѣевны, дочь наслѣднаго принца Баденскаго Карла-Людвига, была близнецомъ другой своей сестры Каролины, впослѣдствіи королевы Баварской. Послѣ вступленія на престолъ Александра I, пріѣхала со своими родителями въ Петербургъ; здѣсь, по приглашенію своей сестры, Императрицы, она прожила вплоть до Февраля 1814 г., за исключеніемъ времени, посвященнаго ею продолжительной поѣздкѣ на родину въ 1810 году. Живя въ Россіи, она сильно увлеклась поручикомъ Кавалергардскаго корпуса, а потомъ камергеромъ, Петромъ Львовичемъ Давыдовымъ, но романъ этотъ окончился женитьбой послѣдняго, 15 Іюня 1803 г., на графинѣ П. В. Орловой. Проектъ ея брака съ эрцгерцогомъ Карломъ Австрійскимъ, которому покровительствовалъ русскій дворъ, не удался, вслѣдствіе противодѣйствія Наполеона. Также не состоялся бракъ ея и съ герцогомъ Кентскимъ, о чемъ позднѣе хлопоталъ Императоръ Александръ I. По возвращеніи въ Баденъ, въ 1814 г., она поселилась у своей матери, маркграфини Амаліи, въ замкѣ Брухзалъ, гдѣ и скончалась въ 1823 г., 46 лѣтъ, отъ припадка грудной жабы.

Принцесса Амалія, прозванная „Rosette“, отличалась широкой благотворительностью; въ 1812 г. она пожертвовала все свое личное состояніе, унаслѣдованное отъ отца, на исцѣленіе ранъ, причиненныхъ войной, и была настоящимъ ангеломъ-хранителемъ для своихъ соотечественниковъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Россіи. Любезная, рѣдкой доброты, съ проницательнымъ свѣтлымъ разумомъ, она была менѣе красива, чѣмъ ея сестры. По наружному виду, принцесса Амалія „était assez ce que l'on est convenu d'appeler une beauté allemande: grande et bien faite, quoique un peu trop forte, et des formes très prononcées“ (St-Chamans, 89).

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

AMÉLIE, princesse de BADE, 1776—1823, sœur de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna et fille du prince héritier Charles-Louis de Bade, était jumelle de la princesse Caroline, dans la suite reine de Bavière. A l'avènement d'Alexandre Ier, elle vint à Pétersbourg avec ses parents; elle y resta, sur les instances de l'Impératrice, sa sœur, jusqu'en février 1814, sauf un séjour d'une certaine durée qu'elle alla faire dans son pays, en 1810. En Russie, elle se prit d'une violente passion pour Pierre Lvowitch Davydoff, lieutenant aux Chevaliers-Gardes, puis chambellan, mais l'idylle se termina par le mariage du héros avec la comtesse N. Orloff, le 15 juin 1805. Un projet de mariage, auquel la cour de Russie se montrait favorable, avec l'archiduc Charles d'Autriche n'aboutit pas non plus, par suite de l'opposition de Napoléon. Plus tard, Alexandre Ier employa son entremise à un autre projet de mariage, avec le duc de Kent, qui échoua également. A son retour au pays de Bade, en 1814, la princesse se fixa chez sa mère, la margrave Amélie, au château de Bruchsal, où elle succomba, en 1823, à l'âge de 46 ans, à une angine de poitrine.

La princesse Amélie, surnommée „Rosette", se distinguait par une bienfaisance particulièrement large; en 1812, elle sacrifia toute la fortune personnelle qu'elle avait reçue de son père à soulager les maux causés par la guerre, et fut un véritalle ange gardien pour ses compatriotes prisonniers en Russie. Aimable, d'une rare bonté, d'un esprit pénétrant et vif, elle était moins belle que ses sœurs. Physiquement, „elle était assez ce qu'on est convenu d'appeler une beauté allemande: grande et bien faite, quoique un peu trop forte, et des formes très prononcées" (St-Chamand, 89).

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

144

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, 1788—1819, Великая Княгиня, четвертая дочь Императора Павла I; см. № 122.

(Съ миніатюры работы Бенпера; собраніе Е. А. Евреиновой, въ С.-Петербургѣ.)

144

LA GRANDE-DUCHESSE CATHERINE PAVLOWNA, 1788—1819, quatrième fille de Paul Ier (v. № 122).

(D'après une miniature de Benner, collection de Mlle C. Evréïnoff, St-Pétersbourg.)

142

Великая Княжна
Александра Павловна,
1783 — 1801

La Grande-Duchesse
Alexandra Pavlowna,
1783 — 1801

143

Амалія,
Принцесса Баденская,
1776 — 1823

Amélie,
Princesse de Bade,
1776 — 1823

144

Пис. Беннеръ — Peint par Benner

Великая Княгиня
Екатерина Павловна,
1788 — 1819

La Grande-Duchesse
Catherine Pavlowna,
1788 — 1819

145

НАТАЛІЯ ѲЕДОТОВНА ПЛЕЩЕЕВА, 1768—1855, дочь генералъ-маіора Ѳедота Михайловича Верягина, супруга дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сергѣя Ивановича Плещеева (р. 1752 г., † 1802 г.), въ 1791 г., по выпускѣ изъ Смольнаго института, пожалована была во фрейлины къ Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; вскорѣ она сдѣлалась невѣстой С. И. Плещеева, пользовавшагося большимъ расположеніемъ Великаго Князя Павла Петровича. Великій Князь, однако, самъ не остался равнодушнымъ къ прелестямъ Верягиной и началъ ухаживать за нею, что побудило жениха ускорить свадьбою. Вслѣдъ затѣмъ Плещеева пользовалась постояннымъ расположеніемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая была съ ней въ перепискѣ. Въ 1797 г. Плещеева получила бантъ ордена св. Екатерины. Потерявъ мужа въ 1802 г., Н. Ѳ. Плещеева поселилась на жительство въ Москвѣ. Въ статсъ-дамы Плещеева пожалована была 22 Августа 1826 г., въ коронацію Императора Николая I, а 4 Февраля 1851 г. получила орденъ св. Екатерины большого креста. Умерла 6 Февраля 1855 года.

(Съ миніатюры Ритта; собранія Гатчинскаго дворца.)

145

NATALIE FÉDOTOWNA PLECHTCHEEFF, 1768—1855, fille du général major Fédote Mikhaïlowitch Vériguine, femme du conseiller privé actuel Serge Ivanowitch Plechtchéeff (1752—1802), fut nommée en 1791, à sa sortie de Smolna, demoiselle d'honneur de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna; peu après, elle devint la fiancée de Plechtchéeff, qui jouissait de la faveur particulière du Grand-Duc Paul Pétrowitch. La jeune fille n'était pas indifférente non plus au Grand-Duc, qui commença à lui faire la cour; aussi le fiancé hâta-t-il le mariage. Dans la suite, Mme Plechtchéeff fut l'objet de la faveur constante de l'Impératrice Marie Féodorowna, qui était en correspondance avec elle. En 1798, elle reçut le cordon de l'ordre de Ste-Catherine. Devenue veuve en 1802, elle se fixa à Moscou. Elle fut faite dame d'honneur, le 22 août 1826, à l'occasion du couronnement de Nicolas Ier, et le 4 février 1851, grand-croix de Ste-Catherine. Elle mourut le 6 février 1855.

(D'après une miniature de Ritt, Palais de Gatchina.)

146

Княжна ТАТЬЯНА БОРИСОВНА КУРАКИНА, 18..—1857, дочь сенатора князя Бориса Алексѣевича отъ брака съ княжной Елизаветой Борисовной Голицыной, прозванная „tante Titine“, была дважды замужемъ: въ первомъ бракѣ за генералъ-майоромъ Лёшеръ-фонъ-Герцфельдомъ, и во второмъ—за лейтенантомъ Константиномъ Николаевичемъ Савинскимъ. Весьма много писемъ ея хранится въ куракинскомъ архивѣ, но они не изданы. Умерла въ С.-Петербургѣ 24 Февраля 1857 года и погребена на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, рядомъ съ могилой матери, княгини Елизаветы Борисовны Куракиной (р. 1790 г., † 1871 г.).

(Съ миніатюры Ритта; собственность князя Б. А. Куракина.)

146

La princesse TATIANA BORISSOWNA KOURAKINE, 18..—1857, fille du sénateur prince Boris Alexéewitch et de la princesse Elisabeth Borissowna, née Golitzyne, portait le sobriquet de „Tante Titine", et fut mariée deux fois: en premières noces au général major Leuscher von Hertzfeld, et en secondes noces au lieutenant Constantin Nikolaewitch Savinsky. Il y a un très grand nombre de lettres d'elle dans les archives, malheureusement inédites, de la famille Kourakine. Elle mourut à St-Pétersbourg, le 24 février 1857, et fut inhumée au cimetière du monastère Novodévitchy, près de sa mère (1790—1871).

(D'après une miniature de Ritt, propriété du prince B. Kourakine.)

Княгиня НАТАЛІЯ ИВАНОВНА КУРАКИНА, 1766 — 1831, кавалерственная дама ордена св. Екатерины меньшаго креста (1797), статсъ-дама съ 1826 г., родилась 16 Августа 1766 г., въ Москвѣ, гдѣ жилъ отецъ ея, Иванъ Сергѣевичъ Головинъ, женатый на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Голицыной.

15 Февраля 1783 г. Н. И. Головина вышла замужъ за князя Алексѣя Борисовича Куракина, впослѣдствіи генералъ-прокурора. Въ семейной жизни она была очень счастлива и нѣжно привязана къ мужу и дѣтямъ: сыну Борису и двумъ дочерямъ, изъ которыхъ старшая, Елена, вышла замужъ за графа Н. И. Зотова, а младшая, Александра, была въ первомъ бракѣ за Н. С. Салтыковымъ, а во второмъ — за генералъ-адъютантомъ П. А. Чичеринымъ.

Послѣ веселой и свѣтской жизни въ Петербургѣ, княгиня Куракина начала скучать въ деревнѣ, когда постепенное удаленіе мужа ея отъ дѣлъ позволило ему подолгу проживать въ своемъ любимомъ помѣстьѣ, с. Куракинѣ, Орловской губерніи. Отчасти для здоровья, отчасти съ цѣлью разсѣянія, она предприняла заграничное путешествіе, продолжавшееся 3 года, и во время котораго она объѣхала всю Европу. Такихъ путешествій ею было совершено, несмотря уже на приближающуюся старость, еще два, съ 1822 по 1824 г. и въ 1829 — 1830 гг. Смерть ея мужа, въ 1829 г., заставила ее ускорить возвращеніе въ Россію и, полтора года спустя, она скончалась въ Петербургѣ, отъ холеры, 2 Іюля 1831 г., и похоронена была рядомъ съ мужемъ въ селѣ Куракинѣ.

Оставленный княгиней Куракиной дневникъ ея путешествій на французскомъ языкѣ живо обрисовываетъ эту несомнѣнно талантливую и образованную женщину, можетъ-быть, слегка поверхностную и наивную, но до конца жизни сохранившую рѣдкій въ ея годы интересъ ко всему окружающему. Во время своихъ путешествій она ищетъ знакомства и сближенія со всѣмъ, что было въ Европѣ знаменитаго или только моднаго въ артистическомъ и литературномъ мірѣ. Въ дневникѣ ея мы встрѣчаемся не только съ видными политическими дѣятелями, какъ Меттернихъ, Талейранъ и Веллингтонъ, съ свѣтилами науки и литературы, какъ Гумбольдтъ, Стендаль, Эме-Мартэнъ и Мериме, первоклассными художниками и артистами, изъ которыхъ г-жа Виже-Лебренъ и пѣвица Каталани были ея лучшими друзьями, но и съ посредственностями, въ родѣ академика Брифо и романистокъ г-жи де-Баурь или Софіи Гэ. Она покровительствовала ребенку Листу, была знакома съ Россини и Сальери, бывала одинаково у г-жи Тальенъ и Рекамье и въ чопорныхъ домахъ старыхъ легитимистовъ С.-Жерменскаго предмѣстья, рѣдко открывавшихъ свои двери для иностранцевъ.

Главною страстью княгини Куракиной въ Парижѣ были театры, гдѣ она бывала почти каждый день, восхищалась игрой Тальма и Марсъ, операми Гретри, Буальдьё и Россини, плакала навзрыдъ въ чувствительныхъ балетахъ и знала въ лицо всѣхъ уврёзъ. Она съ неохотой покидала Парижъ, и во всемъ ея дневникѣ проглядываетъ какая-то лихорадочная поспѣшность использовать всѣ его развлеченія, видѣть и посѣтить все, что стоило посмотрѣть, или что видѣли другіе.

Артистическая репутація княгини Куракиной была извѣстна и въ Россіи, и Императоръ Александръ I посылалъ ей на просмотръ проекты памятника Минину и Пожарскому.

Будучи хорошею музыкантшею, она была и композиторшею, оставивъ до 50-и романсовъ, которые пѣлись не такъ еще давно. О ея музыкальныхъ вечерахъ въ Петербургѣ упоминается въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ. Слушатели восхищались ея игрой на арфѣ и ея чуднымъ контральтовымъ голосомъ, и поэтъ Дмитріевъ, называя ее „соперницей Эраты“, такъ обращался къ ней:

„Я лиру положу Куракиной къ ногамъ
„И буду самъ внимать въ безмолвномъ восхищеньи“.....

(Съ миніатюры Ритта, принадлежащей князю Б. А. Куракину.)

La princesse NATALIE IVANOWNA KOURAKINE, 1766—1831, dame de l'ordre de Ste-Catherine en 1797, dame d'honneur en 1826, naquit le 16 août 1766, à Moscou, où habitaient ses parents, Ivan Sergucewitch Golovine et Catherine Alexéewna, née princesse Golitzyne.

Le 15 février 1783, elle épousa le prince Alexis Borissowitch Kourakine, dans la suite procureur général. Elle fut très heureuse en ménage et tendrement attachée à son mari et à ses enfants, son fils Boris et ses deux filles, dont l'aînée, Hélène, épousa le comte N. Zotoff, et la plus jeune, Alexandrine, eut pour premier mari N. Saltykoff et pour second le général aide de camp P. Tchitchérine.

Après l'animation de la vie mondaine de Pétersbourg, la princesse tomba en proie à l'ennui, dans sa campagne préférée de Kourakino, gouv. d'Orel, où la retraite de son mari, éloigné peu à peu des affaires, lui permit de faire un long séjour. Elle entreprit à l'étranger, tant pour se soigner que pour se distraire, un grand voyage de trois ans, au cours duquel elle parcourut toute l'Europe. Elle en fit encore deux autres du même genre, malgré l'âge qui commençait à s'avancer, de 1822 à 1824 et en 1829—1830. La mort de son mari, en 1829, avança son retour en Russie, et un an et demi après, le 2 juillet 1831, elle mourait à St-Pétersbourg du choléra; elle fut inhumée près de son mari, à Kourakino.

Le journal de voyage en français, laissé par la princesse, dessine vivement cette personnalité d'un talent et d'une instruction incontestables, qui fut peut-être un peu superficielle et naïve, mais conserva jusqu'au bout un intérêt d'une vivacité rare à un âge pareil pour tout ce qui l'entourait. Au cours de ses voyages, elle rechercha la connaissance et la société de tout ce qui, dans le monde artistique et littéraire, jouit en Europe de quelque célébrité ou simplement de quelque vogue. Dans son journal, le lecteur se rencontre non seulement avec des hommes politiques marquants, comme Metternich, Talleyrand et Wellington, avec des étoiles de la science et de la littérature, comme Humboldt, Stendhal, Aimé Martin et Mérimée, avec des artistes de premier ordre, entre autres ses meilleures amies Vigée-Lebrun et la cantatrice Catalani, mais aussi avec des médiocrités comme l'académicien Briffault et les femmes de lettres de Baour et Sophie Gay. Elle protégea Liszt enfant, eut pour amis Rossini et Salieri, fréquenta également chez Talien et Récamier et dans les maisons guindées des vieux légitimistes du faubourg St-Germain, qui n'ouvraient que rarement leurs portes aux étrangers.

La grande passion de la princesse Kourakine à Paris fut le théâtre; elle y allait presque chaque jour, s'enthousiasmait au jeu de Talma et de Mars, aux opéras de Grétry, Boïeldieu et Rossini, pleurait à chaudes larmes aux ballets émouvants, et connaissait personnellement toutes les ouvreuses. Elle ne quitta Paris qu'à regret et tout son journal est pénétré comme d'une hâte fébrile d'en épuiser toutes les distractions, d'en voir et d'en visiter tout ce qui valait la peine et tout ce qu'y voyaient les autres.

La réputation artistique de la princesse avait passé les frontières de la Russie: l'Empereur Alexandre lui envoya à l'examen les projets de monument à Minine et Pojarsky.

Bonne musicienne, elle était aussi compositeur, et ne laissa pas moins d'une cinquantaine de romances, en vogue il n'y a pas si longtemps encore. Ses soirées musicales à St-Pétersbourg sont mentionnées dans la correspondance des frères Boulgakoff. Son talent sur la harpe et sa merveilleuse voix de contralto excitaient l'enthousiasme, et le poète Dmitrieff, en la qualifiant de „Rivale d'Erato", écrit en son honneur:

„Je dépose une lyre aux pieds de la princesse,
„Et muet d'enthousiasme ensuite je l'écoute"...

(D'après la miniature de Ritt, propriété du prince B. Kourakine.)

МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА ЛЬВОВА, 1755—1807, дочь оберъ-прокурора Сената, бригадира Алексѣя Аѳанасьевича Дьякова, отъ брака съ княжной Авдотьей Петровной Мышецкой, родная сестра второй жены Державина, получила блестящее по тому времени домашнее воспитаніе: прекрасно говорила по-французски и неправильно писала по-русски. Красавицы Дьяковы появлялись въ высшемъ обществѣ Петербурга, блистали на вечерахъ у Л. А. Нарышкина и обращали на себя вниманіе Великаго Князя Павла Петровича. Дарья, увѣковѣченная поэтомъ подъ именемъ „Милены“, вышла позднѣе за Державина, а Марія—за архитектора, почетнаго члена Академіи Художествъ, Николая Александровича Львова (р. 1751 г., † 22 Декабря 1803 г.), друга Державина и остроумнѣйшаго человѣка своего времени. Бракъ этотъ совершился при романической обстановкѣ, характеризующей влюбленныхъ. Родители противились браку дочери съ Львовымъ; тогда, около 1780 г., они обвѣнчались тайно въ Галерной гавани, и изъ церкви новобрачная вернулась въ родительскій домъ. Такъ продолжалось это болѣе 3 лѣтъ, пока, наконецъ, въ концѣ 1783 г. или началѣ 1784 г., Дьяковъ не далъ своего согласія; рѣшено было устроить свадьбу въ Ревелѣ. Когда насталъ часъ вѣнчанія, собравшимся роднымъ и гостямъ было объявлено, что жениха и невѣста давно уже повѣнчаны. Чтобы не пропали даромъ всѣ приготовленія, тутъ же повѣнчали, вмѣсто господъ, лакея и горничную. Мужъ М. А. Львовой былъ близокъ съ писателями, поэтами и художниками своего времени, и домъ Львовыхъ сдѣлался мѣстомъ, гдѣ собиралось общество, интересовавшееся искусствомъ и литературой, при чемъ красавицу хозяйку, отличавшуюся добрымъ и веселымъ характеромъ, окружало всеобщее поклоненіе: влюбленный въ нее Хемницеръ посвятилъ ей свои басни; наши знаменитые художники Левицкій и Боровиковскій писали ея портреты. Два чудныхъ портрета перваго, написанныхъ въ 1778 и 1786 гг., въ самый расцвѣтъ ея красоты, украшаютъ собой Львовское собраніе портретовъ Румянцевскаго музея, въ Москвѣ; Боровиковскій написалъ съ нея нѣсколько миніатюръ, хотя этотъ родъ живописи и являлся у него рѣдкимъ исключеніемъ. Державинъ, подъ именемъ „Миловидовой“, вывелъ ее дѣйствующимъ лицомъ въ комедіи „Кутерьма отъ Кондратьевъ“.

У Львовой было 2 сына, Леонидъ и Николай, и 3 дочери, Елизавета (за Львовымъ), Вѣра (за Воейковымъ) и Прасковья (за Бороздинымъ). Скончалась Марія Алексѣевна 52 лѣтъ 14 Іюня 1807 г., и Державинъ написалъ на смерть ея стихотвореніе „Помпки“:

„Побѣдительница смертныхъ,
„Не имѣя силъ терпѣть
„Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
„Поразила Майну—смерть.
„Возрыдали вкругъ Эроты,
„Всплакалъ, возрыдалъ и я“...

(Съ миніатюры Боровиковскаго; собственность А. З. Хитрово, въ С.-Петербургѣ.)

MARIE ALEXEEWNA LVOFF, 1755—1807, fille du brigadier Alexis Afanassiewitch Diakoff, haut procureur du Sénat, et d'Eudoxie Pétrowna, née princesse Mychetzky, était sœur de la seconde femme de Derjavine. Elle reçut à la maison paternelle une brillante éducation dans le goût de l'époque: elle parlait le français à la perfection et ne savait pas écrire correctement le russe. Les sœurs Diakoff firent paraître leur beauté dans la haute société de Pétersbourg, brillèrent aux bals de L. Narychkine, et attirèrent l'attention du Grand-Duc Paul. Daria, immortalisée par Derjavine sous le nom de „Milène", devint dans la suite la femme du poète, et Marie épousa Nicolas Alexandrowitch Lvoff (1751—22 décembre 1803), architecte, membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts, ami de Derjavine et l'homme le plus spirituel du temps. Le mariage eut lieu dans des circonstances romanesques. Les parents de la jeune fille s'étaient opposés à l'union; alors, vers 1780, les amoureux se firent marier clandestinement au Port des Galères, et à la sortie de l'église, la mariée rentra à la maison paternelle. Trois ans passèrent ainsi; à la fin de 1783, ou au commencement de 1784, Diakoff finit par donner son consentement; il fut décidé que le mariage se ferait à Rével. Le moment de la cérémonie arrivé, on annonça à la famille et aux invités que l'union était chose faite depuis longtemps. Pour faire servir les préparatifs, on maria séance tenante, au lieu des maîtres, un laquais et une femme de chambre. Lvoff était familier avec des écrivains, des poètes et des artistes du temps, et sa maison devint le rendez-vous de toute une société d'amateurs d'art et de littérature; la belle Mme Lvoff, avec sa bonté et sa gaîté, était l'objet des attentions de tous: Khemnitzer fut amoureux d'elle et lui dédia ses Fables, et nos célèbres peintres, Lévitzky et Borovikowsky, firent son portrait. Deux merveilleux originaux du premier, datés de 1778 et 1786, époque culminante de sa beauté, ornent la collection Lvoff au musée Roumiantzeff. On a aussi d'elle plusieurs miniatures par Borovikowsky, genre tout exceptionnel pour l'artiste. C'est également elle le personnage de „Milovidova" (en russe, „la Gentille") d'une comédie de Derjavine.

Mme Lvoff eut deux fils, Léonide et Nicolas, et trois filles, Elisabeth (Mme Lvoff), Véra (Mme Voéïkoff) et Prascovie (Mme Borozdine). Elle mourut à l'âge de 52 ans, le 14 juin 1807, et Derjavine composa à cette occasion une poésie intitulée „Souvenir":

„Celle qui vainc tous les mortels,
„Ne pouvant de cette beauté
„Souffrir les conquêtes sans nombre,
„La Mort, a frappé Maïna.
„Les Amours à l'envi sanglotent
„Et je pleure aussi, je gémis"...

(D'après une miniature de Borovikowsky, propriété de A. Khitrovo, St-Pétersbourg.)

145

Пис. Ритмъ — Peint par Ritt

Наталія Ѳедотовна Плещеева, 1768 — 1855

Natalie Fédotowna Pléchtchéeff, 1768 — 1855

146

Пис. Ритмъ — Peint par Ritt

Княжна Татьяна Борисовна Куракина, 18.. — 1857

La Princesse Tatiana Borissowna Kourakine, 18.. — 1857

147

Пис. Ритмъ — Peint par Ritt

Княгиня Наталія Ивановна Куракина, 1766 — 1831

La Princesse Natalie Iwanowna Kourakine, 1766 — 1831

148

Пис. Боровиковскій — Peint par Borovikowsky

Марія Алексѣевна Львова, 1755 — 1807

Marie Alexéewna Lvoff, 1755 — 1807

Княгиня МАРІЯ ВАСИЛЬЕВНА КОЧУБЕЙ, 1779—1844, родилась въ Москвѣ 10 Сентября 1779 года. Отецъ ея, дѣйствительный камергеръ Василій Семеновичъ Васильчиковъ, братъ Екатерининскаго фаворита, женатъ былъ на дочери гетмана, графинѣ Аннѣ Кирилловнѣ Разумовской. Тотчасъ послѣ ея рожденія, гостившая у сестры Наталія Кирилловна Загряжская, богатая и бездѣтная, похитила ее у родителей и увезла съ собою въ Петербургъ. Такъ маленькая Васильчикова и осталась у тетки, которая страстно привязалась къ своей „Машенькѣ“ и сдѣлала ее наслѣдницей своего громаднаго состоянія.

Въ 1799 г. М. В. Васильчикова сдѣлалась невѣстой молодого любимца Павла, Виктора Павловича Кочубея (1768—1834), только-что пожалованнаго вице-канцлеромъ и графомъ. Существуетъ преданіе, что сватовство Кочубея къ М. В. Васильчиковой произошло совершенно внезапно и вызвано было угаданнымъ имъ намѣреніемъ Государя женить его на княжнѣ А. И. Лопухиной. Какъ бы то ни было, свадьба состоялась 13 Октября 1799 г., а на мѣсто Кочубея назначенъ былъ графъ Н. П. Панинъ; молодые поспѣшили уѣхать изъ Петербурга и поселились въ Дрезденѣ, гдѣ они пробыли до воцаренія Александра I.

Вернувшись въ Россію послѣ кончины Павла, Кочубей скоро выписалъ въ Петербургъ и жену, только-что родившую дочь. Съ ними поселилась и Наталія Кирилловна Загряжская, до своей смерти не покидавшая любимой племянницы. Блестящая карьера мужа и близость его къ Александру I съ самаго начала доставили графинѣ Маріи Васильевнѣ завидное положеніе въ свѣтѣ и при Дворѣ. 22-го Іюля 1804 г. она была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины, а 22 Августа 1826 г.—въ статсъ-дамы. Потерявъ въ 1834 г. мужа, за три года передъ тѣмъ возведеннаго въ княжеское достоинство, княгиня М. В. Кочубей 15 Апрѣля 1841 г. передъ бракосочетаніемъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича получила орденъ св. Екатерины I класса. Проживая зимой въ Петербургѣ, гдѣ она не прекращала блестящихъ пріемовъ, установленныхъ при жизни мужа, она проводила лѣто въ Диканькѣ и изрѣдка предпринимала поѣздки за границу. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ она скончалась въ Парижѣ, 12 Января 1844 года. Тѣло ея было перевезено въ Петербургъ и предано землѣ въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа.

Нравственныя ея качества, если вѣрить Сперанскому, близко знавшему семейство Кочубеевъ, не уступали внѣшней привлекательности. „Графиня Кочубей есть прекраснѣйшее моральное женское существо, какое только удавалось мнѣ видѣть“, писалъ онъ о ней въ 1818 г. своей дочери. Обладая громаднымъ состояніемъ, высоко стоя на ступеняхъ іерархической лѣстницы, княгиня Кочубей въ то же время являлась олицетвореніемъ типа большой русской барыни; не чуждая нѣкотораго чванства, она любила себя окружать въ Диканькѣ какимъ-то подобіемъ царской пышности; на эктеніяхъ въ ея деревенской церкви священникъ, вслѣдъ за Императорской фамиліей, поминалъ княгиню, съ чадами и домочадцами, и усопшаго князя, а во время пріемовъ ея и обѣдовъ въ роскошномъ Диканьскомъ дворцѣ всѣ присутствовавшіе ожидали въ одной изъ комнатъ выхода ея къ столу въ сопровожденіи нѣсколькихъ приживалокъ.

Княгиня Кочубей оставила четырехъ сыновей: Льва, женатаго на Е. В. Кочубей, Василія—на княгинѣ Е. П. Бѣлосельской, рожденной Бибиковой, Михаила—на княжнѣ М. П. Барятинской, и Сергѣя—на Софьѣ Александровнѣ Демидовой, рожденной графинѣ Бенкендорфъ, и одну дочь, Наталію Викторовну, замужемъ за графомъ А. Г. Строгановымъ.

(Съ миніатюры изъ собранія П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse MARIE VASSILIEWNA KOTCHOUBEY, 1779—1844, née à Moscou le 10 septembre 1779, était fille du chambellan actuel Basile Sémenowitch Vassiltchikoff, frère du favori de Catherine, et de la comtesse Anna Kyrillowna, fille de l'hetman Razoumowsky. Immédiatement après sa naissance, sa tante, riche et sans enfants, Natalie Kyrillowna Zagriajsky, qui se trouvait alors chez sa sœur, l'enleva et l'emmena à Pétersbourg. C'est ainsi que l'enfant resta avec cette tante, qui s'attacha passionnément à sa „Machinka" et la fit héritière de son immense fortune.

En 1799, Marie Vassiltchikoff devint la fiancée du jeune favori de Paul, Victor Pavlowitch Kotchoubey (1768—1834), qui venait d'être fait vice-chancelier et comte. Une tradition veut que ces fiançailles aient été décidées précipitamment, les intéressés ayant deviné l'intention de l'Empereur de marier son favori à la princesse Lopoukhine. Quoi qu'il en soit, le mariage eut lieu le 13 octobre 1799, et Kotchoubey fut remplacé par le comte N. Panine; les jeunes époux s'empressèrent de quitter Pétersbourg et se fixèrent à Dresde, où ils restèrent jusqu'a l'avènement d'Alexandre.

Rentré en Russie peu après la mort de Paul, Kotchoubey ne tarda pas à y faire venir aussi sa femme, qui venait de lui donner une fille. Natalie Zagriajsky les suivit et resta jusqu'à sa mort inséparable de sa nièce bien-aimée. La brillante carrière de son mari et son intimité avec Alexandre Ier mirent d'emblée la jeune comtesse dans une situation marquante, à la Cour et dans le monde. Le 22 juillet 1804, elle fut faite dame de Ste-Catherine, et le 22 août 1826 dame d'honneur. En 1834, elle perdit son mari, élevé trois ans auparavant à la dignité de prince, et, le 15 avril 1841, à l'occasion du mariage du Césarewitch héritier Alexandre Nikolaewitch, reçut Ste-Catherine de 1re classe. Résidant l'hiver à Pétersbourg, où elle n'interrompit pas les brillantes réceptions organisées du vivant de son mari, elle passait l'été à Dikanka, ne faisant qu'à de rares intervalles des voyages à l'étranger: c'est au cours d'un de ces voyages qu'elle mourut à Paris, le 12 janvier 1844. Sa dépouille fut transportée à Pétersbourg et livrée à la terre au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit.

Son moral, au témoignage de Spéransky, qui connaissait de près la famille Kotchoubey, était bien en harmonie avec son extérieur charmant. „La comtesse Kotchoubey est le plus beau type moral de femme que j'aie jamais vu", dit-il d'elle en 1818 dans une lettre à sa fille. Possédant une grosse fortune, placée très haut dans la hiérarchie, elle était en même temps le type incarné de la grande dame russe. Non exempte d'une certaine ostentation, elle aimait à s'entourer à Dikanka d'une espèce de faste royal; aux offices de son église, le prêtre, après la Famille Impériale, nommait la princesse avec sa famille et ses hôtes et le prince défunt, et, aux réceptions et dîners du somptueux palais de Dikanka, tous les assistants attendaient réunis dans une des salles son entrée à la salle à manger escortée de plusieurs parasites.

La princesse Kotchoubey laissa trois fils: Léon, qui épousa Mlle C. Kotchoubey, Basile la princesse H. Bélosselsky, née Bibikoff, Michel la princesse M. Bariatinsky, et Serge madame Sophie Demidoff, née comtesse Benckendorff, et une fille Natalie, femme du comte A. Stroganoff.

(D'après une miniature de la collection P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

Князь ВИКТОРЪ ПАВЛОВИЧЪ КОЧУБЕЙ, 1768—1834, сынъ Павла Васильевича и родной сестры князя Безбородко, Ульяны Андреевны, правнукъ генеральнаго писаря В. Л. Кочубея, казненнаго Мазепой, родился 11 Ноября 1768 г.; воспитывался въ домѣ Безбородки и имъ былъ посланъ въ Женеву для окончанія образованія. Зачисленный въ Преображенскій полкъ, Кочубей не долго оставался въ военной службѣ: дядя дипломатъ предназначалъ ему дипломатическую карьеру. Въ 1784 г. онъ былъ прикомандированъ къ миссіи въ Швеціи, а 2 года спустя, пожалованъ въ камеръ-юнкеры и въ 1787 г. состоялъ въ свитѣ Императрицы во время ея путешествія въ Крымъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ причисленъ къ миссіи въ Лондонѣ, гдѣ и пробылъ 4 года, находясь подъ руководствомъ гр. С. Р. Воронцова, пока, въ 1792 г., не былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь. Какъ дипломатъ онъ держался „національной системы, основанной на пользѣ Россіи“, желалъ, чтобы „всѣ державы дорожили ея дружбой“, и боялся ея территоріальныхъ расширеній. Вступленіе на престолъ Павла I не повлекло за собой паденія Безбородки, какъ это случилось съ большинствомъ людей, пользовавшихся расположеніемъ Императрицы Екатерины, и Кочубея, сдѣланнаго членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, ожидалъ цѣлый рядъ щедрыхъ наградъ: въ 1798 г. онъ произведенъ въ дѣйств. тайн. совѣтники и 4 Апрѣля 1799 г. возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи. Но въ этомъ же году Кочубея постигла немилость: 8 Августа онъ былъ уволенъ отъ службы и удалился въ деревню. Александръ I, 23 Іюня 1801 г., назначилъ Кочубея сенаторомъ, съ приказаніемъ находиться при Государѣ и присутствовать въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; но гораздо важнѣе, что въ это время Кочубей былъ членомъ того негласнаго комитета, который былъ учрежденъ Государемъ изъ людей наиболѣе ему близкихъ и имѣлъ въ виду преобразованія государственнаго строя Россіи. Вызванный изъ Дрездена, Кочубей 27 Марта 1801 г. писалъ гр. Воронцову: „Je pars, parce que je crois devoir quelque chose à l'Empereur Alexandre; je pars, parce que je crois que tous les honnêtes gens doivent se réunir autour de lui et faire tous leurs efforts pour cicatriser les plaies infinies portées par son père à sa patrie; et après cela, voudra-t-il m'employer, je le servirai de mon mieux, et de préférence dans quelque branche de l'administration interne“. Кочубей былъ наименѣе увлекающійся изъ членовъ этого „Comité du salut public“, тѣмъ не менѣе онъ „fut frappé du peu d'ordre qui régnait encore dans tous les projets de l'Empereur“. 11 Декабря 1801 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 8 Сентября 1802 г.—министромъ Внутреннихъ дѣлъ (по 24 Ноября 1807 г.), при этомъ, Кочубей удачно привлекъ къ себѣ въ сотрудники Сперанскаго и раньше другихъ придалъ своему министерству стройную организацію. Будучи предсѣдателемъ Департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, онъ былъ 4 Ноября 1819 г. вторично назначенъ министромъ Внутреннихъ дѣлъ и 30 Августа 1821 г. получилъ Андреевскую звѣзду. Отъ должности министра уволенъ 25 Февраля 1825 г., а 19 Апрѣля 1827 г. назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, 6 Декабря 1831 г. возведенъ въ княжеское достоинство и, наконецъ, въ 1834 г. пожалованъ въ званіе канцлера по внутреннимъ дѣламъ. Умеръ въ Москвѣ скоропостижно, отъ припадка грудной жабы, 2 Іюня 1834 г.; погребенъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры. Былъ женатъ на Маріи Васильевнѣ Васильчиковой и имѣлъ 4 сыновей и 1 дочь (см. біографію княгини Кочубей).

Князь Кочубей обладалъ умомъ яснымъ и наблюдательнымъ; просвѣщенный и гуманный, онъ считалъ крѣпостное право „гигантскимъ зломъ“, но какъ государственный человѣкъ боялся „потрясеній“ и какъ опытный чиновникъ не былъ склоненъ „ослаблять порядокъ существующій“; крайне сдержанный и осторожный, онъ имѣлъ талантъ оставаться всегда немного въ отдаленіи и спокойно смотрѣть на дѣло со стороны, поэтому онъ видѣлъ „дней Александровыхъ прекрасное начало“ и оставался у власти и при Аракчеевскомъ режимѣ и въ годы Николаевской реакціи. По отзыву современника, онъ имѣлъ „опытность, быстрый и вѣрный взглядъ на вещи, отдѣляющій существо ихъ отъ разносторонностей, способность открывать въ самомъ многосложномъ дѣлѣ простыя первоначальныя его стихіи, дарованіе сравнивать, сводить, соглашать разномысліе“.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le prince VICTOR PAVLOWITCH KOTCHOUBEY, 1768—1834, fils de Paul Vassiliewitch Kotchoubey et de la sœur du prince Bezborodko, Ouliane Andréewna, et arrière-petit-fils de la victime de Mazeppa, naquit le 11 novembre 1768. Il fut élevé chez Bezborodko, qui l'envoya terminer son éducation à Genève. Enrôlé au régiment Préobragensky, il ne resta pas longtemps au service militaire: son oncle, le diplomate, le destinait à la carrière diplomatique. En 1784, il fut attaché à la mission de Suède, devint deux ans après gentilhomme de la chambre et, en 1787, fut de la Suite de l'Impératrice lors de son voyage de Crimée. L'année suivante, il fut attaché à la mission de Londres, où il resta quatre ans, sous la direction de Worontzoff, puis finit par être nommé ambassadeur extraordinaire à Constantinople. Comme diplomate, il tenait „au système national fondé sur les intérêts de la Russie", désirait que les autres puissances recherchassent son amitié, et redoutait pour elle les agrandissements territoriaux. L'arrivé de Paul Ier au pouvoir n'entraîna pas la chute de Bezborodko, comme il arriva pour la plupart de ceux qui avaient joui de la faveur de Catherine, et Kotchoubey devint membre du Collège des Affaires étrangères et reçut toute une série de généreuses récompenses: en 1798, il fut fait conseiller privé actuel et, le 4 avril 1799, élevé à la dignité de comte de l'Empire Russe. Mais la même année il tomba en disgrâce: le 8 août, il était destitué et relégué en province. Le 22 juin 1801, Alexandre Ier le fit sénateur avec mission d'être attaché à la personne de l'Empereur et de siéger au Collège des Affaires étrangères. Mais ce qui est plus important, c'est qu'en même temps, Kotchoubey était membre du comité secret que l'Empereur s'était composé d'hommes de confiance en vue de la réforme du système gouvernemental. En partant de Dresde, Kotchoubey écrivait au comte Worontzoff, le 27 mars 1801: „Je pars, parce que je crois devoir quelque chose à l'Empereur Alexandre; je pars, parce que je crois que tous les honnêtes gens doivent se réunir autour de lui et faire tous leurs efforts pour cicatriser les plaies infinies portées par son père à la patrie; et après cela, voudra-t-il m'employer, je le servirai de mon mieux, et de préférence dans quelque branche de l'administration interne". Kotchoubey était le moins enthousiaste de tous les membres de ce „Comité de Salut Public", et pourtant „il fut frappé du peu d'ordre qui régnait encore dans tous les projets de l'Empereur". Le 11 décembre 1801, il fut nommé membre du Conseil de l'Empire et, le 8 septembre 1802, ministre de l'Intérieur (jusqu'au 24 novembre 1807); il eut la bonne idée de prendre Spéransky pour collaborateur, et ce fut son ministère qui reçut le premier une organisation régulière. Président du Département des Affaires civiles et ecclésiastiques, il fut, le 4 novembre 1819, nommé pour la seconde fois ministre de l'Intérieur et, le 30 août 1821, reçut l'étoile de St-André. Il fut relevé de ses fonctions de ministre le 25 février 1825 et, le 19 avril 1827, nommé président du Conseil de l'Empire. Elevé, le 6 décembre 1831, à la dignité de prince, il reçut, en 1834, le titre de chancelier pour les affaires intérieures. Il mourut à Moscou, d'une angine de poitrine, le 2 juin 1834, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église du Saint-Esprit. Il avait épousé Marie Vassiliewna Vassiltchikoff, dont il eut quatre fils et une fille (v. la biographie de la princesse Kotchoubey).

Le prince Kotchoubey avait l'esprit net et observateur; éclairé et humain, il considérait le servage comme „un mal gigantesque", mais, comme homme d'Etat, il redoutait „les secousses" et, comme administrateur d'expérience, ne tenait pas à „relâcher l'ordre de choses existant"; d'une retenue et d'une prudence extrêmes, il avait le talent de se tenir toujours un peu à distance et de regarder tranquillement les choses de côté: c'est ainsi qu'il entrevit „l'aurore des beaux jours d'Alexandre", et c'est ainsi qu'il ne souffrit ni du régime d'Araktchéeff, ni de la réaction de l'époque de Nicolas. Au témoignage d'un contemporain, il avait „de l'expérience, une vue prompte et sûre des choses, le talent d'en dégager l'essentiel des circonstances accessoires, l'habileté de découvrir dans l'affaire la plus compliquée des éléments primitifs simples, la faculté de comparer, de résumer, de résoudre les divergences".

(D'après une aquarelle de Sokoloff, propriété du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

149

Княгиня Марія Васильевна *La Princesse Marie Vassilievna*
Кочубей, *Kotchoubey,*
1779 — 1844 *1779 — 1844*

150

Князь Викторъ Павловичъ *Le Prince Victor Pavlowitch*
Кочубей, *Kotchoubey,*
1768 — 1834 *1768 — 1834*

Князь БОРИСЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КУРАКИНЪ, 1784—1850, сынъ генералъ-прокурора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Алексѣя Борисовича отъ брака съ Наталіей Ивановной Головиной, крестникъ Императрицы Екатерины II, родился 13 Сентября 1784 года. Съ семи лѣтъ воспитаніе его было поручено нѣмцу профессору Брюкнеру, „ученѣйшему и честнѣйшему человѣку, но поклоннику французскихъ революціонныхъ идей". Впрочемъ, учитель скрывалъ свое вольнодумство отъ воспитанника и только впослѣдствіи сталъ допускать молодого князя присутствовать при своихъ бесѣдахъ со Сперанскимъ, въ которомъ Брюкнеръ нашелъ единомышленника. Этотъ послѣдній также имѣлъ значеніе въ жизни Куракина; онъ преподавалъ ему одно время Законъ Божій и сумѣлъ заслужить расположеніе князя, который навсегда сохранилъ со Сперанскимъ дружескія отношенія: князь Куракинъ былъ большимъ его почитателемъ и часто пользовался его совѣтами въ дѣлахъ. Въ 1799 г., 15-и лѣтъ, кн. Куракинъ былъ записанъ юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, а 20-и лѣтъ пожалованъ въ камергеры. Въ 1809 г. посланъ для обозрѣнія приволжскихъ губерній, а въ 1810 г. состоялъ при посольствѣ отца, кн. А. Б. Куракина, посланнаго въ Парижъ съ поздравленіемъ къ Наполеону по случаю его бракосочетанія съ Маріей-Луизой. По возвращеніи въ Россію, цѣлыхъ 11 лѣтъ состоялъ при Министерствѣ Финансовъ, не получая повышенія, пока ему не удалось довести до свѣдѣнія Государя о неблаговоленіи къ нему ближайшаго начальства, при этомъ самъ кн. Куракинъ думалъ, что причиной неудовольствія на него Императора Александра I были какія-то женскія сплетни. 13 Января 1822 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ съ чиномъ тайнаго совѣтника. Особенная самостоятельность, нерѣдко рѣзкость сужденій, прямота и твердость убѣжденій, честность и неподкупность, полное безпристрастіе въ рѣшеніи дѣлъ, качества, которыми онъ напоминалъ своего дѣда, гр. П. И. Панина, снискали ему благоволеніе Александра I. Въ 1827 г. кн. Куракину была поручена ревизія Западной Сибири, и Комитетъ министровъ назвалъ эту ревизію, по ея результатамъ, „безпримѣрной". Въ 1833 г. онъ навсегда оставилъ службу и до конца своихъ дней жилъ частнымъ человѣкомъ. Какъ единственный въ то время представитель рода князей Куракиныхъ, онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ все громадное Куракинское состояніе. Любимыми его имѣніями были с. Куракино, Орловской губерніи, и с. Степановское — Тверской; онъ не жалѣлъ средствъ на ихъ украшеніе, и остатки былой роскоши и причудъ князя сохранились тамъ еще и теперь. Въ с. Степановскомъ, невдалекѣ отъ дома, который представлялъ собой настоящій музей всякихъ художественныхъ рѣдкостей, онъ „выстроилъ цѣлый городокъ съ театромъ, каланчой, обелисками, шлагбаумами, съ громкими названіями улицъ и проспектовъ, и поселилъ въ немъ дворовыхъ; тамъ были вывѣски портныхъ, парикмахеровъ, булочныхъ, разныхъ магазиновъ и т. п.". Въ с. Надеждинѣ, другомъ историческомъ имѣніи князей Куракиныхъ, въ одной изъ комнатъ, находятся „живописные виды этого карточнаго городка, затѣйливой игрушки знатнаго барина".

Князь Куракинъ въ 1808 г. женился въ Вѣнѣ на княжнѣ Елизаветѣ Борисовнѣ Голицыной (р. 1790 г., † 1871 г.), родной сестрѣ извѣстной своимъ благочестіемъ и благотворительностью Татьяны Борисовны Потемкиной. Бракъ былъ не совсѣмъ удаченъ: съ пламенной душой, княгиня отличалась религіозной экзальтаціей, скоро перешла въ католичество и умерла въ умопомѣшательствѣ. Отъ этого брака у князя Куракина было 2 сына — Алексѣй (р. 1809 г., † 1872 г.) и Александръ (р. 1811 г., † 1870 г.), и дочь Татьяна († 1857 г.; въ 1 бракѣ за ген.-майоромъ Лешерномъ-фонъ-Герцфельдтъ, во 2—за лейтенантомъ Савинскимъ).

Князь Б. А. Куракинъ умеръ 2 Октября 1850 г. въ Харьковѣ и погребенъ въ Святогорскомъ монастырѣ, Харьковской губерніи.

(Съ миніатюры изъ собранія князя Б. А. Куракина.)

Le prince BORIS ALEXÉEWITCH KOURAKINE, 1784—1850, fils du procureur général, conseiller privé actuel prince Alexis Borissowitch Kourakine et de Natalie Ivanowna, née Golovine, naquit le 13 septembre 1784 et eut pour marraine l'Impératrice Catherine. Il avait 7 ans quand son éducation fut confiée aux soins du professeur allemand Brückner, „homme d'un grand savoir et d'une parfaite honorabilité, mais converti aux idées révolutionnaires françaises". Du reste, Brückner cachait ses idées de libre examen à son élève, et ce ne fut que dans la suite qu'il laissa le jeune prince assister à ses entretiens avec Spéransky, dans lequel il avait trouvé un coreligionnaire. Celui-ci tint également une place dans la vie de Kourakine; il lui avait enseigné pendant un certain temps l'instruction religieuse et avait su se concilier sa faveur: il resta toujours avec lui en relations d'amitié et trouva en lui un grand admirateur, qui eut souvent recours à ses conseils. En 1799, à l'âge de 15 ans, le prince fut inscrit comme aspirant au Collège des Affaires étrangères et, à 20 ans, fait chambellan. En 1809, il alla inspecter les gouvernements du Volga et, en 1810, fit partie de la mission dirigée par son père, le prince A. Kourakine, et chargée de féliciter Napoléon à l'occasion de son mariage avec Marie-Louise. A son retour en Russie, il ne resta pas moins de onze ans au ministère des Finances sans recevoir d'avancement: il finit par réussir à se plaindre à l'Empereur de la malveillance que lui témoignaient ses supérieurs immédiats; lui-même croyait que le mécontentement d'Alexandre était dû à des commérages de femmes. Le 13 janvier 1822, il fut nommé sénateur avec rang de conseiller privé. L'indépendance toute particulière et parfois la dureté de ses jugements, la droiture et la fermeté de ses convictions, son honorabilité et son incorruptibilité, la parfaite impartialité de ses décisions, qualités par lesquelles il rappelait son grand-père, le comte P. Panine, lui conquirent la faveur d'Alexandre. En 1827, il se vit confier en Sibérie Occidentale une revision, dont le Comité des ministres jugea les résultats „sans précédents". Il se retira définitivement du service en 1833, et resta dès lors dans la vie privée. Comme unique représentant à cette époque des princes Kourakine, il réunissait dans ses mains toute l'immense fortune de la famille. Ses propriétés préférées étaient Kourakino, dans le gouvernement d'Orel, et Stépanowskoïé, dans celui de Tver. Il ne ménageait rien pour leur embellissement, et les traces de la splendeur de jadis et des caprices du maître sont encore visibles aujourd'hui. A Stépanowskoïé, près de la maison, qui était un véritable musée de curiosités artistiques de toute espèce, „il avait construit toute une ville, avec théâtre, beffroi, obélisques, barrières, avec des noms sonores de rues et de boulevards, et il la faisait habiter par ses gens; on y voyait des enseignes de tailleurs, de coiffeurs, de boulangers, de toute espèce de professions". Il y a à Nadejdino, une autre résidence historique des princes Kourakine, une pièce qui renferme „des vues pittoresques de cette ville de cartes, création fantaisiste du noble seigneur".

Le prince Kourakine épousa, en 1808, à Vienne, la princesse Elisabeth Borissowna Golitzyne (1790—1871), sœur de la princesse Tatiana Potemkine, connue pour sa piété et sa bienfaisance. Le mariage ne fut pas heureux: âme ardente, la princesse avait de l'exaltation religieuse, ne tarda pas à se convertir au catholicisme et mourut folle. De ce mariage, le prince Kourakine eut deux fils, Alexis (1809—1872) et Alexandre (1811—1870), et une fille, Tatiana († 1857), qui épousa en premières noces le général major Leschern von Hertzfeldt et en secondes noces le lieutenant Savinsky.

Le prince Kourakine mourut, le 2 octobre 1850, à Kharkoff et fut inhumé au monastère de Sviatogorsk, gouvernement de Kharkoff.

(D'après une miniature des collections du prince B. Kourakine.)

Князь ВЛАДИМІРЪ ПЕТРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1773 — 1817, старшій сынъ генерала-отъ-инфантеріи князя Петра Петровича отъ брака съ Анастасіей Симоновной Лаптевой, родился 19 Апрѣля 1773 года; записанный съ дѣтства въ военную службу, 17-и лѣтъ онъ былъ уже подполковникомъ въ Александрійскомъ легко-конномъ полку, изъ котораго переведенъ въ Смоленскій драгунскій. Съ этимъ полкомъ участвовалъ въ походѣ Потемкина противъ турокъ, при чемъ былъ при взятіи Аккермана и Бендеръ; въ 1794 г. сражался въ Польшѣ, въ 1796 г. въ корпусѣ графа Валеріана Зубова, участвовалъ въ Персидскомъ походѣ; 23 Ноября 1798 г. произведенъ былъ Павломъ I въ генералъ-майоры, съ зачисленіемъ въ свиту и пожалованіемъ Мальтійскаго ордена, а 22 Марта 1799 г. назначенъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса. 9 Августа того же года онъ былъ отчисленъ и отправленъ въ корпусъ Римскаго-Корсакова, дѣйствовавшій въ Швейцаріи, гдѣ и участвовалъ въ несчастномъ Цюрихскомъ сраженіи и въ дѣлѣ при деревнѣ Шлатъ. 10 Декабря 1799 г. назначенъ членомъ Военной Коллегіи, послѣ чего 2 раза былъ отставляемъ и вновь принимаемъ на службу. Съ воцареніемъ Александра I, 16 Марта 1801 г., онъ былъ снова принятъ на службу и вскорѣ назначенъ шефомъ Кинбурнскаго драгунскаго полка. Въ 1805 г. князь Долгорукій участвовалъ въ Моравской кампаніи, но прибылъ только наканунѣ Аустерлица, а въ 1806 — 1807 гг., командуя Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ, находился въ составѣ Молдавской арміи, участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ и взялъ городъ Галацъ. Придунайскій климатъ разстроилъ окончательно здоровье князя, и 11 Февраля 1808 г. онъ былъ уволенъ въ отставку. Остальные годы жизни онъ провелъ въ кругу семейства, женившись въ 1812 г. на Варварѣ Ивановнѣ Пашковой (род. 20 Февраля 1793 г.), и большею частью жилъ въ имѣніи, селѣ Спѣшневѣ, близъ города Черни, Тульской губерніи. Послѣ четырехъ лѣтъ полнаго счастья онъ лишился жены, умершей отъ родовъ 27 Декабря 1816 г., оставивъ ему одного сына, Петра (род. 27 Декабря 1816 г.), будущаго извѣстнаго русскаго генеалога и эмигранта, получившаго прозвище „Bancal“. Князь пережилъ жену всего на одинъ годъ и умеръ 27 Ноября 1817 года, въ Москвѣ, гдѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ супругой.

Князь В. П. Долгорукій былъ, по словамъ современниковъ, прекрасной души человѣкъ, но не имѣлъ ни блестящихъ качествъ своихъ младшихъ братьевъ, ни ихъ счастья. Суворовъ благоволилъ къ князю, но его военнымъ дарованіямъ не суждено было развернуться.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince VLADIMIR PÉTROWITCH DOLGOROUKY, 1773—1817, fils aîné du prince Pierre Pétrowitch Dolgorouky, général d'infanterie et d'Anastasie Simonowna, née Lapteff, naquit le 19 avril 1773. Enrôlé tout enfant au service militaire, il était dès l'âge de 17 ans lieutenant-colonel au régiment de cavalerie légère d'Alexandrie, d'où il permuta aux dragons de Smolensk. A la tête de ce régiment, il fit avec Potemkine campagne contre les Turcs, et fut à la prise d'Akkermann et de Bender; en 1794, il se battit en Pologne; en 1796, fit avec le corps du comte Valérien Zouboff l'expédition de Perse; le 23 novembre 1798, il fut promu par Paul Ier général major, inscrit dans la Suite, gratifié de l'Ordre de Malte, puis, le 22 mars 1799, nommé chef du corps des Chevaliers-Gardes. Le 9 août de la même année, il permuta et fut envoyé au corps de Rimsky-Korsakoff, qui opérait en Suisse et avec lequel il prit part à la malheureuse bataille de Zurich et à l'affaire du village de Schlatt. Le 10 décembre 1799, il fut nommé membre du Collège Militaire, après quoi il fut par deux fois rayé des cadres, puis réintégré. A l'avènement d'Alexandre Ier, le 16 mars 1801, il reprit du service et fut bientôt nommé chef du régiment de dragons de Kinburn. En 1805, le prince Dolgorouky prit part à la campagne de Moravie, mais n'arriva que la veille d'Austerlitz, et, en 1806—1807, à la tête des dragons de Kharkoff à l'armée de Moldavie, il fut à plusieurs affaires et prit Galatz. Le climat du Danube ruina définitivement sa santé, et, le 11 février 1808, il fut mis à la retraite. Le reste de sa vie se passa dans les joies de la famille: il épousa en 1812 Varvara Ivanowna Pachkoff (née le 20 février 1793), et resta presque à demeure dans ses propriétés de Spechneff, près de Tchern, gouv. de Toula. Au bout de quatre ans d'un parfait bonheur, il perdit sa femme, morte le 27 décembre 1816 en donnant le jour à un fils, Pierre, le futur généalogue russe et émigrant bien connu, qui reçut le sobriquet de „Bancal". Le prince ne survécut qu'un an à sa femme, et mourut le 27 novembre 1817, à Moscou, où il fut inhumé au monastère Novodévitchy, à côté d'elle.

Le prince Dolgorouky fut, au témoignage des contemporains, une belle âme, mais sans avoir ni les brillantes qualités de ses frères cadets, ni leur chance. Il fut honoré de la faveur de Souvoroff, mais il ne lui fut pas réservé de déployer ses talents militaires.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1780—1808, младшій братъ князя Владиміра, родился 19 Ноября 1780 г.; 15 лѣтъ, послѣ хорошаго домашняго образованія, началъ службу 1 Января 1795 г. ротмистромъ въ Павлоградскомъ легко-конномъ полку, въ слѣдующемъ году, подъ командой старшаго брата, участвовалъ въ Персидскомъ походѣ, по возвращеніи откуда переведенъ капитаномъ въ Московскій гарнизонный Архарова полкъ, 5 Іюля 1798 г. произведенъ въ майоры и 23 Января слѣдующаго года опредѣленъ капраломъ въ Кавалергардскій корпусъ; затѣмъ, въ 1800 г. переведенъ въ Преображенскій полкъ, зачисленъ въ свиту и произведенъ въ полковники. Въ этомъ же году, 19-лѣтній полковникъ, сопровождая генерала гр. Сиренгпортена, назначеннаго комиссаромъ по размѣну плѣнныхъ, побывалъ въ Парижѣ, который произвелъ на него громадное впечатлѣніе. Обширныя, разнообразныя и основательныя свѣдѣнія кн. Долгорукаго, одаренпаго отъ природы пылкимъ воображеніемъ и быстро схватывающимъ умомъ, пріобрѣли ему скоро любовь парижанъ и даже Парижскихъ ученыхъ, которыхъ онъ усердно посѣщалъ. Наружная красота князя, его любезность, его острый умъ доставили ему также самый лестный пріемъ со стороны женщинъ. Женщины эти были: Жозефина Бонапартъ, Каролина Мюратъ, Полина Леклеркъ, г-жа Сталь, Рекамье, и т. п. Самъ Наполеонъ оказывалъ ему большое вниманіе, нерѣдко съ нимъ бесѣдовалъ и передъ его отъѣздомъ подарилъ ему пару пистолетовъ. Съ сожалѣніемъ покинувъ Парижъ, по возвращеніи въ Россію, 6 Апрѣля 1801 г. Долгорукій былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а затѣмъ отпущенъ путешествовать за границу для окончанія образованія. Незадолго до Аустерлица князь былъ посланъ въ Берлинъ съ дипломатическимъ порученіемъ, а въ день боя при Аустерлицѣ былъ раненъ пулей въ грудь на вылетъ и награжденъ золотой шпагой и орд. св. Георгія 4 ст.; въ 1806 г. получилъ св. Владиміра 3 ст. за Пултускъ. Въ 1807 г. ему удалось выказать свои военныя способности въ дѣлѣ при Морунгенѣ, гдѣ, командуя Курляндскимъ драг. полкомъ, въ тылу французскаго корпуса, онъ ворвался въ городъ и истребилъ обозы непріятеля: „Отъ каретъ и верховыхъ лошадей до послѣдней рубашки Бернадота, все досталось въ добычу предпріимчивымъ исполнителямъ этого подвига“, говоритъ Денисъ Давыдовъ, а Бенпигсенъ пишетъ: „Этотъ ловкій набѣгъ былъ сдѣланъ съ такою же храбростью, какъ и осторожностью“... Тѣ же качества онъ выказалъ и при лихомъ занятіи Пассенгейма. За Прейсишъ-Эйлау Долгорукій получилъ св. Георгія 3 ст., 9 Апрѣля 1807 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты и за Гейльсбергъ награжденъ орд. св. Анны 1 ст. Въ 1808 г., во время войны со Швеціей, онъ назначенъ былъ въ дѣйствующія въ Финляндіи войска начальникомъ Сердобольскаго отряда въ корпусѣ И. А. Тучкова. Здѣсь, въ бою при Иденсальми, 15 Октября, князь Долгорукій погибъ геройской смертью. Съ трубкой въ зубахъ, съ зрительной трубой въ рукѣ, въ разстегнутомъ сюртукѣ, съ Георгіемъ на шеѣ, шелъ онъ впереди Навагинскаго и Тенгинскаго полковъ на шведскія укрѣпленія, когда былъ пораженъ на смерть ядромъ, пробившимъ насквозь его туловище. Тѣло князя М. П. Долгорукаго было привезено въ Петербургъ и предано землѣ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

Отличаясь замѣчательными способностями и быстрымъ соображеніемъ, получивъ хорошее воспитаніе, онъ не переставалъ до самой смерти продолжать свое образованіе. Въ донесеніяхъ его Государю всюду видна ясность изложенія, точное исполненіе порученія и интересъ къ дѣлу. Отзывы современниковъ почти единогласно свидѣтельствуютъ о его военныхъ талантахъ. Онъ самъ считалъ страсть къ войнѣ — своей „сильнѣйшей страстью“. „Этотъ молодой человѣкъ“, пишетъ Бенпигсенъ, „имѣлъ всѣ качества, необходимыя для военнаго человѣка. При непрерывныхъ занятіяхъ военными науками, онъ обладалъ большимъ умомъ, здравымъ сужденіемъ, обдуманною разсудительностью, положительнымъ, установившимся характеромъ. Онъ былъ серіозенъ при необходимости, веселъ и оживленъ, когда нужно было ободрять и воодушевлять; онъ былъ предпріимчивъ, но съ осторожностью, и храбръ безъ слишкомъ большой отваги“.

Князь Долгорукій умеръ холостымъ. Обладая пріятной наружностью, онъ пользовался успѣхомъ у женщинъ. Знаменитая красавица, княгиня Евдокія Ивановна Голицына („prіncesse Nocturne“), была влюблена въ него, но не могла получить отъ мужа развода; Великая Княжна Екатерина Павловна, по преданію, также питала любовь къ молодому князю, и онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince MICHEL PETROWITCH DOLGOROUKY, 1780—1808, frère cadet du prince Vladimir, naquit le 19 novembre 1780. A l'âge de 15 ans, après une bonne éducation reçue à la maison paternelle, il débuta au service le 1er janvier 1795 comme capitaine de cavalerie au régiment de cavalerie légère Pavlogradsky, et, l'année suivante, fit sous le commandement de son frère aîné la campagne de Perse. A son retour il passa capitaine au régiment Arkharoff à Moscou, puis, le 5 juillet 1798, major, et, le 23 janvier suivant, fut nommé caporal au corps des Chevaliers-Gardes; en 1800, il passa au régiment Préobragensky, fut attaché à la Suite et promu colonel. L'année suivante, colonel de 19 ans, il alla à Paris avec le général comte Sprengporten nommé commissaire pour l'échange des prisonniers, et cette ville fit sur lui une profonde impression. La variété et l'étendue de ses connaissances, la fougue de son imagination et la promptitude de son intelligence eurent vite fait de lui conquérir les sympathies des Parisiens, sans en excepter même les savants qu'il fréquentait assidûment. Son physique avantageux, son amabilité, son esprit, lui valurent également près des femmes, Joséphine Bonaparte, Caroline Murat, Pauline Leclerc, Mme de Staël, Récamier, etc., l'accueil le plus flatteur. Napoléon lui-même l'honorait de toute son attention, causait souvent avec lui et, à son départ, lui fit cadeau d'une paire de pistolets. Il ne quitta Paris qu'à regret, et, de retour en Russie, fut nommé le 6 avril 1801 aide de camp de S. M., puis envoyé en congé à l'étranger pour compléter son instruction. Peu avant Austerlitz, il fut chargé d'une mission diplomatique à Berlin, et à la bataille eut la poitrine traversée par une balle, ce qui lui valut une épée d'or et St-Georges de 4e classe. En 1806, après Poultousk, il reçut St-Vladimir de 3e classe. En 1807, il manifesta ses talents militaires à l'affaire de Mohrungen, où, à la tête des dragons de Courlande, sur les derrières de l'armée française, il pénétra dans la ville et anéantit les transports ennemis: „Depuis les voitures et les chevaux de selle jusqu'à la dernière chemise de Bernadotte, tout est resté aux mains des hardis auteurs de cet exploit", dit Denis Davydoff, et Bennigsen écrit: „Cet habile coup de main a été exécuté avec autant de bravoure que de prudence". Il fit preuve des mêmes qualités au brillant fait d'armes de l'occupation de Passenheim. Preussisch-Eylau lui valut St-Georges de 3e classe, et, le 9 avril 1807, le grade de général aide de camp, et Heilsberg Ste-Anne de 1re classe. En 1808, lors de la guerre de Suède, il fut envoyé en Finlande comme commandant du détachement de Serdobol, au corps de Toutchkoff. Là, à la bataille d'Idensalmi, le 15 octobre, le prince Dolgorouky périt d'une mort héroïque. La pipe à la bouche, la lorgnette à la main, la tunique ouverte, St-Georges sur la poitrine, il entraînait ses régiments à l'assaut des remparts suédois, quand il fut frappé à mort par un boulet qui lui traversa le corps. Sa dépouille fut transportée à Pétersbourg et livrée à la terre au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église de l'Annonciation.

Le prince Dolgorouky se distinguait par ses facultés remarquables et son esprit prompt; avec la bonne éducation qu'il avait reçue, il ne cessa jusqu'à sa mort de développer son instruction; ses rapports à l'Empereur frappent par la clarté de l'exposition, la ponctualité et l'intérêt à s'acquitter de sa mission. Les contemporains rendent un hommage presque unanime à ses talents militaires. Lui-même disait que sa passion pour la guerre était „la plus violente de ses passions". „Ce jeune homme", écrit Bennigsen, „possède toutes les qualités indispensables à l'homme de guerre. Dans ses travaux militaires incessants, il a fait preuve d'intelligence, de bon sens, d'un jugement sûr, d'un caractère positif et rassis. Il était sérieux quand c'était nécessaire, gai et animé quand il fallait animer et entraîner les autres, entreprenant, mais avec prudence, et brave sans excessive témérité".

Le prince Dolgorouky mourut célibataire. Son physique agréable lui valut des succès auprès des femmes. La princesse Eudoxie Ivanowna Golitzyne, la fameuse beauté appelée „Princesse Nocturne", fut amoureuse de lui, mais ne put obtenir le divorce de son mari. La Grande-Duchesse Catherine Pavlowna eut, dit-on, aussi pour lui une passion qui fut partagée.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

(25 портретов)

Князь **ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 1777—1806, братъ князя Владиміра Петровича, родился 19 Декабря 1777 г. и получилъ подъ руководствомъ заботливой матери хорошее воспитаніе. На 20-мъ году онъ былъ уже полковникомъ, но, недовольный службой въ Архаровскомъ гарнизонномъ полку, просилъ о переводѣ. Второе прошеніе его объ этомъ было ему возвращено „съ наддраніемъ“ и запрещеніемъ безпокоить Государя. Въ 1798 г., произведенный въ генералъ-майоры, онъ назначенъ былъ Смоленскимъ комендантомъ, а 23 Декабря того же года пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Сблизившись съ Наслѣдникомъ, Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, Долгорукій заслужилъ своимъ смѣлымъ и прямымъ характеромъ расположеніе и самого Императора Павла. По вступленіи на престолъ Александра I онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ Государю, хотя не только не примкнулъ къ „тріумвирату“, но сдѣлался его противникомъ, въ особенности иностранной политики и польскихъ симпатій князя Адама Чарторыжскаго. Долгорукій былъ сторонникомъ воинственной политики и однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ подготовкѣ войны съ Наполеономъ: онъ 2 раза былъ посланъ въ Пруссію для переговоровъ о союзѣ и подготовилъ Мемельское свиданіе. Забывъ о его молодости и заносчивости, Императоръ Александръ передъ Аустерлицемъ послалъ князя Долгорукаго къ Наполеону; Долгорукій держался гордо и дерзко съ императоромъ французовъ и отвергъ всѣ его предложенія, такъ что впослѣдствіи Наполеонъ выразился, что „un freluquet impertinent ce polisson de-Dolgorouky“ говорилъ съ нимъ, какъ съ боярщомъ, котораго собираются сослать въ Сибирь. Мнѣніе Долгорукаго, увѣреннаго въ побѣдѣ союзниковъ надъ французами, одержало верхъ надъ совѣтами осторожнаго Кутузова, и результатомъ было несчастное сраженіе при Аустерлицѣ. Во время этого боя онъ выказалъ личную храбрость и военныя способности и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 кл. и золотымъ оружіемъ. Послѣ Аустерлица многіе винили Долгорукаго за его поведеніе предъ сраженіемъ, а австрійскія газеты прямо его называли виновникомъ пораженія, что онъ печатно опровергалъ. Веденные затѣмъ имъ переговоры въ Берлинѣ свидѣтельствуютъ о его дипломатическихъ способностяхъ. Въ 1806 г. Долгорукій былъ посланъ осмотрѣть армію Михельсона, отправленную въ Турцію, но скоро былъ возвращенъ. Повидимому, отношеніе къ нему Императора измѣнилось. Долгорукій вернулся больной, и болѣзнь еще болѣе усилилась послѣ первой аудіенціи; 8 Декабря 1806 г. онъ скончался. Погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

Дѣятельность Долгорукаго была кратковременна, но его нельзя не признать однимъ изъ выдающихся дѣятелей начала царствованія Александра I. Современники, согласно свидѣтельствуя о его живомъ и проницательномъ умѣ, благородномъ и сильномъ характерѣ, расходятся въ оцѣнкѣ его дѣятельности, и нѣкоторые считаютъ ее вредной, но, какъ бы то ни было, его памѣренія всегда были чисты и безкорыстны, и нельзя не извинить ему многаго его молодостью. Ему вредили излишняя самонадѣянность и большое честолюбіе; слишкомъ еще неопытный, онъ считалъ унизительнымъ для себя слушаться чьихъ-либо совѣтовъ. Однако, даже люди къ нему нерасположенные находили, что съ теченіемъ времени изъ него могъ бы выйти полезный государственный дѣятель. Долгорукій былъ высокаго роста, строенъ, красивъ, въ обществѣ онъ былъ веселъ, любезенъ и остроуменъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

Le prince **PIERRE PÉTROWITCH DOLGOROUKY**, 1777—1806, frère du prince Vladimir, naquit le 19 décembre 1777 et reçut sous la direction de sa mère une éducation soignée. Avant 20 ans, il était déjà colonel, mais, mécontent de son service au régiment Arkharoff, il demanda à permuter. Une seconde demande du même genre lui fut retournée „avec un cran" et avec défense de déranger l'Empereur. Promu en 1798 général major, il fut nommé commandant de Smolensk et, le 23 décembre de la même année, fait général aide de camp. Il se lia avec le Grand-Duc Héritier Alexandre Pavlowitch, et, grâce à sa hardiesse et à sa rectitude de caractère, se concilia jusqu'à la faveur de l'Empereur même. A l'avènement d'Alexandre Ier, il devint un des plus intimes du nouveau Souverain, et cela non seulement sans adhérer au „triumvirat", mais encore en se déclarant contre lui, et en particulier contre la politique étrangère et les sympathies polonaises du prince Adam Czartorysky. Partisan de la guerre, il fut un des plus actifs à la préparer contre Napoléon: deux fois il fut envoyé en Prusse négocier une alliance et organisa l'entrevue de Memel. Sans tenir compte de sa jeunesse et de son caractère hautain, l'Empereur Alexandre l'avait envoyé à Napoléon la veille d'Austerlitz; il eut là une attitude orgueilleuse et impertinente, et rejeta toutes les propositions de Napoléon, qui se plaignit ensuite de ce que „un freluquet impertinent, ce polisson de Dolgorouky" lui avait parlé comme à un boyard qu'on va déporter en Sibérie. L'avis de Dolgorouky, confiant dans la victoire des Alliés sur les Français, l'emporta sur les prudents conseils de Koutouzoff, et le résultat fut la malheureuse bataille d'Austerlitz. La bravoure personnelle et les talents militaires qu'il déploya sur le champ de bataille lui valurent l'ordre de St-Georges de 3e classe et une épée d'or. Après Austerlitz, on lui reprocha beaucoup son attitude, et les journaux autrichiens allèrent jusqu'à le rendre responsable de la défaite: il se défendit dans les journaux. Les négociations qu'il engagea ensuite à Berlin témoignent de ses capacités diplomatiques. En 1806, Dolgorouky fut chargé d'inspecter l'armée de Michelson expédiée en Turquie, mais ne tarda pas à être rappelé. Sans doute, l'Empereur avait changé à son égard. Il rentra malade, et son mal empira encore à la suite de sa première audience; le 8 décembre 1806, il mourait. Il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église de l'Annonciation.

La carrière de Dolgorouky fut courte, mais il est difficile de ne pas voir en lui un des hommes les plus éminents du commencement du règne d'Alexandre. Les contemporains, unanimes à reconnaître son esprit vif et pénétrant, sa noblesse et sa force de caractère, ne sont plus d'accord sur l'appréciation de son œuvre: il en est qui la trouvent nuisible; quoi qu'il en soit, ses intentions furent toujours pures et désintéressées, et sa jeunesse permet de lui passer bien des choses. Il avait contre lui une excessive présomption et un amour-propre exagéré; tout inexpérimenté qu'il était, il considérait comme humiliant de suivre les conseils de qui que ce soit. Pourtant, ceux mêmes qui ne l'aimaient pas trouvaient qu'il aurait pu faire avec le temps un homme d'Etat utile à son pays. Dolgorouky était grand, élégant, bel homme; en société, il était gai, aimable et spirituel.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

151

Князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ, 1784 — 1850

Le Prince Boris Alexéewitch Kourakine, 1784 — 1850

152

Князь Владиміръ Петровичъ Долгорукій, 1773 — 1817

Le Prince Vladimir Pétrowitch Dolgorouky, 1773 — 1817

153

Князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій, 1780 — 1808

Le Prince Michel Pétrowitch Dolgorouky, 1780 — 1808

154

Князь Петръ Петровичъ Долгорукій, 1777 — 1806

Le Prince Pierre Pétrowitch Dolgorouky, 1777 — 1806

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМІРОВНА АПРАКСИНА, 1768—1854, старшая дочь бригадира князя Владиміра Борисовича Голицына отъ брака съ графиней Наталіей Петровной Чернышевой, знаменитой „la princesse moustache“, сестра извѣстнаго Московскаго генералъ-губернатора князя Дмитрія Владиміровича Голицына, родилась 30 Мая 1768 года. Двадцати пяти лѣтъ, 13 Іюля 1793 г., она вышла замужъ за двоюроднаго брата своей матери, и своего двоюроднаго дядю, 29-лѣтняго генерала и богача Степана Степановича Апраксина, „преотмѣннаго ферлакура“, цинника, извѣстнаго покорителя женскихъ сердецъ, только-что передъ тѣмъ увлекшаго княгиню Наталію Петровну Куракину до того, что она бросила для него своего мужа... „Первый красавецъ своего времени“, говоритъ князь И. М. Долгорукій въ своемъ „Капищѣ сердца“, „Апраксинъ, измѣня ей, влюбился въ красоту лица княжны Голицыной, выѣхавшей изъ Парижа, опутанъ ей, и обвѣнчался“. И княжна Голицына была, дѣйствительно, хороша: небольшого роста, очень статная и стройная, съ прекраснымъ профилемъ и рѣзкими чертами, съ суровымъ выраженіемъ большихъ темныхъ глазъ, она имѣла всегда, даже въ моменты „веселости и смѣха“, видъ разгнѣванной богини, и прозвана была въ Парижѣ „la Vénus en courroux“. Бракъ вышелъ счастливый, супруги жили открыто въ Москвѣ и принимали многочисленныхъ гостей у себя въ знаменитомъ въ началѣ прошедшаго столѣтія Ольговѣ. Вся чиновная и родовитая Москва стремилась на единственные въ то время по роскоши вечера, балы и спектакли Апраксиныхъ, которые удостоивалъ посѣщеніемъ дворъ, но Москва не долюбливала и сплетничала о чопорномъ, недалекомъ хозяинѣ и побаивалась умной, но суровой хозяйки. „Апраксина одѣвалась всегда хорошо и къ лицу, и болѣе всего старалась нравиться мужу, у котораго на совѣсти было не мало грѣшковъ противъ жены; она это знала, но никогда не подавала виду... Вообще нельзя не подивиться, какъ она умѣла владѣть собой, и какъ она всегда была одинаково хороша съ мужемъ. Чувствуя всю добродѣтель жены, С. С. Апраксинъ ее очень уважалъ и, отдавая полную ей справедливость, выстроилъ у себя въ Ольговѣ, въ саду бесѣдку, на подобіе древняго храма, и посреди на высокомъ пьедесталѣ поставилъ мраморную статую жены, а надъ входомъ въ храмъ золотыми словами была надпись: „Hommage à la Vertu“. По прежней привычкѣ, въ началѣ XIX вѣка, она продолжала густо румяниться, хотя употребленіе румянъ стало уже тогда выходить изъ моды. Фрейлина Екатерины II, въ 1804 г. она пожалована въ кавалерственныя дамы, а въ 1827 г., вскорѣ послѣ потери мужа, въ статсъ-дамы и въ 1841 г. назначена гофмейстершой двора Великой Княгини Елены Павловны.

Отъ брака съ С. С. Апраксинымъ у нея были дѣти: Владиміръ (р. 1796 г., † 1833 г.), Наталія (р. 1794 г., † 1890 г.; за княземъ Голицынымъ) и Софія († 1885 г.; за княземъ Щербатовымъ; извѣстная Московская благотворительница). Е. В. Апраксина скончалась въ Петербургѣ, 14 Марта 1854 года. По отзыву своей современницы, она „была примѣрная и почтительная дочь, вѣрная и добродѣтельная жена и заботливая и хорошая мать“.

(Съ портрета Виже-Лебренъ 1797 г.; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

155

CATHERINE VLADIMIROWNA APRAXINE, 1768—1854, fille aînée du brigadier prince Vladimir Borissowitch Golitzyne et de la fameuse „Princesse Moustache", Natalie Pétrowna, née comtesse Tchernycheff, était la sœur du prince Dmitri Golitzyne, le général gouverneur de Moscou, et naquit le 30 mai 1768. A 25 ans, le 13 juillet 1793, elle épousa un cousin de sa mère, son oncle par alliance, le général Stéphane Stépanowitch Apraxine, âgé de 29 ans, un richard, „passé maître dans l'art de faire la cour", bourreau de cœurs féminins, pour lequel la princesse Natalie Pétrowna Kourakine venait d'abandonner son mari. „Le plus bel homme du temps", dit le prince Dolgorouky dans son „Sanctuaire de mon cœur", „Apraxine la trahit pour s'amouracher de la belle princesse Golitzyne retour de Paris, qu'il finit par épouser". Belle, la princesse Golitzyne l'était en effet: de petite taille, svelte et élégante, avec un merveilleux profil et des traits accusés, de grands yeux bruns au regard sévère, elle avait sans cesse, même dans ses moments „de gaîté et de rire", l'air d'une déesse irritée, et avait reçu à Paris le surnom de „la Vénus en courroux". Le mariage fut heureux; les époux menaient à Moscou une vie très mondaine, toujours entourés d'invités dans leur propriété, célèbre au début du siècle écoulé, d'Olgovo. Tout ce que la ville comptait de gens en place et titrés venait en foule aux soirées, aux bals et aux spectacles, d'un luxe inouï pour l'époque, donnés chez les Apraxine et que les Cours honorèrent de leur présence; mais Moscou ne s'habituait pas à l'amphitryon guindé et borné, et jasait sur lui: quant à la princesse, malgré son esprit, sa sévérité effrayait. „Elle s'habillait toujours bien et d'une manière seyante, s'efforçant surtout de plaire à son mari, qui avait pourtant bien des péchés conjugaux sur la conscience; elle le savait, mais sans avoir l'air de rien..... En général, elle était étonnante avec son empire sur elle-même et son attitude envers son mari, toujours égale et toujours aimable. Lui la comprenait, l'appréciait et lui rendait justice: il fit élever dans le jardin d'Olgovo une sorte de kiosque, en forme de temple antique, au milieu duquel se dressait sur un piédestal une statue d'elle en marbre; le fronton portait l'inscription: „Hommage à la Vertu". „Elle ne cessa jamais de se farder considérablement, bien qu'au commencement du XIXe siècle l'usage commençât à en passer. Demoiselle d'honneur de Catherine II, elle fut faite en 1804 dame de Ste-Catherine, en 1827, peu après son veuvage, dame d'honneur, et, en 1841, maîtresse de la Cour de la Grande-Duchesse Hélène Pavlowna.

Elle eut de son mariage avec Apraxine un fils, Vladimir (1796—1853), et deux filles, Natalie (1794—1890), femme du prince Golitzyne, et Sophie († 1885), qui épousa le prince Chtcherbatoff et fut connue à Moscou pour sa bienfaisance. Elle mourut à St-Pétersbourg le 14 mars 1854. Au témoignage d'une contemporaine, ce fut „une fille modèle et respectueuse, une épouse fidèle et vertueuse, et une mère bonne et dévouée".

(D'après l'original de Vigée-Lebrun (1797), propriété de Mme Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

STÉPHANE STÉPANOWITCH APRAXINE, 1757—1827, fils du feld-maréchal Stéphane Féodorowitch Apraxine et d'Agrippine Léontiewna, née Soïmonoff, naquit à Riga le 13 juin 1757, et était de vingt ans plus jeune que ses sœurs, Marie Talyzine et la princesse Kourakine; orphelin de bonne heure, la première le prit chez elle et l'éleva. Filleul de l'Impératrice, il fut dès sa naissance enrôlé au régiment Sémenowsky, en 1777 nommé aide de camp de S. M., et en 1781 chef du régiment d'infanterie de Kieff. Deux ans après, il fut promu brigadier et mis à la tête du régiment de dragons d'Astrakhan. En 1785, il fit campagne au Caucase, le 12 février 1786 fut promu général major, prit part en 1788 à l'assaut d'Otchakoff, et, le 2 septembre 1793, passa général lieutenant. Grand admirateur de Souvoroff, il jouit de sa faveur et fut avec lui à la prise de Varsovie. En 1794, écarté du service, il se fixa chez sa sœur, Mme Talyzine; il venait d'hériter de la grosse fortune du comte Apraxine. „Célibataire, jeune, bien de sa personne, aimable, riche, il avait un succès universel, et donnait chez sa sœur des fêtes somptueuses", dit dans son „Sanctuaire" le prince Dolgorouky. „Le plus bel homme" de son temps, Apraxine „se distinguait par un goût particulier pour le beau sexe": bourreau des cœurs, c'est pour lui que la princesse Kourakine abandonna son mari. Le 13 juin 1793, il épousa la princesse C. Golitzyne. Sous Paul Ier, il fut chef du régiment d'Astrakhan, le 12 mars 1798 fut promu général de cavalerie, puis mis encore à la retraite. Sous Alexandre Ier, il fut en 1803 nommé gouverneur militaire de Smolensk, reçut en 1804 le cordon d'Alexandre, commanda en 1809 la 16e division d'infanterie en Moldavie et, le 16 octobre, prit sa retraite. Il se fixa alors à Moscou, dans sa maison de la Znamenka (aujourd'hui Ecole militaire Alexandre), et à Olgovo, aux environs. „Complètement insignifiant", dit Boulgakoff, Apraxine étonnait tout le monde par ses réceptions et ses divertissements bizarres; il était aimable et cordial. Le prince Viazemsky rapporte que son hospitalité atteignait des proportions homériques; outre ses dîners et ses soirées, il organisait des séances littéraires et des concerts; il avait chez lui un théâtre, où il faisait jouer des amateurs, des acteurs des scènes Impériales et une foule d'artistes de passage. La mise en scène était d'un luxe surprenant: dans l'opéra „Diane et Endymion", on voyait des cerfs courir sur la scène et on entendait aboyer les meutes. Apraxine se surpassa encore dans le bal, d'un faste inouï, qu'il donna le 7 janvier 1816 à l'occasion du séjour de la Cour à Moscou. La vie à Olgovo était ainsi pleine de divertissements, de distractions. Faire bâtir et transformer ses bâtiments était une passion chez Apraxine: il avait pour cela à poste fixe chez lui un certain Monsieur Comporesi, qu'il appelait „ministre de tous les bâtiments d'Olgovo et organisateur suprême des fêtes". Il avait aussi à Olgovo des fabriques à lui, une papeterie, une tisserie et une fabrique de produits chimiques; il n'entretenait pas moins de mille personnes de service. Agrandissant incessamment son immense et magnifique maison de style Empire, il l'orna, non seulement de bons portraits de famille, mais encore de toute une galerie de figures contemporaines..... Des artistes du cru auraient, dit-on, rapidement exécuté ces portraits d'après des gens de service auxquels le maître trouvait une ressemblance avec tel ou tel contemporain; il n'y a pas encore si longtemps, des vieux de la domesticité disaient en montrant l'un ou l'autre de ces grands seigneurs brillants: „Ça, c'était un tel, le buffetier!" Le maître, levé de bon matin, allait visiter ses dépendances; tous les gens qu'il rencontrait devaient le suivre, de sorte qu'il rentrait accompagné d'une véritable escorte. Chemin faisant, il entrait chez eux, acceptait souvent une tasse de thé, et faisait laver les enfants qu'il voyait, sous prétexte qu'il avait le mauvais œil. Tantôt il allait aux environs dîner, prendre le thé, passer la soirée, tantôt il faisait battre un rassemblement général pour annoncer que c'était fête à la maison; les travaux cessaient, on roulait aux gens des tonneaux de vin et de bière, et le maître commandait: „Amusez-vous, mes enfants!" Avec son faible pour faire bâtir, il était toujours à faire démolir ou construire quelque chose, et sans vouloir entendre alors d'observation. Les dépenses ne l'effrayaient pas, il se contentait de frapper sa poche en disant: „J'ai là tout ce qu'il faut".

Apraxine mourut à Moscou, le 8 février 1827, et fut inhumé au monastère Novodévitchy.

(D'après l'original de Lampi, propriété de Mme Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

СТЕПАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ АПРАКСИНЪ, 1757—1827, сынъ фельдмаршала Степана Федоровича отъ брака съ Аграфеной Леонтьевной Соймоновой, родился въ Ригѣ 13 Іюня 1757 г., и былъ лѣтъ на 20 моложе своихъ сестеръ, Маріи Талызиной и кн. Куракиной; у первой въ домѣ онъ и воспитывался, оставшись рано сиротой. Крестникъ Императрицы, онъ съ рожденія былъ записанъ въ Семеновскій полкъ, въ 1777 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ, въ 1781 г.—командиромъ Кіевскаго пѣх. полка; черезъ 2 года произведенъ въ бригадиры и получилъ Астраханскій драг. полкъ; въ 1785 г. сражался на Кавказѣ. 12 Февраля 1786 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, участвовалъ въ 1788 г. на штурмѣ Очакова, а 2 Сентября 1793 г. произведенъ въ генералъ-поручики. Большой почитатель Суворова, онъ пользовался его покровительствомъ и былъ съ нимъ при взятіи Варшавы. Въ 1794 г., отставленный отъ службы, поселился у сестры, Талызиной, получивъ только-что передъ тѣмъ громадное наслѣдство послѣ гр. Апраксина. „Холостъ, молодъ, пригожъ, любезенъ, богатъ, онъ все привлекалъ къ себѣ и, живучи въ домѣ сестры Талызиной, давалъ роскошные праздники“, пишетъ въ своемъ „Капищѣ“ кн. И. М. Долгорукій. „Первый красавецъ“ своего времени, Апраксинъ „отличался особенной склонностью къ женскому полу“, побѣждалъ сердца красавицъ и былъ причиной несчастія княгини П. П. Куракиной, бросившей для него мужа. 13 Іюля 1793 г. онъ женился на княжнѣ Е. В. Голицыной. При Павлѣ I Апраксинъ былъ шефомъ Астраханскаго полка, 12 Марта 1798 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, вновь отставленъ, и при Александрѣ I, въ 1803 г., назначенъ Смоленскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1804 г. получилъ Александровскую ленту, въ 1809 г. командовалъ 16-й пѣх. дивизіей въ Молдавіи и 16 Октября вышелъ въ отставку. Послѣ этого поселился въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Знаменкѣ (теперь Александровское Военное училище) и въ с. Ольговѣ (или Льговѣ, Дмитр. у., Московск. губ.). „Самый пустой человѣкъ“, по отзыву Булгакова, Апраксинъ удивлялъ всѣхъ своими пріемами и причудливыми увеселеніями, былъ ласковъ и радушенъ. Кн. Вяземскій разсказываетъ, что хлѣбосольство его доходило до гомерическихъ размѣровъ; кромѣ обѣдовъ и вечеровъ, онъ устраивалъ литературныя чтенія, концерты; былъ у него театръ, на которомъ играли любители, императорскіе актеры и всякія заѣзжія знаменитости. Постановка пьесъ поражала роскошью; въ операхъ „Діана и Эндиміонъ“ на сценѣ бѣгали олени, слышался лай гончихъ. Особенной пышностью отличался балъ, данный 7 Января 1816 г. по случаю пребыванія Двора въ Москвѣ. Жизнь въ Ольговѣ была также полна развлеченій, забавъ; гости никогда не переводились; коляски, одна за другой, мчались изъ Москвы въ Ольгово. Постройки и всякія передѣлки были страстью Апраксина, и для этого при немъ состоялъ нѣкій monsieur Comporesi, котораго онъ называлъ „министромъ всѣхъ Ольговскихъ построекъ и верховнымъ учредителемъ празднествъ“; въ Ольговѣ были свои фабрики — писчебумажная и суконная, химическій заводъ; дворовыхъ было до 1000 человѣкъ. Постоянно расширяя свой обширный и великолѣпный домъ, въ стилѣ empire, Апраксинъ украсилъ его, кромѣ хорошихъ фамильныхъ портретовъ, еще цѣлой галлереей изображеній современниковъ... Говорятъ, что доморощенные художники быстро изготовляли эти портреты съ живыхъ оригиналовъ, съ дворовыхъ, которыхъ Апраксинъ находилъ похожими на того или другого изъ современниковъ; еще не такъ давно сторожилы изъ дворни, указывая на кого-либо изъ блестящихъ вельможъ, говорили: „Это буфетчикъ“ такой-то! Поднявшись рано утромъ, баринъ отправлялся по хозяйству; всѣ встрѣчавшіеся должны были итти за нимъ, такъ что возвращался онъ домой уже съ цѣлой свитой. По дорогѣ заходилъ къ дворовымъ, нерѣдко вышивалъ чашку чаю, если встрѣчалъ ребенка, приказывалъ его скорѣе умыть, считая свой глазъ дурнымъ. Иногда онъ ѣздилъ въ окрестности обѣдать, пить чай, провести вечеръ, иногда барабаномъ созывался въ усадьбу народъ, которому объявлялось, что у барина сегодня праздникъ! Работы прекращались, крестьянамъ выкатывали бочки съ виномъ и пивомъ, и баринъ приказывалъ: „Веселитесь дѣти!“ Имѣя слабость къ постройкамъ, Апраксинъ всегда что-нибудь или ломалъ, или строилъ, и не терпѣлъ возраженій въ этомъ случаѣ; денежныя траты его не смущали, онъ только похлопывалъ себя по карману и говорилъ: „У меня тутъ все есть“.

С. С. Апраксинъ умеръ въ Москвѣ, 8 Февраля 1827 г., и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

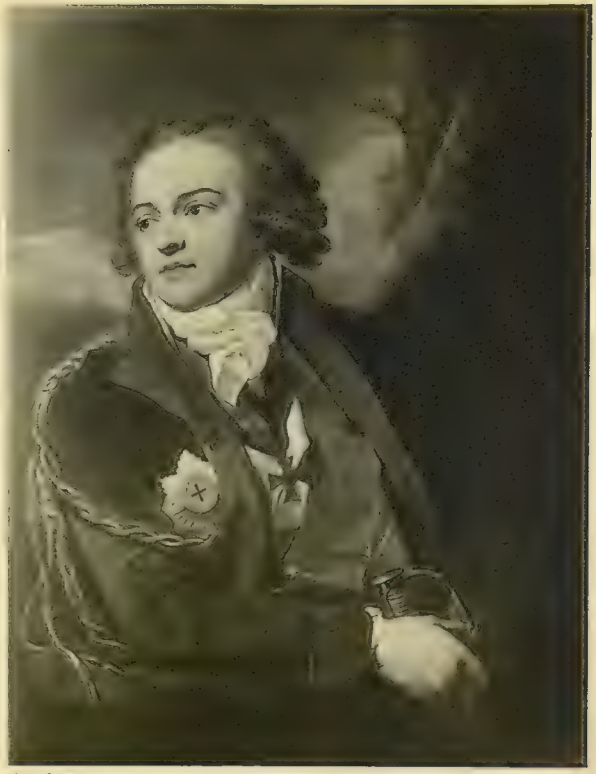
(Съ портрета Лампи, собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

155

Екатерина Владимировна
Апраксина,
1768 — 1854

Catherine Vladimirowna
Apraxine,
1768 — 1854

156



Степанъ Степановичъ
Апраксинъ,
1757 — 1827

Stéphane Stépanowitch
Apraxine,
1757 — 1827

157

Графиня АННА МИХАЙЛОВНА СТРОГАНОВА, 1743—1769, дочь вице-канцлера графа Михаила Ларіоновича Воронцова отъ брака съ графиней Анной Карловной Скавронской, двоюродной сестрой Императрицы Елисаветы Петровны, была крестницей Государыни и Великаго Князя Петра Ѳеодоровича. Графиня Анна Михайловна была единственнымъ балованным ребенкомъ въ семьѣ Воронцовыхъ; ее всѣ любили и заботливо воспитывали вмѣстѣ съ ровесницей-кузиной, графиней Екатериной Романовной Воронцовой, столь извѣстной впослѣдствіи княгиней Дашковой. Воспитаніе, которое онѣ обѣ получили въ домѣ вице-канцлера, было „чисто французское“, но, по понятіямъ того времени — блестящее. Уступая своей „ученой“ кузинѣ въ умѣ, графиня Анна Михайловна совершенно затмевала ее своей красотой, особенной симпатичностью нѣжнаго лица и мягкостью характера. Въ зрѣломъ возрастѣ, она, легкомыслешая красавица, по словамъ сэра Макартнея, была „очаровательнѣйшей женщиной своего времени“ и украшеніемъ двора Петра III. Говорятъ, что Никита Ивановичъ Панинъ въ то время былъ отъ нея безъ ума. Сама Елисавета Петровна позаботилась объ устройствѣ судьбы своей крестницы. Вмѣстѣ съ барономъ С. Г. Строгановымъ, Императрица рѣшила выдать 15-лѣтнюю графиню Воронцову за сына перваго, Александра Сергѣевича Строганова; молодая красавица графиня понравилась жениху. Обрядъ обрученія состоялся 20 Сентября 1757 г., а свадьба—18 Февраля 1758 г., съ большой торжественностью, въ присутствіи самой Государыни. Супруги, однако, не долго были счастливы. Скоро политическія событія рѣзко повліяли на судьбу молодой четы. Съ воцареніемъ Екатерины II начинается розпь въ супружеской жизни Строгановыхъ, затѣмъ перешедшая въ открытую вражду: явились взаимныя обвиненія, жалобы, огласились скандальные анекдоты, возникла мысль о разводѣ. Въ Ноябрѣ 1764 г. Строгановы окончательно разъѣхались; графиня Анна Михайловна возвратилась въ родительскій домъ и стала именовать себя попрежнему Воронцовой; въ одномъ изъ писемъ къ дядѣ она называетъ себя: „Воронцова, бывшая по несчастью Строганова“. Екатерина II, ссылаясь на родство съ Скавронскими, уклонилась отъ рѣшенія дѣла о разводѣ, и оно было передано духовному суду. Дѣло тянулось 5 лѣтъ, до самой кончины графини Анны Михайловны.

Графиня Строганова умерла въ Петербургѣ 21 Февраля 1769 года и погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На памятникѣ ея находится слѣдующая эпитафія: „Въ нѣдрахъ Авраамлихъ почившей графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Строгановой, урожденной графинѣ Воронцовой, благонравія, любви и почтенія къ родителямъ наполненной, скончавшейся въ цвѣтущей младости на 27 году возраста своего, скоропостижно, не оставя по себѣ потомства. Несчастная мать, вдова графиня Анна Воронцова, неутѣшно оплакивая такую кончину, положила лѣта отъ Р. Х. 1769, Февраля 21 дня“.

(Съ портрета, писаннаго пастелью; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

La comtesse ANNA MIKHAÏLOWNA STROGANOFF, 1745—1769, fille du vice-chancelier comte Michel Hilarionowitch Worontzoff et de la comtesse Anna Karlowna Skavronsky, cousine de l'Impératrice Elisabeth, était filleule de l'Impératrice et du Grand-Duc Pierre Féodorowitch. Fille unique, elle fut l'enfant gâté de la famille Worontzoff: tout le monde l'aimait et l'entourait de sollicitude; elle fut élevée avec sa cousine, du même âge qu'elle, la comtesse Catherine Romanowna Worontzoff, plus tard la fameuse princesse Dachkoff. L'éducation qu'elles reçurent chez le vice-chancelier fut „toute française", mais, selon les idées du temps, brillante. Moins bien douée que sa „savante" cousine, la comtesse Stroganoff l'éclipsait totalement par sa beauté, la suavité de son visage, son air particulièrement sympathique et la douceur de son caractère; plus tard, belle et frivole, elle fut, dit Sir Mac-Carthney, „la femme la plus ravissante du temps" et fit l'ornement de la Cour de Pierre III: elle tourna, dit-on, la tête à Nikita Panine. L'Impératrice Elisabeth s'occupa elle-même de caser sa filleule: d'accord avec le baron Serge Stroganoff, elle décida de la marier au fils de celui-ci, Alexandre. Les jeunes gens se plurent; les fiançailles furent célébrées le 20 septembre 1757 et le mariage le 18 février suivant, en grande pompe et en présence de l'Impératrice elle-même. Leur bonheur ne fut pas de longue durée: il ne tarda pas à être compromis par les événements politiques. L'avènement de Catherine marqua pour les Stroganoff le début d'une mésintelligence qui dégénéra bientôt en inimitié ouverte; ce furent des accusations et des griefs réciproques, des révélations d'histoires scandaleuses, d'où naquit la pensée du divorce. En novembre 1764, les époux se séparèrent définitivement; la princesse rentra chez ses parents et reprit leur nom: dans une lettre à son oncle, elle signe: „Worontzoff, jadis et pour mon malheur Stroganoff". Catherine II, en raison de sa parenté avec les Skavronsky, ne crut pas pouvoir se prononcer sur le divorce, dont l'instance fut transmise à la justice ecclésiastique. L'affaire avait traîné cinq ans lorsque survint la mort de la comtesse.

La comtesse Stroganoff mourut à St-Pétersbourg le 21 février 1769 et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Son monument porte l'épitaphe suivante: „A feu la comtesse Anna Mikhaïlowna Stroganoff, née comtesse Worontzoff, modèle de vertu et de piété filiale, décédée subitement à la fleur de son âge, dans sa 27e année, sans postérité. Son infortunée mère, la comtesse veuve Anna Worontzoff, inconsolable de sa perte, l'a ensevelie l'an du Christ 1769, le 21 février".

(D'après un pastel, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Княгиня АННА СЕРГѢЕВНА ГОЛИЦЫНА, 1779—1837, младшая дочь генералъ-поручика Сергѣя Алексѣевича Всеволожскаго († 1822), женатаго съ 29 Іюня 1771 г. на фрейлинѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Зиновьевой (1751—1836), родилась 24 Марта 1779 года; благодаря колоссальному богатству отца, была завидной невѣстой, несмотря на присущую ей отъ природы эксцентричность и экзальтированность. Позднѣе піэтистка, другъ баронессы Крюденеръ, она съ юныхъ лѣтъ увлекалась религіозными вопросами. Уже не первой молодости она вышла замужъ за камергера князя Ивана Александровича Голицына († 1852), бывшаго на 4 года моложе ея. Расточительный человѣкъ, прозванный позднѣе „Jean de Paris“ (вслѣдствіе вторичной женитьбы на пѣвицѣ де-Лоранъ, которая была особенно хороша въ операхъ Буальдье „Jean de Paris“), весельчакъ, занимавшій какъ бы офиціальное положеніе шутника при особѣ Великаго Князя Константина Павловича, князь Голицынъ мечталъ поправить свои дѣла женитьбой, проигравъ передъ тѣмъ все свое состояніе. Онъ женился на А. С. Всеволожской и разошелся съ нею тотчасъ же по совершеніи брачнаго обряда. Выходя изъ церкви, жена подала ему портфель и сказала: „Вотъ половина моего состоянія, а я—княгиня Голицына, и теперь все кончено между нами!“ Послѣ этого мужъ навсегда оставилъ ее въ покоѣ и поспѣшилъ въ Парижъ; княгиня Голицына вела крайне оригинальный и свободный образъ жизни, ходила въ мужскомъ костюмѣ и въ чепцѣ, увлекалась мистицизмомъ. Знакомство съ извѣстной г-жой Крюденеръ перешло въ дружбу, когда эта послѣдняя, въ 1821 г., пріѣхала въ Петербургъ. Встрѣтивъ препятствіе своей пропагандѣ въ столицѣ, онѣ рѣшились основать колонію „трудолюбивыхъ піэтистовъ“ на Южномъ берегу Крыма, чтобы тутъ распространять свое ученіе, устраивать общественныя собранія и моленія. Княгиня Голицына купила имѣніе въ Крыму для учрежденія этого разсадника піэтистовъ. Собравъ до 100 колонистовъ, преимущественно нѣмцевъ и грековъ, садовщиковъ, винодѣловъ и т. п., княгиня, со своимъ другомъ, баронессой Крюденеръ, отправилась на большой баркѣ Волгой и Дономъ въ Тавриду. На Волгѣ барка едва не потерпѣла крушенія въ бурю и была спасена, только благодаря распорядительности княгини Голицыной, которая сама, во-время, срубила мачту. Она сдѣлалась „старшиной“ колоніи піэтистовъ и энергично занялась ея устройствомъ въ своемъ имѣніи „Коранъ“ (Корензъ). Въ длинномъ сюртукѣ, верхомъ на лошади по-мужски, съ плетью въ рукахъ, она всюду поспѣвала, собственноручно расправлялась не только съ домашними, но даже съ окрестными татарами. Не только татары, впрочемъ, но и мѣстныя власти трепетали передъ деспотичной женщиной. Похоронивъ умершую 25 Декабря 1824 г. баронессу Крюденеръ, княгиня Голицына осталась жить въ Крыму, продолжая пропаганду піэтизма. Ее прозвали въ обществѣ: „La vieille du rocher“, сама она иногда подписывалась: „La vieille des monts“, что передѣлано было остряками въ: „La vieille Démon“.

Княгиня Голицына извѣстна, какъ писательница: въ 1801 г. было напечатано ея произведеніе „Modèle des enfants ou Vie du petit comte Platon de Zouboff“ (т.-е. графа Пл. Ник. Зубова, † 1855), съ матерью котораго, графиней П. А. Зубовой—„Суворочкой“, княжна Анна Сергѣевна, тогда еще незамужняя, была очень дружна (Русскій переводъ сочиненія дѣвицы А. В. вышелъ въ томъ же году), въ 1824 г. она издала: „Concordance en forme de registre pour trouver facilement chaque passage du Nouveau Testament“.

Княгиня А. С. Голицына умерла въ Симферополѣ 11 Января 1837 г. и похоронена въ своемъ Корензѣ, въ Вознесенской церкви, въ нишѣ на лѣвой сторонѣ; на надгробной плитѣ имѣется такая надпись: „Здѣсь покоится прахъ княгини Анны Сергѣевны Голицыной, урожденной Всеволожской, родившейся 24 Марта 1779 года, скончавшейся 11 Января 1837 года“.

(Съ портрета Рокотова; собственность Е. В. Всеволожской, с. Рябово, близъ С.-Петербурга.)

La princesse ANNA SERGUEEWNA GOLITZYNE, 1779—1837, la plus jeune fille du général lieutenant Serge Alexéewitch Vsévolojsky († 1822), qui avait épousé, le 29 juin 1771, la demoiselle d'honneur Catherine Andréewna Zinovieff (1751—1836), naquit le 24 mars 1779. Grâce à la fortune colossale de son père, elle fut un parti très recherché malgré son caractère naturellement excentrique et exalté. Plus tard piétiste et amie de Mme de Krüdener, elle se passionna toute jeune encore pour les questions religieuses. A un âge déjà raisonnable, elle épousa le prince Ivan Alexandrowitch Golitzyne († 1852), chambellan, de quatre ans plus jeune qu'elle, celui qui reçut plus tard le surnom de Jean de Paris, à la suite de son second mariage avec la cantatrice de Laurent, qui avait un succès particulier dans l'opéra de ce nom de Boïeldieu. Dissipateur et bon vivant, bouffon, pour ainsi dire, en titre du Grand-Duc Constantin Pavlowitch, le prince Golitzyne eut l'idée de rétablir ses affaires par un mariage, après avoir au préalable perdu toute sa fortune au jeu. Il épousa Anna Vsévolojsky et se sépara d'elle immédiatement après la cérémonie. En sortant de l'église, sa femme lui tendit un portefeuille en lui disant: „Voilà la moitié de ma fortune, je suis princesse Golitzyne, et maintenant tout est fini entre nous". Il lui laissa dès lors sa liberté pour toujours et se rendit à Paris. La princesse adopta un genre de vie d'une excentricité et d'une liberté extrêmes, portant des costumes masculins et des bonnets et se passionnant de mysticisme. Sa connaissance avec la fameuse Mme de Krüdener devint de l'amitié lorsque celle-ci vint à Pétersbourg, en 1821. Ne pouvant faire librement leur propagande dans la capitale, elles décidèrent de fonder une colonie de piétistes sur la côte de la Crimée, pour y répandre leurs doctrines et y organiser des réunions et des prières publiques. La princesse fit à cet effet l'acquisition d'une propriété en Crimée; elle réunit une centaine de colons, pour la plupart allemands et grecs, des jardiniers, des vignerons, etc., puis s'embarqua avec la baronne pour les conduire par le Volga et le Don. Surprise par une bourrasque, l'embarcation faillit faire naufrage sur le Volga et ne dut le salut qu'à l'habileté de la princesse, qui sut abattre elle-même le mât au moment voulu. Elle devint chef de la colonie et déploya une grande énergie à l'installer dans son domaine de Koréiz. En redingote à longs pans, à califourchon sur sa monture comme un cavalier, le fouet en main, elle était à tout, faisant justice de ses propres mains aussi bien de ses colons que des tatares des environs. Il n'y avait pas que les tatares, du reste: les autorités locales aussi tremblaient devant cette femme despotique. A la mort de la baronne Krüdener, le 25 décembre 1824, elle resta en Crimée à continuer sa propagande. On l'avait surnommée dans la société la Vieille du Rocher, et elle-même signait souvent La Vieille des Monts, ce dont les mauvais plaisants avaient fait La Vieille Démon.

La princesse est connue comme écrivain: elle publia, en 1801, un ouvrage intitulé Modèle des Enfants ou Vie du petit comte Platon de Zouboff, dont la mère, la comtesse Zouboff (Souvorotchka), avait été la grande amie d'Anna Vsévolojsky; l'ouvrage parut en traduction russe la même année. En 1824, la princesse fit encore paraître Concordance en forme de registre pour trouver facilement chaque passage du Nouveau Testament.

La princesse Golitzyne mourut à Simféropol, le 11 janvier 1837, et fut inhumée dans son Koréiz, à l'église de l'Ascension, dans une niche de gauche; sa tombe porte l'inscription suivante: „Ci-gît la dépouille mortelle de la princesse Anna Serguéewna Golitzyne, née Vsévolojsky, née le 24 mars 1779, morte le 11 janvier 1837".

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à Mme C. Vsévolojsky, Riabovo, près St-Pétersbourg.)

157

Графиня Анна Михайловна Строганова,
1745 — 1769

La Comtesse Anna Mikhaïlowna Stroganoff,
1745 — 176[illegible]

158

Княгиня Анна Сергѣевна Голицына,
1779 — 1837

La Princesse Anna Sergiéewna Golitzyne,
1779 — 1837

Графиня ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА ГОЛОВИНА, 1766—1821, дочь генералъ-поручика Николая Федоровича Голицына (1728—1780) отъ брака съ Прасковьей Ивановной Шуваловой (1734—1802), супруга дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Николая Николаевича Головина и авторъ мемуаровъ, была родной сестрой извѣстнаго позднѣе куратора Московскаго университета, князя Федора Николаевича Голицына. Дѣтство княжны Голицыной протекло въ Московской деревнѣ въ обществѣ матери, любимой сестры П. И. Шувалова, женщины съ мягкимъ, добрымъ, хотя и нерѣшительнымъ, характеромъ, любившей искусство и умѣвшей цѣнить образованіе; въ 1777 г. княжну перевезли въ Петербургъ, и здѣсь, послѣ смерти отца, она съ матерью поселилась въ домѣ дяди Шувалова; въ 1783 г. пожалована была во фрейлины. Общество просвѣщеннаго дяди имѣло на молодую дѣвушку большое вліяніе: она полюбила искусства, особенно живопись, сама рисовала и пріобрѣла склонность къ литературѣ. Въ 1786 г. она вышла замужъ по любви за графа Н. П. Головина, умѣвшаго понравиться молодой дѣвушкѣ красивой внѣшностью, хотя ея умная мать долгое время противилась этому браку. И дѣйствительно, графъ Головинъ, пустой фатъ и мотъ, не сумѣлъ сдѣлать счастливой свою молодую жену, искавшую тихой и прочной привязанности. Избытокъ своей сердечной любви Головина посвятила Великой Княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, на всю жизнь сдѣлавшейся ея кумиромъ. Екатерина II любила Головину, но въ царствованіе Павла враги графини успѣли возбудить противъ нея дворъ и даже Великую Княгиню Елизавету Алексѣевну своими навѣтами. Тогда молодая женщина, оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, предалась религіозной экзальтаціи, подъ вліяніемъ эмигрантки княгини Тарантъ и іезуитовъ, убѣдившихъ ее принять втайнѣ католичество. Въ царствованіе Александра I графиня Головина долгое время жила за границей, вращаясь по преимуществу среди старой французской аристократіи; лишь эпоха Наполеоновскихъ войнъ заставила ее вернуться въ Россію. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ во Францію, совпавшимъ со смертью ея друга, княгини Тарантъ († 1814 г.), Головину вновь потянуло за границу; въ Россіи временами удерживала ее лишь дружба Императрицы Елизаветы Алексѣевны, которая успѣла убѣдиться въ лживости клеветы, отдалившей отъ нея ея старую подругу. Въ 1816 г., 9 Апрѣля, графиня Головина была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины, а дочери, воспитанныя въ католицизмѣ, получили фрейлинскій шифръ. Ради Императрицы Елизаветы Алексѣевны, по ея приглашенію, графиня начала писать свои мемуары, представляющіе драгоцѣнный историческій матеріалъ, особенно для исторіи царствованія и характеристики Императора Павла и его времени. Въ 1820 г. графиня В. П. Головина, больная, отправилась за границу, въ сопровожденіи племянника князя Федора Федоровича Голицына, жила въ Монпелье, а 21 Сентября (н. с.) 1821 г. умерла въ Парижѣ и тамъ же погребена въ „St-Germain-des-Prés“.

К. Я. Булгаковъ 20 Сентября 1821 г. писалъ брату въ Москву: „Графиня Головина умерла въ Парижѣ отъ рака; она давно и долго страдала“.

Отъ брака своего съ графомъ Н. П. Головинымъ, графиня Варвара Николаевна оставила двухъ дочерей: Елизавету Николаевну, въ замужествѣ за графомъ Потоцкимъ, и Прасковью Николаевну, въ замужествѣ за графомъ Максимиліаномъ Фредро.

(Съ миніатюры И. Жерена, принадлежащей графу Ланскоронскому, въ Вѣнѣ.)

159

La comtesse VARVARA NIKOLAEWNA GOLOVINE, 1766—1821, fille du général lieutenant Nicolas Féodorowitch Golitzyne (1728—1780) et de Prascovie Ivanowna, née Chouvaloff (1734—1802), et femme du comte Nicolas Nikolaewitch Golovine, conseiller privé actuel, était sœur du prince Théodore Nikolaewitch Golitzyne, connu plus tard comme curateur de l'université de Moscou. Son enfance s'écoula à la campagne aux environs de Moscou, dans la société de sa mère, sœur préférée de Chouvaloff, douce et bonne personne malgré son caractère flottant, aimant les arts et appréciant l'instruction. En 1777, la princesse Golitzyne fut amenée à Pétersbourg et là, après la mort de son père, alla se fixer avec sa mère dans la maison de son oncle Chouvaloff; en 1783, elle devint demoiselle d'honneur. La société éclairée de son oncle eut sur elle une heureuse influence: elle acquit la passion des arts, surtout de la peinture, faisant elle-même du dessin, et le goût de la littérature. En 1786, elle épousa par amour le comte Nicolas Golovine, qui avait su lui plaire grâce à son physique avantageux, bien que sa mère, personne avisée, se fût longtemps opposée au mariage. Effectivement, le comte, fat insignifiant et prodigue, ne sut pas rendre heureuse sa jeune femme, qui cherchait une affection tranquille et solide: elle reporta le surplus de sa tendresse sur la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, qui resta son idole toute sa vie. Catherine II lui témoigna son amitié, mais, sous le règne de Paul, ses ennemis réussirent par leurs calomnies à soulever contre elle toute la Cour, y compris la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna. Alors la jeune femme, frappée dans ses meilleurs sentiments, s'adonna à l'exaltation religieuse sous l'influence d'une émigrée, la princesse de Tarente, et des jésuites, qui la convertirent secrètement au catholicisme. Sous Alexandre Ier, la comtesse habita longtemps à l'étranger, fréquentant surtout la vieille aristocratie française; les guerres de Napoléon finirent par la faire rentrer en Russie. La Restauration, à l'époque de laquelle elle perdit justement son amie, la princesse de Tarente († 1814), l'attira de nouveau à l'étranger; il n'y avait pour la retenir par intervalles en Russie que l'amitié de l'Impératrice Elisabeth, enfin édifiée sur la valeur des calomnies qui avaient rompu leur vieille amitié. Le 9 avril 1816, la comtesse fut faite dame de Ste-Catherine et ses filles, élevées dans le catholicisme, reçurent le chiffre de demoiselles d'honneur. Ce fut pour l'amour et à l'instigation de l'Impératrice qu'elle entreprit ses Mémoires, source précieuse d'informations historiques, en particulier pour l'histoire et la caractéristique de l'Empereur Paul et de son époque. En 1820, elle alla à l'étranger pour sa santé en compagnie de son neveu, le prince Théodore Féodorowitch Golitzyne, habita Montpellier et mourut, le 21 septembre (nouv. st.) 1821, à Paris, où elle fut inhumée à St-Germain-des-Prés. Constantin Boulgakoff écrivait à son frère à Moscou, le 20 septembre 1821: „La comtesse Golovine est morte à Paris d'un cancer; elle a beaucoup et longtemps souffert".

La comtesse Varvara Golovine avait eu deux filles, Elisabeth, mariée au comte Potocki, et Prascovie au comte Maximilien Frédreau.

(D'après une miniature de J. Gérin, appartenant au comte Lanskoronsky, Vienne.)

ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ ТАТИЩЕВЪ, 1767—1845, сынъ надворнаго совѣтника Павла Сергѣевича и Маріи Яковлевны, рожденной Аршеневской, въ 1780 г. былъ корнетомъ въ Конной гвардіи; въ 1791 г.— волонтеромъ въ арміи Потемкина, а въ слѣдующемъ году началъ свою дипломатическую карьеру въ должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Въ 1794 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ и за штурмъ Варшавы получилъ орденъ св. Георгія 3 степени. Въ царствованіе Павла I быстро возвысился: въ 1796 г. изъ ротмистровъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а черезъ 3 года назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ тайнаго совѣтника. При Александрѣ I былъ посланникомъ въ Неаполѣ, въ 1802 г. и съ 1805 по 1808 г., затѣмъ пожалованъ, въ 1810 г., въ сенаторы, а въ 1812 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Мадридъ, гдѣ пробылъ почти 9 лѣтъ, при чемъ, будто бы, пагубно вліялъ на короля Фердинанда VII, толкая его на путь реакціи. Въ 1819 г. Татищевъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ 1821 г. назначенъ посланникомъ въ Гаагу, но туда не поѣхалъ, въ 1822 г. былъ полномочнымъ на конгрессѣ въ Веронѣ и затѣмъ назначенъ посломъ въ Вѣну, гдѣ и оставался до 1841 г., при чемъ 6 Декабря 1838 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Потеря зрѣнія заставила его отказаться отъ дипломатическаго поприща, и онъ сдѣланъ былъ, 13 Апрѣля 1841 г., оберъ-камергеромъ. Въ то время ему было уже 74 года, и онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена, до алмазныхъ знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго включительно, и, кромѣ того, иностранные ордена св. Стефана, Анунціаты и Золотого руна.

Не чуждый „прирожденной спѣси“, въ Вѣнѣ онъ жилъ богатымъ русскимъ барономъ и совершенно разстроилъ свое хорошее состояніе; гостиная его охотно посѣщалась тамошней аристократіей. Лѣнивый тѣломъ, близорукій, но дѣятельный духомъ, по словамъ современниковъ и его подчиненныхъ, особенно искренне любившаго его А. Я. Булгакова, начавшаго службу при немъ въ Неаполѣ, Татищевъ былъ рѣдкій начальникъ, человѣкъ умный, добрый, благородный и снисходительный. Слабохарактерный, онъ доступенъ былъ, однако, стороннему вліянію, любившій пышность и знаки отличія, онъ особенно гордился званіемъ „бальи“ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Послѣдніе годы жилъ на попеченіи преданнаго слуги, француза Прево, въ положеніи, близкомъ къ нуждѣ, и скончался въ его домѣ, въ Вѣнѣ, 16 Сентября 1845 г.; похороненъ въ селѣ Татищевомъ Погостѣ, Ростовскаго уѣзда. На могилѣ его нѣтъ ни памятника, ни рѣшетки, и только нѣсколько кирпичей у алтаря церкви указываютъ на мѣсто могилы кавалера ордена св. Андрея и Золотого руна.

Д. П. Татищевъ уже не въ молодыхъ годахъ женился на разведенной съ мужемъ Юліи Александровнѣ Безобразовой, рожденной Конопка; дѣтей отъ этого брака не было, но у него и у жены оберъ-бергмейстера Наталіи Алексѣевны Колтовской, рожденной Турчаниновой (1773—1840), оставившей въ 1796 г. мужа („Арх. Воронцова“, XVIII, 315), было двое „воспитанниковъ“ (Павелъ и Владиміръ Дмитріевичи, получившіе фамилію Соломирскихъ).

К. Я. Булгаковъ 4 Ноября 1808 г. писалъ брату: „Не повѣришь до какой степени онъ (Татищевъ) влюбленъ, живя живетъ у Без. и не хочетъ никому признаваться“, а А. Булгаковъ въ Февралѣ 1809 г. сообщалъ отцу, что И. А. Колтовская его „чрезмѣрно ласкаетъ“, ему казалось, что „она ищетъ его посредничества, чтобы помириться съ Татищевымъ, который радъ, что отъ пея отвязался“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

DMITRI PAVLOWITCH TATICHTCHEFF, 1767—1845, fils de Paul Sergućewitch Tatichtcheff, conseiller de cour, et de Marie Yakovlewna, née Archénewsky, fut, en 1780, cornette dans la Garde à cheval, en 1791, volontaire à l'armée de Potemkine et, l'année suivante, débuta dans la carrière diplomatique comme chargé d'affaires à Constantinople. En 1794, il fit la campagne de Pologne et l'assaut de Varsovie lui valut St-Georges de 3e classe. Sous le règne de Paul Ier, il eut un avancement rapide; de commandant de cavalerie, il passa, en 1796, chambellan actuel et, trois ans après, fut nommé membre du Collège des affaires étrangères avec rang de conseiller privé. Sous Alexandre Ier, il fut ambassadeur à Naples, une première fois en 1802, puis de 1805 à 1808; en 1810, il fut nommé sénateur et, en 1812, envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire à Madrid, où il resta près de neuf ans et où il aurait eu une influence pernicieuse sur le roi Ferdinand VII en le poussant sur la voie de la réaction. En 1819, Tatichtcheff fut promu conseiller privé actuel, en 1821, nommé ambassadeur à La Haye, où il ne se rendit pas, en 1822, plénipotentiaire au congrès de Vérone, puis ambassadeur à Vienne, où il resta jusqu'en 1841: le 6 décembre 1838, il avait été nommé membre du Conseil de l'Empire. La perte de la vue l'obligea à renoncer à la carrière diplomatique et il fut fait grand chambellan le 13 avril 1841. Il n'avait à cette époque pas moins de 74 ans et possédait tous les ordres russes, y compris St-André en brillants, et en outre, les décorations étrangères de St-Etienne, de l'Annonciade et de la Toison d'Or.

Non exempt d'une certaine „morgue naturelle", il eut à Vienne un grand train de vie à la mode russe qui ruina complètement sa solide fortune; son salon était fréquenté par l'aristocratie du pays. Au témoignage des contemporains et de ses inférieurs, entre autres Alexandre Boulgakoff, qui avait débuté sous ses ordres à Naples et lui conservait une amitié particulièrement sincère, Tatichtcheff, avec sa myopie et son allure nonchalante, avait un esprit très actif: dans le service, c'était un chef comme on en voit rarement, intelligent, bon, délicat et indulgent. D'un caractère faible, il était pourtant accessible aux influences étrangères; il aimait l'apparat et les marques de distinction, et était particulièrement fier du titre de bailli de l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem.

Il passa les dernières années de sa vie dans une position voisine de la gêne, aux soins d'un serviteur dévoué, le français Prévost, chez lequel il mourut à Vienne, le 16 septembre 1845. Il fut inhumé au village de Tatichtcheff-Pogost, près Rostoff; il n'y a sur sa tombe ni monument, ni grille: seules quelques briques au chevet de l'église marquent le lieu de la sépulture du chevalier de St-André et de la Toison d'Or.

Tatichtcheff épousa, à un âge déjà mûr, une femme divorcée, Julie Alexandrowna Bézobrazoff, née Konopka, dont il n'eut pas d'enfants, mais il eut de la femme de l'ingénieur Koltowsky, Natalie Alexéewna, née Tourtchaninoff (1775—1840), qui avait quitté son mari en 1796 (Archive Worontzoff, XVIII, 315), deux pupilles, Paul et Vladimir, qui reçurent le nom de Solomirsky.

Constantin Boulgakoff écrivait à son frère, le 4 novembre 1808: „Tu ne te figures pas à quel point il" (Tatichtcheff) „est amoureux; il ne sort pas de chez Mme Bézobrazoff et ne veut se déclarer à personne". Et Alexandre Boulgakoff dit à son père, en février 1809, que Mme Koltowsky „lui fait bien des grâces", qu'il croit „qu'elle veut lui demander de la réconcilier avec Tatichtcheff, qui est bien content d'être débarrassé d'elle".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ЮЛІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАТИЩЕВА, 17..—184., полька, жена оберъ-камергера, члена Государственнаго Совѣта Дмитрія Павловича Татищева, родная сестра французскаго генерала Ивана Конопки, въ первомъ бракѣ была за Безобразовымъ, съ которымъ развелась. Въ концѣ 1808 г. Булгаковъ писалъ брату, что Татищевъ влюбленъ въ Безобразову и проводитъ у нея все время. Въ 1813 г. Татищевъ былъ уже женатъ и, получивъ отъ графа Воронцова туалетный приборъ, отвѣчалъ послѣднему: „Mais comme toutes ces belles choses sont tranchantes, Julie veut absolument que je vous envoie une pièce de monnaie en retour". 11 Января 1815 г. тотъ же А. Я. Булгаковъ сообщалъ брату: „Tout ce que vous me dites de Tatichtcheff me fait bien de la peine. Je m'imaginais bien tout cela, mais la certitude que vous m'en donnez me peine infiniment: il méritait un meilleur sort. Voilà les suites d'un sot mariage. Quand elle l'aura ruiné, elle le plantera là". Спустя 4 года, Булгаковъ въ Парижѣ посѣтилъ Татищеву и такъ разсказывалъ объ этомъ: „Вспоминали всѣ твои (К. Я. Булгакова) вѣнскія шалости; она стара стала, но еще хорошая и добрая бабенка". По поводу увлеченій самого Татищева, несмотря на его года, въ 1823 г. Булгаковъ писалъ: „Охъ, мой Татищевъ съ своимъ волокитствомъ, чтобы не надѣлалъ глупостей! Объ Ю. А. и въ мое время еще говорили, но я не вѣрю: время страстной любви для нея прошло, развѣ при этомъ было бы еще много денегъ и подарковъ, но я не думаю, чтобы Апраксинъ сталъ, да и имѣлъ бы чѣмъ разоряться". Красавица смолоду, Татищева была тщеславна и любила играть всегда и во всемъ первую роль, такъ что, когда, въ 1823 г., извѣстная Марья Антоновна Нарышкина поѣхала за границу, К. Я. Булгаковъ былъ того мнѣнія, что „теперь будетъ опасная соперница у Юліи Александровны для фигуры и щегольства". Онъ же, убѣждая въ 1820 г. брата отказаться отъ предложенія Д. П. Татищева перейти къ нему на службу въ посольство, въ Испанію, писалъ между прочимъ, что Юлія Александровна не могла равняться съ Наталіей Васильевной Булгаковой „ни умомъ, ни воспитаніемъ, ни любезностью", а потому „будетъ бѣситься, а ты самъ знаешь, какъ Татищевъ слабъ".

Ципринусъ въ своемъ „Калейдоскопѣ воспоминаній" говоритъ о семьѣ Слонимскаго уроженца генерала Конопки, что „ихъ было 4 брата и 3 сестры"; изъ братьевъ, кромѣ генерала Ивана, Августъ и Винцентій служили также во французской арміи, а младшій, Федоръ, служилъ въ уланахъ и потомъ былъ Слонимскимъ городничимъ. „Изъ сестеръ старшая, не отличавшаяся ничѣмъ, вышла замужъ за кого-то, овдовѣла и поселилась въ Слонимѣ; средняя, Юлія, была необыкновенная красавица, послѣ перваго мужа, генерала Безобразова, вышла за П. Д. Татищева; младшая, Аделаида, была за слонимскимъ помѣщикомъ Ельцомъ. Эта семья отличалась необыкновенной вѣтрепостью, легкомысліемъ и вообще отсутствіемъ умственныхъ качествъ, только Ельцова отличалась умомъ и образованіемъ".

Точныхъ датъ рожденія и смерти Ю. А. Татищевой найти намъ не удалось.

(Съ миніатюры, принадлежащей графу Д. П. Толстому, С.-Петербургъ.)

JULIE ALEXANDROWNA TATICHTCHEFF, 17..—184.., polonaise, sœur du général français Jean Konopka, femme du grand chambellan, membre du Conseil de l'Empire, Dmitri Pavlowitch Tatichtcheff, avait épousé en premières noces Bezobrazoff, avec lequel elle divorça. A la fin de 1808, Alexandre Boulgakoff écrivait à son frère que Tatichtcheff était amoureux de Mme Bezobrazoff et passait tout son temps avec elle. En 1813, Tatichtcheff était déjà marié, et comme le comte Worontzoff lui avait envoyé un nécessaire de toilette, il lui écrivit en réponse: „Mais comme toutes ces belles choses sont tranchantes, Julie veut absolument que je vous envoie une pièce de monnaie en retour". Le 11 janvier 1815, le même Alexandre Boulgakoff communiquait à son frère: „Tout ce que vous me dites de Tatichtcheff me fait bien de la peine. Je m'imaginais bien tout cela, mais la certitude que vous m'en donnez me peine infiniment: il méritait un meilleur sort. Voilà les suites d'un sot mariage. Quand elle l'aura ruiné, elle le plantera là". Quatre ans plus tard, il avait à Paris fait une visite à Mme Tatichtcheff et racontait encore à son frère Constantin: „Nous avons reparlé de toutes tes frasques de Vienne. Elle est vieille, maintenant, mais c'est toujours une brave et excellente bonne femme". A propos des entraînements de Tatichtcheff lui-même malgré l'âge, Boulgakoff écrit en 1823: „Oh! ce Tatichtcheff avec ses amours, qu'il n'aille pas faire encore des bêtises! Elle, on en parlait déjà de mon temps, mais je n'y crois pas: le temps de la passion est passé pour elle; et puis, s'il y avait encore avec ça beaucoup d'argent et de cadeaux! Mais Apraxine ne me paraît pas avoir l'envie ni du reste les moyens de se ruiner". Belle dans son jeune temps, Mme Tatichtcheff était vaniteuse et voulait jouer partout et en tout le premier rôle: ce qui fit dire à Constantin Boulgakoff, en 1823, au départ de la fameuse Marie Antonowna Narychkine pour l'étranger: „Mme Tatichtcheff va avoir une rivale dangereuse pour l'élégance et pour le chic". C'est encore Constantin qui, en 1820, déconseillait à Alexandre d'accepter son mari avec lui à l'ambassade en Espagne, en lui disant entre autres choses, qu'elle était bien loin de valoir sa Natalie, „comme tête, comme éducation ni comme amabilité": alors „elle sera furieuse, et tu sais bien comme lui est faible".

Cyprinus, dans son Kaléidoscope de Souvenirs, dit que la famille Konopka, originaire de Slonim, était composée de quatre fils et trois filles. Deux des frères du général Jean Konopka, Auguste et Vincent, servaient aussi dans l'armée française, et le plus jeune, Théodore, fut d'abord aux uhlans, puis devint préfet de Slonim. „Des trois sœurs, l'aînée n'avait rien de saillant, se maria, devint veuve et se fixa à Slonim; la cadette, Julie, était d'une beauté rare, épousa en premières noces le général Bezobrazoff et en secondes noces D. Tatichtcheff; la plus jeune, Adélaïde, fut la femme d'un propriétaire de Slonim, Eletz. Toute cette famille était d'une insignifiance et d'une frivolité extrêmes, et laissait à désirer en général au point de vue intellectuel: seule Mme Eletz ne manquait ni d'intelligence ni d'instruction".

Les dates exactes de la naissance et de la mort de Mme Tatichtcheff ont été impossibles à retrouver.

(D'après une miniature appartenant au comte D. Tolstoï, St-Pétersbourg.)

Графъ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛОВИНЪ, 1756—1821, оберъ-шенкъ, сынъ графа Николая Александровича отъ брака съ Анастасіей Степановной Лопухиной, въ раннемъ дѣтствѣ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ Великаго Князя Павла Петровича, а затѣмъ, въ 1782 г., для довершенія образованія отправленъ за границу. По возвращеніи въ Россію, графъ Головинъ началъ службу въ гвардіи, куда съ дѣтства былъ зачисленъ сержантомъ. Въ 1786 г. онъ вступилъ въ бракъ съ 19-лѣтней княжной Варварой Николаевной Голицыной, которая „смотрѣла на него, какъ на завиднаго жениха“, причиной чего были: „репутація почтительнаго сына и вѣрнаго подданнаго, благородство характера, красивая наружность, высокое происхожденіе и богатство“. Скоро, однако, молодая графиня разочаровалась: по легкомысленному и расточительному образу жизни Головинъ не могъ доставить счастія своей супругѣ, искавшей потомъ утѣшенія въ религіи и, подъ вліяніемъ іезуитовъ, перешедшей въ католицизмъ. Въ 1790 г. графъ Головинъ былъ пожалованъ въ полковники и во время второй Турецкой войны находился при осадѣ Килія, въ арміи Потемкина, а въ 1793 г. назначенъ былъ гофмаршаломъ двора Великаго Князя Александра Павловича и въ этой должности сдѣлался „l'ami intime“ Ростопчина. Въ царствованіе Императора Павла I, Головинъ, произведенный въ тайные и дѣйствительные тайные совѣтники (26 Декабря 1799 г.), впалъ въ немилость и былъ удаленъ отъ двора. Императоръ Александръ I, не любившій Головина, тѣмъ не менѣе оказывалъ ему вниманіе: въ 1812 г. онъ пожаловалъ его оберъ-шенкомъ, затѣмъ предсѣдателемъ особой комиссіи для помощи жителямъ разоренной Москвы, членомъ комиссіи по постройкѣ Исакіевскаго собора и членомъ Государственнаго Совѣта. Проживая большею частью за границей и ведя, всегда и вездѣ, крайне роскошный образъ жизни, Головинъ окончательно разстроилъ свое громадное состояніе, вошелъ въ неоплатные долги, такъ что послѣ его смерти знаменитое его имѣніе, с. Воротынецъ, Нижегородской губ., цѣнностью до $8^1/_2$ милліоновъ рублей для удовлетворенія кредиторовъ разыграно было въ лотерею.

Графъ Н. Н. Головинъ скончался 2 Іюня 1821 г., почти одновременно съ женой, умиравшей отъ рака во Франціи; погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ княжной В. Н. Голицыной остались двѣ дочери: графиня Прасковья, вышедшая замужъ за графа Максимиліана Фредро, и графиня Елисавета—за графа Л. С. Потоцкаго. Кромѣ того, въ Парижѣ, какъ говорятъ, онъ имѣлъ сына, потомки котораго живутъ и въ настоящее время во Франціи, а указомъ 2 Января 1801 г. пожаловано было дворянство „воспитаннику дѣйств. тайнаго совѣтника графа Головина, Федору Ловину“.

Современники были невысокаго мнѣнія о Головинѣ: князь П. А. Вяземскій считалъ его „пустымъ человѣкомъ“, а Безбородко рѣзко отзывался о немъ, какъ „о негодяѣ“. Когда графъ Головинъ былъ назначенъ гофмаршаломъ двора Великаго Князя, князь А. П. Вяземскій, отецъ предыдущаго, писалъ 15 Іюня 1799 г. графу А. Р. Воронцову: „Mais la chose qui m'étonne le plus dans cette affaire, c'est son successeur, mon cousin, comte Golovine, un homme paresseux, indolent, sybarite, jouissant de cent mille roubles de revenus et maître de la Maison de l'héritier du trône: chacune de ses qualités est une raison d'exclusion pour ce poste“.

(Съ миніатюры изъ собранія графа Ланскоронскаго, въ Вѣнѣ.)

Le comte NICOLAS NIKOLAEWITCH GOLOVINE, 1756—1821, grand échanson, fils du comte Nicolas Alexandrowitch Golovine et d'Anastasie Stépanowna, née Lopoukhine, fut tout enfant camarade de jeux du Grand-Duc Paul Pétrowitch. En 1782, on l'envoya à l'étranger terminer son éducation. A son retour en Russie, il débuta au service dans la Garde, où il avait été enrôlé sergent dès l'enfance. En 1786, il épousa la princesse Varvara Nikolaewna Golitzyne, âgée de 19 ans, et qui „le regardait comme un parti enviable", en raison „de sa réputation de fils respectueux et de sujet fidèle, de la noblesse de son caractère, de son physique avantageux, de sa haute extraction et de sa richesse". La jeune princesse ne tarda cependant pas à être désillusionnée: avec ses idées frivoles et ses goûts dispendieux, Golovine ne pouvait faire son bonheur; elle chercha alors une consolation dans la religion et, sous l'influence des Jésuites, se convertit au catholicisme. En 1790, le comte Golovine fut promu colonel, et, lors de la seconde campagne de Turquie, fut au siège de Kilia, à l'armée de Potemkine. Nommé en 1793 maréchal de la Cour du Grand-Duc Paul Pétrowitch, il y devint „l'ami intime" de Rostoptchine. Sous Paul Ier, fait conseiller privé, puis conseiller privé actuel (26 décembre 1799), il tomba en disgrâce et dut s'éloigner de la Cour. L'Empereur Alexandre Ier, qui n'aimait pas Golovine, l'honora pourtant de son attention: en 1812, il le fit grand échanson, puis président de la Commission spéciale de secours aux habitants de Moscou après l'incendie, membre de la Commission pour la construction de Saint-Isaac et membre du Conseil de l'Empire. Presque constamment à l'étranger, menant toujours et partout un train de vie d'un luxe inouï, il ruina définitivement son immense fortune et s'endetta sans retour: à sa mort, sa fameuse propriété de Vorotinetz, gouvernement de Novgorod, qui ne représentait pas moins de huit millions et demi de roubles, fut mise en loterie pour désintéresser ses créanciers.

Le comte Golovine mourut le 2 juin 1821, presque en même temps que sa femme, qui succomba en France à un cancer; il fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

De son mariage avec la princesse Golitzyne, il laissa deux filles, la comtesse Prascovie, mariée au comte Maximilien Frédreau, et la comtesse Elisabeth, au comte L. Potocki. En outre, il eut, dit-on, à Paris un fils, dont les descendants vivent encore aujourd'hui en France; un oukaze du 2 janvier 1801 conféra la noblesse „au pupille du conseiller privé actuel comte Golovine, Théodore Lovine".

Les contemporains n'avaient pas de Golovine une haute opinion: le prince Viazemsky le considérait comme „un homme insignifiant", et Bezborodko le traite carrément de „vaurien". Lors de sa nomination de maréchal de la Cour du Grand-Duc, le prince A. Viazemsky, père du précédent, écrivit le 15 juin 1799 au comte A. Vorontzoff: „Mais la chose qui m'étonne le plus dans cette affaire, c'est son successeur mon cousin, comte Golovine, un homme paresseux, indolent, sybarite, jouissant de cent mille roubles de revenus et maître de la Maison de l'héritier du trône: chacune de ses qualités est une raison d'exclusion pour ce poste".

(D'après une miniature de la collection du comte Lanskoronsky, Vienne.)

159

Пис. П. Жеренъ — Peint par I. Gerin

Графиня Варвара Николаевна Головина,
1766 — 1821

La Comtesse Varvara Nikolaewna Golovine,
1766 — 1821

160

Дмитрій Павловичъ Татищевъ,
1767 — 1845

Dmitri Pavlowitch Tatichtcheff,
1767 — 1845

161

Юлія Александровна Татищева,
17.. — 184.

Julie Alexandrowna Tatichtcheff,
17.. — 184.

162

Графъ Николай Николаевичъ Головинъ,
176. — 1820

Le Comte Nicolas Nikolaewitch Golovine,
176. — 1820

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Князь АЛЕКСѢЙ БОРИСОВИЧЪ КУРАКИНЪ, 1759 — 1829, сынъ гофмейстера сенатора Бориса Александровича Куракина отъ брака его съ Еленой Степановной Апраксиной, родился 19 Сентября 1759 года. Куракинъ началъ службу въ гвардіи, но, будучи пожалованъ Императрицей Екатериной въ камеръ-юнкеры, перешелъ въ гражданскую службу въ канцелярію генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго, подъ начальство Алексѣя Ивановича Васильева, впослѣдствіи графа и министра финансовъ. Какъ внучатный племянникъ графа Никиты Ивановича Панина и младшій братъ князя Александра Борисовича Куракина, князь Алексѣй пользовался особеннымъ вниманіемъ Великаго Князя Павла Петровича и помогалъ ему въ составленіи проектовъ о реформахъ въ Россіи, но по этой же причинѣ за все царствованіе Екатерины II получилъ лишь камергерскій ключъ и чинъ тайнаго совѣтника. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, Куракинъ былъ осыпанъ милостями. Онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Ассигнаціоннаго банка, генералъ-прокуроромъ (4 Декабря 1796 г.) и присутствующимъ въ совѣтѣ Его Величества, министромъ департамента удѣльныхъ имѣній, канцлеромъ россійскихъ орденовъ и пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (5 Апрѣля 1797 г.) и орденомъ св. Андрея Первозваннаго (19 Декабря 1797 г.), хотя Куракину было въ это время всего 38 лѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему пожаловано было нѣсколько тысячъ душъ и богатыя рыбныя ловли на Волгѣ. Пользовавшійся поддержкой Императрицы Маріи Ѳеодоровны и фрейлины Нелидовой, Куракинъ потерялъ свое значеніе, когда, въ Іюлѣ 1798 г., Императоръ Павелъ освободился отъ ихъ вліянія: 8 Августа 1798 г. князь Куракинъ былъ назначенъ сенаторомъ, а вслѣдъ затѣмъ и совсѣмъ долженъ былъ выйти въ отставку. Императоръ Александръ I вновь призвалъ его на службу, и 4 Февраля 1802 г. онъ былъ назначенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1807 г.—министромъ Внутреннихъ дѣлъ. Въ 1810 г. Куракину повелѣно было присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, при чемъ онъ неоднократно исполнялъ должность предсѣдателя его. Въ этомъ же году Императоръ Александръ отправилъ князя Алексѣя Борисовича въ Парижъ, чтобы привѣтствовать Наполеона по случаю бракосочетанія его съ Маріей-Луизой. Въ 1826 г. Императоръ Николай именовалъ его канцлеромъ россійскихъ орденовъ.

Князь Куракинъ былъ покровителемъ Сперанскаго при первыхъ шагахъ послѣдняго на служебномъ поприщѣ: онъ взялъ его къ себѣ сначала въ домашніе секретари, а затѣмъ, въ 1797 г., опредѣлилъ въ свою генералъ-прокурорскую канцелярію и первый оцѣнилъ его выдающіяся способности и талантливое перо.

Умеръ князь А. Б. Куракинъ 30 Декабря 1829 г. и погребенъ въ селѣ Куракинѣ; отъ брака съ Наталіей Ивановной Головиной (1766—1851; см. № 147) имѣлъ сына Бориса (1784—1850; см. № 151) и двухъ дочерей: Елену (въ замужествѣ за графомъ Николаемъ Ивановичемъ Зотовымъ) и Александру (въ 1-мъ бракѣ за Николаемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ, по разводѣ, во 2-мъ—за генералъ-адъютантомъ Чичеринымъ).

Умный и ловкій царедворецъ, Куракинъ не оставилъ, однако, послѣ себя доброй славы, какъ человѣкъ и государственный дѣятель; современники свидѣтельствуютъ, что личныя выгоды стояли для него часто на первомъ планѣ. Князь П. М. Долгорукій такъ характеризовалъ князя Куракина въ своемъ „Капищѣ сердца“: „Князь Алексѣй былъ совсѣмъ другого свойства человѣкъ: тотъ (братъ кн. Александръ былъ тщеславенъ, этотъ чрезвычайно гордъ, надменность его все превышала“; впрочемъ, „онъ то былъ гордъ, то слишкомъ привѣтливъ, все зависѣло отъ минуты, и такой характеръ въ начальникѣ неспосенъ. Всякій знакъ его вниманія, даже самаго благодѣтельнаго, былъ тяжелъ, ибо онъ покупался не столько подвигами, званію свойственными, какъ разными низкими угожденіями, кои такъ противны всякому благородному сердцу“. Въ своемъ „Куракинѣ“, Малоархангельскаго уѣзда, князь Алексѣй Борисовичъ жилъ съ необыкновенной пышностью, въ громадномъ, деревянномъ, роскошномъ дворцѣ, съ многочисленной дворней, среди которой былъ цѣлый штатъ „придворныхъ“, именовавшихся придворными званіями, при чемъ всегда и во всемъ соблюдался самый строгій этикетъ, которому должны были подчиняться даже члены княжеской семьи.

(Съ миніатюры Ритта; собственность князя Б. А. Куракина, с. Куракино, Орловской губ.)

Le prince ALEXIS BORISSOWITCH KOURAKINE, 1759—1829, fils du maître de la Cour et sénateur Boris Alexandrowitch Kourakine et d'Hélène Stépanowna, née Apraxine, naquit le 19 septembre 1759. Il prit d'abord du service dans la Garde, mais, fait gentilhomme de la chambre par l'Impératrice Catherine, il passa au service civil dans la chancellerie du prince Viazemsky, procureur général, sous la direction d'Alexis Vassilieff, plus tard comte et ministre des finances. Comme neveu par alliance du comte Nikita Panine et frère cadet du prince Alexandre Kourakine, il jouit de la faveur particulière du Grand-Duc Paul Pétrowitch et collabora à ses projets de réformes: mais aussi, de tout le règne de Catherine II, ne reçut-il autre chose que la clef de chambellan et le rang de conseiller privé. A dater de l'avènement de Paul, il fut comblé de faveurs. Il fut nommé directeur général de la Banque des Assignations, procureur général (4 décembre 1796) et membre du Conseil de Sa Majesté, ministre du département des domaines, chancelier des Ordres russes, et reçut en même temps le rang de conseiller privé actuel (5 avril 1797) et l'ordre de St-André (19 décembre 1797): il n'avait alors que 38 ans. Il fut en outre gratifié de plusieurs milliers de têtes de paysans et de riches pêcheries sur le Volga. Soutenu par l'Impératrice Marie Féodorowna et Mlle Nélidoff, il perdit toute son importance lorsque, en juillet 1798, l'Empereur se fut affranchi de leur tutelle: le 8 août 1798, il fut nommé sénateur, et dut même prendre tout à fait sa retraite. Alexandre Ier le rappela au service: le 4 février 1802, il fut nommé gouverneur de la Petite-Russie et, en 1807, ministre de l'intérieur. En 1810, il fut invité à siéger au Conseil de l'Empire, où il remplit à plusieurs reprises les fonctions de président. La même année, l'Empereur l'envoya à Paris féliciter Napoléon à l'occasion de son mariage avec Marie-Louise. En 1826, l'Empereur Nicolas lui conféra le titre de chancelier des Ordres russes.

Le prince Kourakine fut le protecteur de Spéransky à ses débuts dans la carrière: il le prit d'abord comme secrétaire particulier, puis, en 1797, le fit entrer dans sa chancellerie de procureur général et fut le premier à apprécier ses éminentes capacités et ses talents d'écrivain.

Le prince Alexis Kourakine mourut le 30 décembre 1829 et fut inhumé au village de Kourakino; de son mariage avec Natalie Ivanowna Golovine (1766—1831; v. № 147) il eut un fils Boris (1784—1850; v. № 151) et deux filles, Hélène, mariée au comte Nicolas Ivanowitch Zotoff, et Alexandrine, qui épousa Nicolas Serguéewitch Saltykoff, divorça, et se remaria avec le général aide de camp Tchitchérine.

Intelligent et adroit comme courtisan, Kourakine ne laissa pourtant pas après lui un bon renom comme homme ni comme homme d'état; les contemporains attestent qu'il fit passer avant tout ses intérêts personnels. Le prince Dolgorouky fait de lui le portrait suivant dans son Sanctuaire de mon cœur: „Le prince Alexis était un homme d'un tout autre genre: son frère Alexandre était vain, lui était d'une fierté excessive, d'une arrogance extrême"; d'ailleurs „il était tantôt fier, tantôt trop affable: tout dépendait du moment. Or un tel caractère est insupportable chez un chef. La moindre marque de son attention, même la plus bienveillante, était pénible, car elle était le prix, moins des services que comportait la fonction que de toute espèce de complaisances qui répugnent tant à un homme de sentiments délicats". Dans son Kourakino, district de Malo-Arkhangelsk, le prince déployait un faste inouï: il habitait un palais immense et splendide, construit en bois, avec un personnel considérable, comportant toute la hiérarchie d'une Cour, avec titres de Cour; on observait toujours et en tout la plus rigoureuse étiquette, à laquelle étaient soumis même les membres de la famille.

(D'après une miniature de Ritt, appartenant au prince B. Kourakine, Kourakino, gouv. d'Orel.)

164

Графиня **ЕЛИЗАВЕТА ЕГОРОВНА КОМАРОВСКАЯ**, 178.—1847, дочь орловскаго губернскаго предводителя дворянства Егора Лаврентіевича Цурикова отъ брака съ Евдокіей Дмитріевной Арсеньевой, получила хорошее воспитаніе и 8 Января 1802 г. вышла замужъ за генералъ-адъютанта Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго (1769—1843; см. № 103), въ слѣдующемъ году возведеннаго въ графское Священной Римской имперіи достоинство. Свадьба происходила въ Москвѣ, гдѣ жила мать невѣсты, въ то время уже вдова. Е. Е. Цурикова принесла мужу въ приданое большое состояніе, въ томъ числѣ с. Городище, Орловской губерніи, гдѣ графъ Комаровскій поселился послѣ оставленія имъ службы и увлекался сельскимъ хозяйствомъ. Бракъ Комаровскихъ былъ самый счастливый: графъ Евграфъ Ѳедотовичъ былъ прекрасный семьянинъ, нѣжно любившій жену и дѣтей, съ большимъ почтеніемъ относившійся и къ матери жены, Е. Д. Цуриковой. 1 Іюля 1817 г. графиня Комаровская была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста. Умерла 15 Декабря 1847 года.

У графини Комаровской было 5 сыновей: Егоръ, Александръ, Владиміръ, Павелъ и Алексѣй, и 3 дочери: Евдокія, Анна (въ замужествѣ за генералъ-адъютантомъ Шиповымъ) и Софья (за Комовскимъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей графу Л. А. Комаровскому, въ Москвѣ.)

164

La comtesse ELISABETH EGOROWNA KOMAROWSKY, 178.—1847, fille d'Egor Lavrentiewitch Tsourikoff, maréchal de la noblesse du gouvernement d'Orel, et d'Eudoxie Dmitriewna Arsénieff, reçut une bonne éducation et épousa, le 8 janvier 1802, le général aide de camp Eugraphe Fédotowitch Komarowsky (1769—1843) (v. № 103), qui fut élevé l'année suivante à la dignité de comte du Saint Empire Romain. Le mariage eut lieu à Moscou, où habitait la mère de la fiancée, déjà veuve. La jeune comtesse avait dans sa grosse dot le village de Gorodichtché, gouvernement d'Orel, où son mari se retira à sa retraite pour se consacrer avec passion à l'exploitation rurale. Le mariage fut des plus heureux: le comte était un père de famille modèle, tendrement attaché à sa femme et à ses enfants, et plein d'égards aussi pour sa belle-mère. Le 1er juillet 1817, la comtesse fut faite dame de Ste-Catherine. Elle mourut le 15 décembre 1847.

La comtesse Komarowsky eut cinq fils, Egor, Alexandre, Vladimir, Paul et Alexis, et trois filles, Eudoxie, Anna qui épousa le général aide de camp Chipoff, et Sophie (Mme Komowsky).

(D'après une miniature appartenant au comte L. Komarowsky, Moscou.)

МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА НАРЫШКИНА, 1762—1822, младшая изъ дочерей адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина (1722—1797), женатаго на Аннѣ-Елизаветѣ фонъ-Брадке (1733—1776), родилась 9 Марта 1762 года. Пяти лѣтъ она была помѣщена въ только-что основанное Екатериною Общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь), при второмъ пріемѣ воспитанницъ въ это учрежденіе, и 19 Сентября 1775 г. удостоилась награды вензелемъ Императрицы, на сѣрой лентѣ съ одной серебряной полоской. По окончаніи обычнаго 12-лѣтняго курса, въ 1779 г., М. А. Сенявина была выпущена изъ Смольнаго и, два года спустя, была пожалована во фрейлины. Вскорѣ затѣмъ она вступила въ бракъ съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ (1760—1826), впослѣдствіи оберъ-камергеромъ и главнымъ директоромъ театровъ. Какъ при Екатеринѣ, такъ и въ послѣдующія два царствованія Павла и Александра I, супруги Нарышкины были въ числѣ самыхъ близкихъ ко двору лицъ; въ 1799 г. М. А. Нарышкина была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста, а 1 Января 1808 г.—въ статсъ-дамы. Злые языки увѣряли, что ей хотѣлось получить затѣмъ Екатерининскую ленту, и что неудовлетвореніе этого ея желанія было причиною того, что она „будировала“ и уговорила мужа уѣхать за границу. Вмѣстѣ съ мужемъ, назначеннымъ состоять при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ во время Вѣнскаго конгресса, она сопровождала Императорскую чету въ Вѣну, въ 1815 году. Послѣ этого Нарышкины провели нѣсколько лѣтъ за границей, и роскошный образъ жизни ихъ во Флоренціи, гдѣ они имѣли два палаццо и виллу за городомъ, нѣмецкаго барона въ качествѣ управляющаго, огромный штатъ прислуги, секретарей, компаньоновъ и компаньонокъ, калмыковъ и калмычекъ, поражалъ иностранцевъ своимъ великолѣпіемъ и неслыханными причудами стараго русскаго барства.

По красотѣ М. А. Нарышкина не уступала своей старшей сестрѣ, графинѣ Е. А. Воронцовой; о нравственныхъ же ея качествахъ мнѣнія современниковъ расходились; многіе завидовали Нарышкинымъ и злословили ихъ, какъ, напр., желчный Ростопчинъ: „Depuis cette faveur de M. Naryschkine“, пишетъ онъ, „lui et madame ont fait bien voir la trempe de leurs âmes et tous deux ont secoué le joug de la pudeur et de l'honnêteté“. Не менѣе его злой, Вигель надѣляетъ въ то же время Марію Алексѣевну „благородными чувствами, бережливостью, аристократическою гордостью и крутымъ нравомъ“; а вотъ что пишетъ о ней мужъ ея сестры, графъ С. Р. Воронцовъ, одинъ изъ честнѣйшихъ и правдивѣйшихъ людей своего времени: „J'aime et j'estime infiniment ma belle-sœur, Марія Алексѣевна, elle a toujours été parfaite dans sa conduite: bonne fille, bonne sœur, bonne femme et bonne mère“. Имя ея не встрѣчается въ скандальной хроникѣ русскаго общества того времени, хотя Екатерина II и дразнила А. Л. Нарышкина, увѣряя, что нѣкто Азиковъ, бывшій своимъ человѣкомъ у него въ домѣ, оспариваетъ у него супружескія права. Нарышкинъ же, поддакивая этой шуткѣ и напѣвая передъ Государыней модную въ то время арію: „Voilà l'objet de ma flamme“, подмигивалъ въ сторону Азикова, произнося „femme“, вмѣсто „flamme“.

М. А. Нарышкина скончалась въ Петербургѣ 30 Декабря 1822 г. и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ. Въ городѣ много говорили о ея кончинѣ и выказанныхъ ею передъ смертью христіанскомъ смиреніи и твердости духа. Она имѣла двухъ сыновей: Льва, женатаго на графинѣ О. С. Потоцкой, и Кирилла—на княжнѣ М. Я. Лобановой-Ростовской, и двухъ дочерей: Марію, умершую дѣвицей, и Елену—въ первомъ бракѣ за княземъ А. А. Суворовымъ, а во второмъ—за княземъ В. С. Голицынымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей В. Л. Нарышкину, въ С.-Петербургѣ.)

MARIE ALEXÉEWNA NARYCHKINE, 1762—1822, la plus jeune fille de l'amiral Séniavine (1722—1797) et d'Anne-Elisabeth, née von Bradke (1733—1776), naquit le 9 mars 1762. A l'âge de 5 ans, on la mit à l'Institut des jeunes filles nobles (Smolna), qui venait d'être fondé par Catherine; elle fut de la seconde promotion et reçut, le 19 septembre 1775, le chiffre de l'Impératrice avec cordon gris à bande d'argent. Elle y passa les douze ans réglementaires, en sortit en 1779 et, deux ans plus tard, fut faite demoiselle d'honneur. Elle épousa peu après Alexandre Lvowitch Narychkine (1760—1826) qui fut dans la suite grand chambellan et directeur général des théâtres. Tant sous le règne de Catherine que sous ceux de Paul et d'Alexandre, les Narychkine furent des plus en faveur à la Cour; en 1799, Mme Narychkine fut faite dame de Ste-Catherine, et, le 1er janvier 1808, dame d'honneur. Les mauvaises langues prétendent qu'elle voulut ensuite le cordon de Ste-Catherine et que, n'ayant pu l'obtenir, elle se mit à „bouder" et décida son mari à partir pour l'étranger. Ils allèrent, en 1815, accompagner le couple Impérial au Congrès de Vienne, où Narychkine avait été attaché à la personne de l'Impératrice. Ils passèrent ensuite plusieurs années à l'étranger: à Florence, où ils avaient deux palais en ville et villa aux environs, un baron allemand pour intendant, un personnel de service considérable, des secrétaires, des hommes et des dames de compagnie, des kalmouks hommes et femmes, le faste qu'ils déployèrent fit l'étonnement général par sa magnificence et les prodiges d'excentricité de ce train de maison à la vieille mode russe.

Pour la beauté, Mme Narychkine ne le cédait en rien à sa sœur aînée, la comtesse Worontzoff. Quant au moral, les contemporains ne sont pas d'accord: il ne manque pas parmi eux de jaloux et de médisants, comme le fielleux Rostoptchine: „Depuis cette faveur de M. Narychkine", écrit-il, „lui et madame ont bien fait voir la trempe de leurs âmes et tous deux ont secoué le joug de la pudeur et de l'honnêteté". De son côté, Wiegel, qui ne saurait passer non plus pour bienveillant, accorde à Mme Narychkine „de l'élévation de sentiments, de l'esprit d'économie, de la fierté aristocratique et un caractère difficile". Voici aussi ce que dit d'elle le mari de sa sœur, le comte S. Worontzoff, un des hommes les plus honorables et les plus équitables de son temps: „J'aime et j'estime infiniment ma belle-sœur; elle a été toujours parfaite dans sa conduite, bonne fille, bonne sœur, bonne femme et bonne mère". Son nom ne figure pas dans la chronique scandaleuse de l'époque; pourtant Catherine II, pour taquiner Alexandre Narychkine, prétendit qu'un certain Azikoff, qui avait été des intimes de sa maison, empiétait sur ses prérogatives de mari; Narychkine emboîta le pas et fredonna à l'Impératrice l'air alors en vogue: „Voilà l'objet de ma flamme", en clignant de l'œil du côté d'Azikoff et en disant „femme" au lieu de „flamme".

Marie Narychkine mourut à St-Pétersbourg le 30 décembre 1822, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky. Elle édifia toute la ville par sa fin chrétienne et par l'humilité et la fermeté d'âme dont elle fit preuve devant la mort. Elle avait eu deux fils, Léon, qui épousa la comtesse O. Potocki, et Cyrille la princesse M. Lobanoff-Rostowsky, et deux filles, Marie, qui ne fut pas mariée, et Hélène, qui épousa en premières noces le prince A. Souvoroff, et en secondes noces le prince B. Golitzyne.

(D'après une miniature appartenant à M. V. Narychkine, St-Pétersbourg.)

163

Пис. Риттъ

Князь Алексѣй Борисовичъ
Куракинъ,
1759 — 1829

Le Prince Alexis Borissowitch
Kourakine,
1759 — 1829

164

Графиня Елизавета Егоровна
Комаровская,
178 . — 1847

La Comtesse Elisabeth Egorowna
Komarowsky,
178 . — 1847

165

Марія Алексѣевна
Нарышкина,
1762 — 1822

[illegible]
[illegible]
[illegible]

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПАРЫШКИНА, 1769—1844, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Александра Николаевича Строганова († 15 Марта 1789 г.) отъ брака его съ Елизаветой Александровной Загряжской (1745—1832), родилась 21 Мая 1769 года; въ 1787 г. вышла замужъ за Ивана Александровича Парышкина, впослѣдствіи оберъ-камергера и оберъ-церемоніймейстера. Мать ея, извѣстная красавица Екатерининскаго двора, одна изъ первыхъ въ числѣ придворныхъ дамъ, послѣдовала примѣру Императрицы, позволивъ привить себѣ оспу. Отъ нея Екатерина Александровна унаслѣдовала отличавшую ее красоту и представительную наружность. Высокаго роста, немного полная, съ голубыми, нѣсколько на выкатѣ близорукими глазами, съ смѣлымъ и открытымъ выраженіемъ лица, она, по характеру своему, была то, что называется „une maîtresse femme“, и держала мужа и дѣтей въ сжёныхъ рукавицахъ. Особенно доставалось отъ нея мужу за его вѣтреность и многочисленныя любовныя похожденія. Въ петербургскомъ обществѣ Е. А. Парышкина имѣла очень видное положеніе, благодаря высокому придворному чину мужа, родственнымъ и дружескимъ отношеніямъ къ Маріи Антоновнѣ Парышкиной и постоянному вниманію Императора Александра I, посѣщавшаго Парышкиныхъ въ домѣ ихъ, на Разъѣзжей, у Пяти угловъ. Положенія этого не поколебала даже постигшая ея мужа служебная непріятность, заставившая его оставить службу при дворѣ и переселиться на жительство въ Москву. Поселившись въ купленномъ ими домѣ Архаровыхъ на Пречистенкѣ, на углу Мертваго переулка, Е. А. Парышкина не порвала связей съ Петербургомъ и часто пріѣзжала въ столицу, останавливаясь у своей большой пріятельницы, жены министра финансовъ, графини Прасковьи Николаевны Гурьевой, рожденной графини Салтыковой. Когда, послѣ коронаціи Императора Николая I, братъ ея, графъ Григорій Александровичъ Строгановъ, женившійся вторымъ бракомъ на графинѣ Юліи Петровнѣ Оейгаузенъ (рожд. д'Альмеда), не безъ основанія сомнѣвался въ пріемѣ, который встрѣтитъ въ обществѣ его жена, онъ обратился за помощью къ сестрѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Парышкина, пользовавшаяся, благодаря своему независимому характеру и безукоризненной репутаціи, большимъ авторитетомъ среди многочисленной и вліятельной родни, безъ труда ввела свою невѣстку въ самые щепетильные петербургскіе дома. Будучи, въ противоположность мужу, скорѣе необщительнаго характера, Е. А. Парышкина мало показывалась въ московскомъ свѣтѣ, чѣмъ заслужила упреки въ гордости и высокомѣріи. Скончалась она въ Москвѣ 30 Декабря 1844 года, переживъ мужа на четыре года, и похоронена рядомъ съ нимъ въ Донскомъ монастырѣ.

Е. А. Парышкина имѣла трехъ сыновей и двухъ дочерей. Старшій сынъ, Александръ, красивый и блестящій офицеръ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, подававшій большія надежды, былъ убитъ въ 1809 г. на дуэли графомъ Ф. И. Толстымъ („Американцемъ“); второй, Григорій (1790—1835), женатъ былъ на вдовѣ А. В. Мухановой, рожденной княжнѣ Мещерской, а третій, Алексѣй (1794—1868)—на Е. А. Хрущевой. Изъ дочерей старшая, фрейлина Елизавета (р. 1791 г.), извѣстная въ Москвѣ подъ прозваніями „la grosse Lison“ и „бѣдная Лиза“ (намекъ на деспотическій характеръ матери), умерла дѣвицею, а младшая, Варвара, вышла въ 1811 г. замужъ за корнета Кавалергардскаго полка С. И. Нелюдова.

(Съ портрета Вуаля, принадлежащаго графинѣ Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

CATHERINE ALEXANDROWNA NARYCHKINE, 1769—1844, fille du baron Alexandre Nikolaewitch Stroganoff († 15 mars 1789), conseiller privé actuel, et d'Elisabeth Alexandrowna, née Zagriajsky (1745—1832), naquit le 21 mai 1769. Elle épousa en 1787 Ivan Alexandrowitch Narychkine, dans la suite grand chambellan et grand maître des cérémonies. Sa mère, beauté renommée de la Cour de Catherine, fut une des premières de la Cour à suivre l'exemple de l'Impératrice en se faisant vacciner; c'est d'elle que sa fille tenait sa remarquable beauté et son physique décoratif. Grande et forte, myope avec des yeux bleus un peu à fleur de tête, une physionomie franche et ouverte, elle était de caractère ce qu'on appelle une maîtresse femme et tenait la dragée haute à son mari et à ses enfants: son mari particulièrement eut affaire à elle pour son humeur volage et ses frasques sans nombre. Elle avait dans la société de Pétersbourg une position très en vue, en raison du rang élevé de son mari à la Cour, de ses relations de parenté et d'amitié avec Marie Antonowna Narychkine, et de l'attention constante de l'Empereur Alexandre Ier, qui honorait les Narychkine de ses visites dans leur maison de Razezjaïa, aux Cinq-Coins. Cette position ne souffrit même pas d'un désagrément qui arriva à son mari dans le service et l'obligea à résigner ses fonctions près de la Cour pour aller se fixer à Moscou. De sa maison de la Prétchistenka, l'ancienne maison Arkharoff, Mme Narychkine resta en relations avec Pétersbourg: elle y venait souvent, descendant chez sa grande amie la comtesse Prascovie Nikolaewna Gourieff, née comtesse Saltykoff, la femme du ministre des finances. Après le couronnement de l'Empereur Nicolas Ier, son frère Alexandre, marié en secondes noces à la comtesse Julie Œynhausen, née d'Almeida, ayant conçu, et pour cause, des appréhensions sur l'accueil que la société ferait à sa femme, eut recours à son intermédiaire. Mme Narychkine arriva à Pétersbourg, et, grâce à la haute autorité que son indépendance de caractère et sa réputation irréprochable lui avaient donnée parmi sa nombreuse et influente parenté, elle n'eut pas de peine à introduire sa belle-sœur dans les maisons les plus pointilleuses de Pétersbourg. Tout l'opposé de son mari par son caractère plutôt peu liant, elle fréquentait peu la société de Moscou, qui lui reprocha d'être fière et orgueilleuse. Elle mourut à Moscou, le 30 décembre 1844, et fut inhumée au monastère Donskoï près de son mari, auquel elle avait survécu de quatre ans.

Mme Narychkine eut trois fils et deux filles. L'aîné de ses fils, Alexandre, un brillant officier des chasseurs de la Garde qui donnait de grandes espérances, fut tué en duel, en 1809, par le comte Tolstoï („l'Américain"); le second, Grégoire (1790—1835), épousa une veuve, Mme Moukhanoff, née princesse Mechtchersky, et le troisième, Alexis (1794—1868), Mlle Khrouchtcheff. De ses filles, l'aînée, Elisabeth, née en 1791, demoiselle d'honneur, connue à Moscou sous les surnoms de „la grosse Lison" et „Pauvre Lise" (allusion au caractère despotique de la mère), ne fut pas mariée, et la seconde, Varvara, épousa en 1811 S. Néklioudoff, cornette aux Chevaliers-Gardes.

(D'après un original de Voille, appartenant à la comtesse N. Sollogoub, Moscou.)

НАТАЛІЯ ВАСИЛЬЕВНА БУЛГАКОВА, 1785—1841, дочь сенатора князя Василія Алексѣевича Хованскаго (1755—1830) и первой его жены Екатерины Петровны Нарышкиной (1757—1795), родилась 7 Мая 1785 года. Рано лишившись материнскихъ заботъ, воспитанная отцомъ, человѣкомъ пустымъ, очень тяжелымъ и безпорядочнымъ въ семейной жизни, „Наташа", добрая и серьезная, съ спокойнымъ характеромъ, вышла дѣвушкой домовитой, не охотницей до нарядовъ и пустыхъ развлеченій. По отзыву Вигеля, она „была умна; маленькая спѣсь, насмѣшливость, едва замѣтное кокетство, съ лицомъ весьма пріятнымъ, уже въ ребячествѣ дѣлали ее оригинально-привлекательною; уже тогда было замѣтно, что она, подобно отцу своему, будетъ любить все житейское... Въ 16 лѣтъ смѣлые взоры ея уже искали высокихъ жертвъ, а плѣнительный голосъ ея всѣхъ удивлялъ"... Будущій ея мужъ писалъ о ней: „Старшая пость, какъ Богъ, что за голосъ, такъ въ сердце и лѣзетъ". 24 лѣтъ, въ 1809 г., она вышла замужъ за извѣстнаго впослѣдствіи московскаго почтъ-директора Александра Яковлевича Булгакова (1781—1863; см. № 83). Булгаковъ былъ давно уже неравнодушенъ къ княжнѣ Н. Хованской и писалъ старику отцу: „Я люблю ее, какъ душу, и тою же платою любовью". Онъ былъ увѣренъ въ ея „прочной привязанности", тѣмъ болѣе, что княжна „отвергла двѣ выгодныя партіи: съ молодымъ Куракинымъ и княземъ Горчаковымъ". Я. И. Булгаковъ, несмотря на то, что Наташа была его „фавориткой", сначала былъ противъ, имѣя въ виду „чванство князя Василія"; потомъ радовался выбору своего старшаго сына, но ему не суждено было дождаться свадьбы († 7 Іюля 1809 г.). Свадьба была въ с. Горбовѣ, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи, 27 Августа 1809 года. По характеру и вкусамъ, жена являлась прямой противоположностью мужу, тѣмъ не менѣе, бракъ былъ самый счастливый. Поглощенный всецѣло службой и общественными интересами, перепиской съ многочисленными друзьями, пріемами, визитами и московскими сплетнями, Булгаковъ мало времени посвящалъ семьѣ и своей спокойной семейной жизнью былъ всецѣло обязанъ женѣ, которой зато щедро разсыпалъ похвалы въ своихъ письмахъ къ брату. Впрочемъ, и самъ К. Я. Булгаковъ любилъ и уважалъ Наталію Васильевну. Воспитаніе дѣтей и все хозяйство находилось въ рукахъ послѣдней. Мало того, удовлетворяя вкусамъ супруга, отличная хозяйка, Н. В. Булгакова, при небольшихъ сравнительно средствахъ, устраивала часто пріемы, обѣды, вечера и всякія увеселенія, къ которымъ имѣлъ такое пристрастіе самъ А. Я. Булгаковъ... И она всегда угождала мужу, который приходилъ въ восторгъ отъ умѣнья „Наташи" сдѣлать все хорошо, своими средствами, дома, и не сконфузиться передъ нерѣдко очень богатыми или высокопоставленными гостями. У Булгаковыхъ было всегда радушно и весело. Кромѣ домашняго хозяйства, Н. В. Булгакова вела всѣ дѣла и по имѣніямъ. Въ 1822 г., въ Бѣлорусской деревнѣ, она завела ткацкую, полотна съ которой шли на домашній обиходъ, а въ селѣ Горбовѣ не только поддерживала суконную фабрику, перешедшую къ ней отъ отца, но расширила ее и брала на себя казенныя поставки суконъ. Когда, въ 1833 г., случился бунтъ рабочихъ на сосѣднихъ фабрикахъ, Булгакова сама пріѣхала на горбовскую фабрику, долго жила здѣсь и сохранила спокойствіе. Мужъ хвалилъ жену и писалъ о ней: „Наташа женщина въ бездѣлкахъ, а въ казусахъ она лучше иного нашего брата". Находя у ней „мужскія добродѣтели", А. Я. Булгаковъ писалъ брату: „Ея нельзя не любить, особенно же мнѣ. Я столько имѣлъ безчисленныхъ опытовъ страстной ея любви ко мнѣ и дружбы и сколько ни шатался по свѣту, не находилъ ни одной подобной женщины".

У Н. В. Булгаковой было 12 человѣкъ дѣтей, но въ живыхъ остались 2 сына и 2 дочери: Константинъ (р. 17 Апр. 1812 г.) и Павелъ (р. 1825 г.), Екатерина (р. 1 Марта 1811 г.; въ замужествѣ Соломірская) и Ольга (р. 1 Іюля 1814 г.; замужемъ за княземъ А. С. Долгорукимъ). Наталія Васильевна была заботливая, прекрасная мать. „Je remercie Dieu", говорила она, „pour mes enfants. Je leur dois beaucoup, car je me suis corrigée de bien des choses par la crainte de leur donner un mauvais exemple".

Н. В. Булгакова умерла 9 Апрѣля 1841 года; мужъ пережилъ ее на 22 года и въ старости вторично женился.

(Съ рисунка Молинари 1810 г. (по копіи Астрахова), принадлежащаго Е. К. Булгаковой, въ С.-Петербургѣ.)

NATALIE VASSILIEWNA BOULGAKOFF, 1785—1841, fille du prince Basile Alexéewitch Khovansky (1755—1830), sénateur, et de sa première femme, Catherine Pétrowna Narychkine (1757—1795), naquit le 7 mai 1785. Privée de bonne heure des soins maternels et élevée par son père, homme intellectuellement insignifiant, et, dans son intérieur, encombrant et désordonné, Natacha, bonne, sérieuse et douce, fit une jeune fille entendue, sans goût pour la parure et les distractions frivoles. Au témoignage de Wiegel, „elle était intelligente; un caractère un peu hautain et railleur, un grain de coquetterie et une physionomie fort agréable lui donnèrent dès son enfance une originalité attrayante: on voyait déjà qu'elle serait, comme son père, une bonne vivante.... A 16 ans, ses regards hardis semblaient chercher des victimes de marque, et sa voix charmante enchantait tout le monde": son futur mari écrivait d'elle: „L'aînée a une voix délicieuse, une voix qui pénètre le cœur". A 24 ans, elle épousa Alexandre Yakovlewitch Boulgakoff (1781—1863; v. № 83), connu dans la suite comme directeur des postes de Moscou. Il y avait déjà longtemps qu'elle ne lui était pas indifférente; il écrivait à son vieux père: „C'est sa personnalité que j'aime, et nous nous payons de retour". Il était sûr de „sa bonne amitié", d'autant plus „qu'elle avait déjà refusé deux partis avantageux, le jeune Kourakine et le prince Gortchakoff". Le vieux Boulgakoff, bien qu'il eût un faible pour Natacha, ne voulut pas d'abord donner son consentement, en raison de „l'ostentation du prince Basile"; il finit pourtant par approuver le choix de son fils aîné, mais n'eut pas le bonheur de vivre jusqu'au mariage († 7 juillet 1809): la cérémonie eut lieu à Gorbovo, près Moscou, le 27 août 1809. De caractère et de goûts, la jeune femme se trouva être tout l'opposé de son mari, et pourtant l'union fut des plus heureuses. Complètement absorbé par ses fonctions et ses intérêts de société, sa nombreuse correspondance, ses réceptions, ses visites et les commérages de Moscou, il avait peu de temps à consacrer à son intérieur: tout son bonheur domestique était l'œuvre de sa femme, à laquelle d'ailleurs il ne ménage pas les éloges dans ses lettres à son frère; celui-ci, de son côté, aimait et admirait sa belle-sœur. L'éducation des enfants et tous les soins du ménage étaient aux mains de Mme Boulgakoff, et elle avait encore l'art de complaire à son mari en organisant fréquemment, avec des ressources relativement peu considérables, des réceptions, dîners, soirées et toute espèce de distractions pour lesquelles il avait une véritable passion. Et elle savait toujours le contenter: il était dans l'enthousiasme de l'habileté de sa Natacha à tout bien arranger, avec ce qu'on avait, chez soi, et sans avoir à rougir devant des invités parfois fort riches ou haut placés. Chez elle, on était bien reçu et on ne s'ennuyait pas. Outre les soins du ménage, elle avait encore ceux de la gérance des propriétés. En 1822, elle installa à Bélorousskaïa une tisserie pour les besoins de la maison, et la manufacture de draps que son père lui avait laissée à Gorbovo, non seulement elle la fit valoir, mais encore elle l'agrandit et y prit les commandes de l'Etat. Lorsque, en 1833, il y eut des troubles parmi les ouvriers des fabriques voisines, elle vint à Gorbovo, y resta et y maintint l'ordre. Son mari lui rendait bien justice; il disait: „Natacha est une femme pour les petites choses, mais quand ça devient sérieux, il y a bien des hommes qui ne la valent pas". Il lui trouvait „des vertus masculines" et écrivait à son frère: „On ne peut pas ne pas l'aimer, surtout moi. J'ai fait tant de fois l'épreuve de son amour passionné et de son amitié pour moi! J'ai eu beau courir le monde, je n'en ai pas vu une seule comme elle".

Elle eut douze enfants, dont il ne survécut que deux fils et deux filles, Constantin (né 17 avril 1812), Paul (né 1825), Catherine (née 1er mars 1811), qui épousa Solomirsky, et Olga (née 1er juillet 1814), mariée au prince A. Dolgorouky. Ce fut une excellente mère, pleine de sollicitude: „Je remercie Dieu", disait-elle, „pour mes enfants. Je leur dois beaucoup, car je me suis corrigée de bien des choses par la crainte de leur donner un mauvais exemple".

Elle mourut le 9 avril 1841; son mari lui survécut de 22 ans et sur ses vieux jours se remaria.

(D'après une copie par Astrakhoff d'un dessin de Molinari [1810] appartenant à Mme Boulgakoff, St-Pétersbourg.)

166

Екатерина Александровна Нарышкина,
1769 — 1844

Catherine Alexandrowna Narychkine,
1769 — 1844

167

Наталія Васильевна Булгакова,
1785 — 1841

Natalie Vassiliewna Boulgakoff,
1785 — 1841

ПЕТРЪ ХРИСАНФОВИЧЪ ОБОЛЬЯНИНОВЪ, 1753—1841, генералъ-прокуроръ, сынъ полковника Хрисанфа Ефимовича, небогатый порховскій дворянинъ, въ дѣтствѣ не получилъ никакого образованія, едва умѣлъ писать, не зналъ ни одного иностраннаго языка и не любилъ ничего иноземнаго. Своимъ возвышеніемъ всецѣло обязанъ себѣ, своему здравому смыслу, быстрому соображенію, исполнительности, настойчивому характеру и слѣпому случаю. Когда, въ 1768 г., 15-и лѣтъ Обольяниновъ былъ записанъ въ военную службу, въ армію, и когда, въ 1780 г., вышелъ въ отставку только премьеръ-майоромъ, никто, конечно, не могъ предвидѣть его позднѣйшаго высокаго положенія. Въ 1783 г. онъ поступилъ въ гражданскую службу губернскимъ стряпчимъ во Псковѣ, гдѣ затѣмъ былъ совѣтникомъ въ палатахъ Гражданской и Казенной, а, 10 лѣтъ спустя, въ 1793 г., опредѣлился на службу въ Адмиралтейство, съ чиномъ подполковника. Одно время Обольяниновъ служилъ въ гатчинскихъ войскахъ и тутъ заслужилъ любовь и довѣріе Великаго Князя Павла Петровича, по вступленіи котораго на престолъ, въ чинѣ генералъ-майора, назначенъ генералъ-провіантмейстеромъ, сдѣланъ мальтійскимъ кавалеромъ и получилъ болѣе 3/т. душъ крестьянъ; 2 Февраля 1800 г., произведенный въ генералъ-лейтенанты, назначенъ генералъ-прокуроромъ; въ этой должности, имѣя громадныя полномочія и надзоръ не только за дѣлами по гражданской, но и по военной части, онъ оставался до кончины Императора Павла и уволенъ въ отставку, по болѣзни, 16 Марта 1801 года. Искренно преданный Государю, безусловный и точный исполнитель его прихотливой воли, пользовавшійся безграничнымъ его довѣріемъ, Обольяниновъ не сумѣлъ, однако, предусмотрѣть катастрофы 11 Марта — у него не хватало для этого ни тонкой проницательности, ни достаточной гибкости ума.

Современники считали Обольянинова человѣкомъ прямымъ, безусловно честнымъ и благороднымъ, нѣкоторые находили его „добросердечнымъ“, но всѣ его не любили за его крутой нравъ и грубость. Невоспитанный, почти безграмотный, „гатчинецъ“ по привычкамъ, онъ сумѣлъ, однако, „при дворѣ попатереться и держать себя прилично своему званію“, пока не выходилъ, благодаря своей необуздашной вспыльчивости, изъ предѣловъ благопристойности: тогда онъ начиналъ браниться, грозить крѣпостью и каторгой, что обыкновенно кончалось словами. Имѣя много природнаго ума, онъ искусно выбиралъ „талантливыхъ подчиненныхъ“, умѣлъ ихъ цѣнить и „работать ихъ руками“, при чемъ не стѣснялся, по словамъ Мертваго, писанные ими проекты „выдавать за свое сочиненіе“. Въ дни могущества этого слѣпого исполнителя велѣній Павла, онъ имѣлъ такую силу и значеніе, что всѣ, не исключая Великихъ Князей и Палена, являлись ежедневно къ нему и ожидали его выхода; всѣ доклады Государя шли черезъ него, и современники „уподобляли его великому визирю“. Несимпатичнымъ внутреннимъ качествамъ Обольянинова вполнѣ соотвѣтствовала его внѣшность: высокій и худой, нѣсколько сгорбленный, съ сухой, неправильной формы головой, покрытой рѣдкими низко стриженными волосами, съ носомъ луковицей, съ глубоко впавшими глазами и строгимъ взглядомъ — онъ имѣлъ отталкивающую наружность. Всѣмъ говорилъ „ты“ и только въ гнѣвѣ переходилъ на „вы“.

Выйдя въ отставку, Обольяниновъ поселился въ Москвѣ и здѣсь въ 1812 г. избранъ былъ дворянствомъ въ Комитетъ по устройству ополченій, а съ 1818 г., въ теченіе 9 лѣтъ, занималъ должность Московскаго губернскаго предводителя дворянства, при чемъ въ 1823 г. получилъ звѣзду св. Владиміра 1-й степени. Въ Москвѣ, несмотря на скупость, жилъ большимъ барономъ, имѣя большія средства, свои лично и жены. Многіе искали его покровительства, всѣ съѣзжались къ нему на поклонъ, почтенныя дамы цѣловали его руку, и онъ былъ не равнодушенъ къ такимъ знакамъ почтительности.

Женатъ былъ съ 19 Января 1795 г. на вдовѣ Аннѣ Александровнѣ Ордынъ-Нащокиной, рожденной Ермолаевой (1754—1822); бракъ былъ бездѣтный.

Умеръ Обольяниновъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на углу Тверской и Садовой улицъ, 22 Сентября 1841 года, а похороненъ въ своемъ имѣніи, въ церкви села Толожна, Новоторжскаго уѣзда.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

PIERRE KIRYSANTOWITCH OBOLIANINOFF, 1753—1841, fils d'un colonel et issu d'une famille noble sans fortune, passa son enfance sans recevoir la moindre éducation; il savait à peine lire, ne connaissait que sa langue maternelle et ne pouvait souffrir ce qui était étranger. Il ne dut son élévation qu'à lui-même, à sa sagesse, son intelligence vive, sa ponctualité, sa persévérance, et à l'occasion aveugle. Lorsque, enrôlé à l'armée à l'âge de 15 ans, il prit sa retraite douze ans après, en 1780, comme simple premier major, personne assurément ne pouvait prévoir la haute fortune qui l'attendait plus tard. En 1785, il entra au service civil: il fut d'abord dans l'administration judiciaire à Pskoff, où il devint conseiller au tribunal civil et aux finances; dix ans après, il passa à l'Amirauté avec rang de lieutenant-colonel. Il servit un certain temps aux troupes de Gatchina, et s'y concilia l'attachement et la confiance du Grand-Duc Paul: général major lors de son avènement au trône, il fut nommé chef des subsistances, fait chevalier de Malte et reçut plus de 3000 têtes de paysans. Promu général lieutenant, le 2 février 1800, il fut nommé procureur général, fonction qui comportait des pouvoirs très étendus et la haute main sur toutes les affaires, tant militaires que civiles, et qu'il conserva jusqu'à la mort de l'Empereur Paul: il prit sa retraite pour raisons de santé, le 16 mars 1801. Passionnément dévoué au Souverain, serviteur aveugle et ponctuel de sa capricieuse volonté, honoré sans réserve de sa confiance, Obolianinoff ne sut cependant pas prévoir la catastrophe du 11 mars: il n'avait pour cela ni une perspicacité assez fine, ni la souplesse d'esprit nécessaire.

Les contemporains reconnaissaient à Obolianinoff de la droiture, une honorabilité et une élévation de sentiments incontestables; quelques-uns même le trouvaient „une bonne pâte", mais ce que personne n'aimait en lui, c'était son humeur brutale et grossière. Sans éducation, presque illettré, avec ses manières „de Gatchina", il sut pourtant „acquérir un certain poli à la Cour et s'y tenir à la hauteur de sa situation"; encore lui arrivait-il, sous l'empire de son indomptable emportement, de sortir des limites de la bienséance, de lâcher des gros mots et de menacer de la réclusion et du bagne, sans autres conséquences d'ailleurs. Ne manquant pas de bon sens, il avait l'art de se choisir des „subordonnés capables", qu'il savait apprécier et „faire travailler pour lui", sans se gêner, dit Mertvago, pour „donner comme étant de lui" les projets qu'il leur avait fait rédiger. Aux jours de sa puissance, cet exécuteur aveugle des commandements de Paul eut une telle force et une telle importance, qu'il n'y avait pas jusqu'aux Grands-Ducs et à Pahlen qui ne vinssent tous les jours figurer à sa réception; tous les rapports de l'Empereur passaient par ses mains et les contemporains le „comparaient au Grand-Vizir". Ce moral antipathique n'était nullement démenti par le physique: grand et maigre, un peu courbé, avec sa tête osseuse et anguleuse, ses cheveux clairsemés et tondus ras, son nez en pied de marmite, ses yeux renfoncés et son regard dur, il avait une physionomie repoussante. Il tutoyait tout le monde, et ne savait dire „vous" que quand il était en colère.

A sa retraite, il se fixa à Moscou. Là il fut, en 1812, élu par la noblesse membre du Comité d'organisation des milices, puis, en 1818, nommé maréchal de la noblesse du gouvernement de Moscou: il le resta neuf ans et reçut en cette qualité l'étoile de St-Vladimir de 1e classe. A Moscou, tout avare qu'il était, il vécut sur un grand pied, grâce à sa grosse fortune personnelle et à celle de sa femme. Sa protection était très recherchée; tous venaient lui présenter leurs hommages, et des dames de qualité lui baisaient la main, marque de déférence à laquelle il n'était pas indifférent.

Il avait épousé, le 17 janvier 1795, Anna Alexandrowna, Vve Ordyne-Nachtchokine, née Ermolaeff (1754—1822), dont il n'eut pas d'enfants.

Obolianinoff mourut dans sa maison de Moscou, au coin de la Tverskaïa et de la Sadovaïa, le 22 septembre 1841, et fut inhumé dans ses terres, à l'église du village de Tolojno, district de Novotorjok.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ОБОЛЬЯНИНОВА, 1754—1822, рождённая Ермолаева, жена генералъ-прокурора Петра Хрисанфовича Обольянинова, въ первомъ бракѣ была за надворнымъ совѣтникомъ Яковомъ Ивановичемъ Ордынъ-Нащокинымъ (1728—1793). Въ молодости ее считали красавицей; добрая отъ природы, но безъ всякаго образованія, она казалась современникамъ „простоватой“; „изнѣженная и избалованная, она иногда бывала любезна, иногда—горда и капризна“. Выйдя молоденькой дѣвушкой въ 1-й разъ замужъ за богатаго старика Нащокина, который былъ на 26 лѣтъ старше ея, она, по желанію мужа, должна была одѣваться скромно, старше своихъ лѣтъ, чтобы не казаться черезчуръ молодой. Овдовѣвъ, она повѣнчалась 19 Января 1795 г., 41 года, съ служившимъ въ то время въ Адмиралтействѣ генералъ-майоромъ П. Х. Обольяниновымъ, сухимъ педантомъ, ни внѣшность котораго, ни характеръ не могли возбуждать особенныхъ симпатій, и, по желанію его, должна была молодиться, чтобы казаться моложавѣе. Впрочемъ, это болѣе соотвѣтствовало и ея личнымъ вкусамъ. „Въ послѣдніе года жизни она не могла ходить и, сидя въ креслахъ, всегда наряжалась по модѣ, а въ табельные дни бывала при орденѣ“.

А. А. Обольянинова имѣла свои причуды, и онѣ безпрекословно исполнялись мужемъ, который ее очень любилъ. Она была „великая охотница до собакъ, о которыхъ только и разговаривала“. Собаки всякихъ сортовъ наполняли домъ, собаки были хозяевами въ домѣ. Онѣ спали на ея кровати, и самъ суровый генералъ-прокуроръ долженъ былъ выпускать ихъ ночью. Приживальцы и прислуга боялись огорчить чѣмъ-нибудь собакъ; особая горничная ухаживала за собаками и отвѣчала за ихъ провинности. Обольянинова вниманіе къ собакамъ принимала на свой счетъ, ей можно было угодить, похваливъ собачку, а согнать съ колѣнъ—значило разобидѣть хозяйку. „Будучи доброй души, она, если кому сдѣлала добро или только собиралась сдѣлать, всему городу объ этомъ разсказывала“. До 1812 г. Обольяниновы жили открыто, и вся Москва бывала у нихъ, „иногда гостямъ негдѣ было помѣститься въ ихъ небольшомъ, но богато убранномъ домѣ“. Послѣ 12 года сгорѣвшій домъ не былъ возобновленъ, Обольяниновы отстроили только флигель съ домовой церковью.

Обольянинова умерла въ 1822 году и погребена въ своемъ имѣніи, въ церкви села Толожна, Новоторжскаго уѣзда. Дѣтей у нея не было.

Мужъ пережилъ ее почти на 20 лѣтъ; онъ былъ очень огорченъ смертью жены и, къ удивленію современниковъ, не считавшихъ его способнымъ на такое сильное чувство, до самой своей смерти спалъ на ея кровати подъ тѣмъ одѣяломъ, подъ которымъ она умерла.

(Съ миніатюры изъ собраній Гатчинскаго дворца.)

ANNA ALEXANDROWNA OBOLIANINOFF, 1754—1822, née Ermolaeff, femme du procureur général Pierre Obolianinoff, avait épousé en premières noces le conseiller de Cour Jacob Ivanowitch Ordyne-Nachtchokine (1728—1793). Dans sa jeunesse, elle passait pour une beauté; bonne nature, mais sans aucune instruction, les contemporains la trouvaient „niaise“; „gâtée et mollement élevée, elle était tantôt aimable, tantôt fière et capricieuse“. Son premier mari, le vieux et riche Nachtchokine, qu'elle épousa toute jeune et qui avait vingt-six ans de plus qu'elle, l'obligeait à porter une toilette modeste, plus vieille que son âge, pour ne pas paraître trop jeune. Devenue veuve, elle se remaria le 19 janvier 1795, à l'âge de 41 ans, au général major Obolianinoff, alors au service à l'Amirauté, un froid pédant, dont ni le physique, ni le caractère n'étaient de nature à éveiller de sympathies particulières, et qui l'obligea à se rajeunir pour paraître moins que son âge, ce qui d'ailleurs répondait mieux à ses goûts personnels. „Dans les dernières années de sa vie, ne pouvant plus marcher, elle restait dans son fauteuil, toujours vêtue à la mode, et, les jours de fête, avec sa décoration.

Elle avait ses bizarreries, et son mari, qui l'aimait beaucoup, s'y pliait docilement. „Grand amateur de chiens, elle ne savait pas parler d'autre chose“. Sa maison était pleine de chiens de toute espèce: c'étaient les chiens les maîtres. Elle les faisait coucher sur son lit, et le grave procureur général en personne devait les faire sortir la nuit. Parmi les parasites et les domestiques, on prenait bien garde de les contrarier en rien: ils avaient une femme de chambre pour eux, qui répondait de leurs peccadilles. Leur maîtresse prenait à cœur comme pour elle tout ce qu'on leur faisait: en les flattant, on pouvait se faire bien venir d'elle; et c'était une grave offense envers elle que de ne pas vouloir d'eux sur ses genoux. „Elle était charitable, et le bien qu'elle avait fait ou qu'elle se préparait seulement à faire, elle le racontait par toute la ville“. Avant 1812, les Obolianinoff recevaient et tout Moscou venait chez eux: „souvent, dans leur maison, petite, mais richement montée, la place manquait pour les invités“. Après l'incendie, elle ne fut pas relevée: on ne fit rebâtir qu'un pavillon avec la chapelle.

Mme Obolianinoff mourut en 1822 et fut inhumée dans ses propriétés, dans l'église du village de Tolojno, district de Novotorjok. Elle n'eut pas d'enfants.

Son mari lui survécut de près de vingt ans; sa mort lui avait causé une profonde douleur, et, au grand étonnement des contemporains, qui ne l'auraient pas cru capable d'un sentiment si vif, il coucha tout le reste de sa vie sur le lit où elle était morte, et avec la même couverture.

(D'après une miniature du Palais de Gatchina.)

ЕЛИЗАВЕТА АНДРЕЕВНА АРАКЧЕЕВА, 1750—1820, мать графа Аракчеева, рожденная Ветлицкая, была женой небогатаго Бѣжецкаго, Тверской губерніи, помѣщика, отставного гвардіи поручика Андрея Андреевича Аракчеева († 29 Іюля 1796 г.), принадлежавшаго къ старой дворянской фамиліи. Предокъ его, Ѳома Аракчеевъ, въ началѣ XVII столѣтія владѣлъ помѣстьемъ въ Бѣжецкой пятинѣ, Новгородской области, остатками котораго, въ видѣ 20 душъ въ селахъ Гарусовѣ и Курганахъ, владѣлъ отецъ всесильнаго временщика послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I. Въ селѣ Курганахъ жила, хозяйничала и воспитывала своихъ дѣтей Елизавета Андреевна Аракчеева. Женщина, постоянно трудившаяся и заботившаяся о прокормленіи семьи, педантично требовательная, аккуратная и бережливая, Аракчеева передала эти качества своему знаменитому сыну,[1] воспитаніе котораго было всецѣло въ ея рукахъ; отъ нея онъ усвоилъ кодексъ житейскихъ правилъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ его натурѣ. Въ глухомъ помѣстьи отца прошли дѣтскіе годы будущаго графа, и здѣсь онъ получилъ значительную долю своего образованія подъ руководствомъ сельскаго дьячка.

У Аракчеевыхъ было много дѣтей—8 сыновей и 4 дочери, но большинство умерло въ дѣтствѣ, а нѣкоторые при самомъ рожденіи; только 3 сына достигли совершенныхъ лѣтъ: Алексѣй (р. 23 Сент. 1769 г., † 21 Апрѣля 1834 г.; съ 5 Мая 1799 г.—графъ), Андрей (р. 19 Ноября 1772 г., † 22 Августа 1814 г.; Кіевскій комендантъ, генералъ-майоръ) и Петръ (р. 17 Августа 1780 г.; генералъ-майоръ).

Е. А. Аракчеева умерла 17 Іюня 1820 г. и похоронена, рядомъ съ мужемъ, въ построенной ею церкви Покрова Пресвятой Богородицы въ селѣ Курганахъ, Бѣжецкаго уѣзда. Графъ Аракчеевъ чтилъ память родителей и часто, почти ежегодно, Великимъ постомъ ѣздилъ въ Курганы говѣть и молиться на могилѣ матери.

Въ „Русской Старинѣ“ за 1890 г. (LXV, 600) впервые былъ помѣщенъ портретъ матери графа Аракчеева, гравюра съ слабаго оригинала масляными красками, принадлежавшаго раньше ея „вотчинному старостѣ“, крестьянину Тихону Филиппову.

(Съ миніатюры изъ собраній Императорскаго Историческаго музея, въ Москвѣ.)

170

ÉLISABETH ANDRÉEWNA ARAKTCHÉEFF, 1750—1820, née Betlitzky, mère du comte Araktchéeff, était femme d'un petit propriétaire du gouvernement de Tver, André Andréewitch Araktchéeff († 29 juillet 1796), lieutenant retraité de la Garde, issu d'une vieille famille noble. Un de ses ancêtres, Thomas Araktchéeff, avait possédé au commencement du XVIIe siècle dans la région de Novgorod une propriété foncière dont le père du favori d'Alexandre Ier avait les débris, vingt têtes de paysans aux villages de Garoussovo et de Kourgany. C'est à Kourgany qu'était fixée sa femme, faisant valoir et élevant ses enfants. Incessamment au travail avec le souci de nourrir sa famille, soigneuse, économe et d'une exigence pédantesque, elle transmit ces qualités à son fameux fils, dont l'éducation fut tout entière entre ses mains: il lui dut le code de règles pratiques qui convenaient si bien à sa nature. Ce fut dans ce village perdu que se passèrent les années d'enfance du futur comte; il y reçut la plus grande partie de ses études sous la direction d'un diacre de campagne.

La famille Araktchéeff était nombreuse, huit fils et quatre filles, mais la plupart de ces enfants moururent petits, quelques-uns même ne vécurent pas du tout. Trois des fils seulement arrivèrent à l'âge d'homme: Alexis (25 septembre 1769—21 avril 1854), fait comte le 5 mai 1799, André (19 novembre 1772—22 août 1814), général major, commandant de Kieff, et Pierre (né 17 août 1780), général major.

Mme Araktchéeff mourut le 17 juin 1820 et fut inhumée près de son mari dans l'église de l'Intercession de la Vierge qu'elle avait fait construire à Kourgany. Le comte son fils vénérait la mémoire de ses parents, et venait presque tous les ans au Grand Carême jeûner et prier sur leur tombe.

La revue Rousskaïa Starina (LXV, 600) a publié pour la première fois (1890) un portrait de la mère du comte Araktchéeff: c'est une gravure d'après un mauvais original à l'huile ayant appartenu à l'intendant de Kourgany, le paysan Philippoff.

(D'après une miniature du Musée Historique, Moscou.)

Графъ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ, 1769—1834, родился 23 Сентября 1769 г.; обучался въ Артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1787 году произведенъ въ офицеры. Благодаря гр. П. И. Салтыкову, Аракчеевъ былъ назначенъ преподавателемъ геометріи въ корпусѣ, но онъ выказалъ такую жестокость въ обращеніи съ кадетами, что его поспѣшили перевести въ артиллерійскій полкъ, и онъ попалъ въ Гатчину. Здѣсь своимъ трудолюбіемъ, точной исполнительностью, неутомимой дѣятельностью и строгостью къ подчиненнымъ, онъ пріобрѣлъ довѣріе Великаго Князя Павла Петровича. Въ 1796 г., по воцареніи Императора Павла I, 26-лѣтній Аракчеевъ сдѣланъ былъ генералъ-майоромъ, комендантомъ Петербурга и награжденъ Анной 1-й ст.; въ слѣдующемъ году (5 Апрѣля)—баронемъ, Александровскимъ кавалеромъ, и получилъ с. Грузино съ 2000 душъ. Въ 1798 г., послѣ временной немилости, Аракчеевъ, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи и возведенъ, 5 Мая 1799 г., въ графское достоинство. Безпорядки въ Петербургскомъ арсеналѣ, въ 1799 г., вызвали гнѣвъ Императора Павла; Аракчеевъ былъ отставленъ отъ службы и находился не у дѣлъ до 1803 года, когда Александръ I снова сдѣлалъ его инспекторомъ артиллеріи. Въ 1808 г. Аракчеевъ, военный министръ (съ 1808 г.) и генералъ-инспекторъ всей пѣхоты и артиллеріи, выказываетъ несомнѣнныя организаторскія способности въ дѣлѣ переустройства русской артиллеріи. Послѣ окончанія Отечественной войны, во время которой Аракчеевъ былъ сотрудникомъ Государя въ дѣлѣ образованія резервовъ, укомплектованія армій и снабженія ея продовольствіемъ, Императоръ Александръ всецѣло возложилъ на него, какъ предсѣдателя Департамента Военныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта (съ 1810 г.), исполненіе всѣхъ преобразованій по военной части. Этой, чисто технической стороной его военной дѣятельности, въ которой Аракчеевъ выказалъ большой организаторскій талантъ, внося всюду строгій порядокъ и дисциплину, повидимому, и ограничиваются положительныя качества этого человѣка, игравшаго такую выдающуюся роль въ теченіе двухъ царствованій и оказавшаго особенно плачевное вліяніе на дѣла Имперіи въ послѣдніе годы жизни Александра I. Эта эпоха, столь тѣсно связанная съ именемъ Аракчеева, перешедшая въ потомство подъ именемъ „аракчеевщины“, была вмѣстѣ съ тѣмъ порой расцвѣта „военныхъ поселеній“, въ управленіи которыми особенно ярко сказался жестокій и деспотическій характеръ Аракчеева. Хотя первоначальная мысль объ устройствѣ этихъ поселеній, какъ теперь уже выяснено, принадлежала исключительно самому Императору Александру и даже встрѣтила сначала противника въ лицѣ самого Аракчеева, тѣмъ не менѣе, сдѣлавшись ихъ главнымъ начальникомъ, онъ внесъ въ это дѣло тотъ педантичный, суровый режимъ, который онъ поддерживалъ безпощадной строгостью, доходившей нерѣдко до жестокости. Въ эти послѣднія десять лѣтъ царствованія Императора Александра вліяніе Аракчеева распространилось на всѣ отрасли внутренняго управленія, и фактически онъ сдѣлался первымъ министромъ.

Кончина Императора Александра положила конецъ служебной дѣятельности Аракчеева, и одной изъ первыхъ мѣръ Императора Николая, для успокоенія умовъ, было увольненіе и удаленіе отъ двора графа Аракчеева, который удалился въ свое Грузино, гдѣ и прожилъ почти безвыѣздно до своей смерти, 21 Апрѣля 1834 года. Похороненъ тамъ же, въ Андреевскомъ соборѣ. Аракчеевъ былъ женатъ на Натальѣ Васильевнѣ Хомутовой (1783—1842), съ которой вскорѣ разошелся; дѣтей отъ этого брака не было, но онъ имѣлъ побочнаго сына М. А. Шумскаго. Долголѣтней его сожительницей была Настасья Минкина, убитая дворовыми людьми. Все свое значительное состояніе Аракчеевъ завѣщалъ Государю, который пожаловалъ его Новгородскому (нынѣ Нижегородскому) „Аракчеевскому“ кадетскому корпусу.

Графъ Аракчеевъ имѣлъ девизъ: „Безъ лести преданъ“. Сухой и черствый эгоистъ и честолюбецъ, онъ любилъ государей—своихъ благодѣтелей изъ своекорыстныхъ соображеній и личныхъ выгодъ; у него не было чувства любви къ отечеству, но ему нельзя отказать въ рабской преданности лично Павлу и Александру, память которыхъ онъ чтилъ. Въ 1833 г. онъ внесъ въ Государственный банкъ 50/т. р. асс. съ тѣмъ, чтобы сумма эта была выдана Академіей Наукъ въ 1925 г., съ процентами, за лучшую исторію царствованія Александра I (столѣтіе его кончины), при чемъ авторъ, удостоенный преміи, получаетъ $^3/_4$ всей суммы (около 1.500.000 р.), а $^1/_4$ остается въ пользу Академіи Наукъ и на изданіе сочиненія.

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. А. Евреиновой, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte ALEXIS ANDRÉEWITCH ARAKTCHÉEFF, 1769—1834, naquit le 23 septembre 1769, fit ses études au Corps des Cadets de l'Artillerie et fut promu officier en 1787. Le comte N. Saltykoff le fit nommer maître de géométrie au Corps, mais il traita les cadets avec une telle brutalité qu'on le renvoya dans la troupe: il fut désigné pour Gatchina. Là, son assiduité, sa ponctualité, son infatigable activité et sa sévérité dans le service lui acquirent la confiance du Grand-Duc Paul Pétrowitch. A son avènement au trône, en 1796, Araktchéeff, alors âgé de 26 ans, fut fait général major, commandant de Pétersbourg, et décoré de Ste-Anne de 1re classe; l'année suivante, il reçut le titre de baron (5 avril), l'ordre de St-Alexandre et le village de Grouzino avec 2000 têtes de paysans. En 1798, après une courte défaveur, il fut nommé, étant général lieutenant, inspecteur général de l'artillerie et élevé, le 5 mai 1799, à la dignité de comte. Des désordres survenus en 1799 à l'arsenal de Pétersbourg provoquèrent le courroux de l'Empereur: Araktchéeff fut déplacé et resta dans la vie privée jusqu'en 1803, où Alexandre Ier le rappela à l'inspection de l'artillerie. Ministre de la guerre depuis 1808, et inspecteur général de l'infanterie et de l'artillerie, il fit preuve de talents incontestables d'organisateur dans la réorganisation de l'artillerie russe. Après la Guerre Patriotique, pendant laquelle il avait été le collaborateur de l'Empereur pour la formation des réserves, le complètement et le ravitaillement de l'armée, il fut exclusivement chargé, comme président du département militaire du Conseil de l'Empire (depuis 1810), de la réalisation de toutes les réformes militaires. Dans cette partie purement technique du métier, il déploya une habileté consommée, faisant régner partout un ordre et une discipline sévères: mais là semblaient se borner les qualités effectives de cet homme, qui joua un rôle si considérable au cours de deux règnes consécutifs et exerça sur les affaires une influence si déplorable dans les dernières années d'Alexandre Ier. Cette époque, si étroitement liée au nom d'Araktchéeff, et qui passa à la postérité sous le nom d'Araktchéevchtchina, fut précisément celle des colonies militaires, dans l'administration desquelles se donna si bien carrière son naturel despotique et cruel. La première idée de leur organisation, comme il est aujourd'hui démontré, appartenait exclusivement à l'Empereur lui-même et trouva même à sa naissance un adversaire dans la personne d'Araktchéeff: cependant, une fois à la tête de l'affaire, il y introduisit son régime de rigueur vétilleuse et d'intraitable sévérité dégénérant à l'occasion en cruauté. Dans ces dix dernières années du règne, son influence s'étendit à toutes les branches de l'administration intérieure, et il devint de fait premier ministre.

La mort de l'Empereur Alexandre mit un terme à la carrière d'Araktchéeff, et une des premières mesures que prit l'Empereur Nicolas pour apaiser les esprits fut de l'éloigner des affaires et de la Cour: il se retira dans son Grouzino, où il resta presque à demeure jusqu'à sa mort, le 21 avril 1834; il y fut inhumé, dans la cathédrale de St-André. Il avait épousé Natalie Vassiliewna Khomoutoff (1783—1842), dont il ne tarda pas à se séparer et dont il n'eut pas d'enfants. Il eut un fils naturel, M. Choumsky. Il resta de longues années avec Nastasie Minkine, qui fut tuée par ses gens. Il laissa sa fortune considérable à l'Empereur, qui la fit remettre au Corps des Cadets Araktchéeff de Nijny-Novgorod.

Le comte Araktchéeff avait pour devise: „Dévoué sans flatterie". Ambitieux et égoïste au cœur sec et dur, il n'aima ses impériaux bienfaiteurs que par intérêt personnel; il ne connaissait pas l'amour de la patrie, mais on ne saurait lui refuser un dévouement aveugle à la personne de Paul et d'Alexandre, dont il vénérait la mémoire. En 1833, il versa à la Banque de l'Etat une somme de 50.000 roubles assignations destinée à récompenser, par les soins de l'Académie des Sciences, la meilleure histoire du règne d'Alexandre Ier publiée en 1925, centenaire de la mort de ce prince: le montant du prix sera, capital et intérêts en 1925, de deux millions de roubles, dont les trois quarts seront versés à l'auteur du mémoire couronné et l'autre quart reviendra à l'Académie.

(D'après une miniature appartenant à Mme C. Evréinoff, St-Pétersbourg.)

168

Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, 1753 — 1841

Pierre Khrysantowitch Obelianinoff, 1753 — 1841

169

Анна Александровна Обольянинова, 1754 — 1822

Anna Alexandrowna Obolianinoff, 1754 — 1822

170

Елизавета Андреевна Аракчеева, 1750 — 1820

Elisabeth Andréewna Araktchéeff, 1750 — 1820

171

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, 1769 — 1834

Le Comte Alexis Andréewitch Araktchéeff, 1769 — 1834

Баронесса ЮЛІЯ КРЮДЕНЕРЪ, 1764—1824, рожденная Фитингофъ, внучка по матери фельдмаршала Миниха, родилась въ Ригѣ 21 Ноября 1764 г.; отецъ, занятый коммерческими дѣлами, и красавица мать, предававшаяся свѣтской жизни, мало обращали вниманія на воспитаніе дочери, но передали ей большое честолюбіе и увлекающуюся натуру; даровитая отъ природы, она ничему не училась, но, много путешествуя въ дѣтствѣ по Европѣ, пріобрѣла внѣшній лоскъ и въ совершенствѣ владѣла французскимъ языкомъ; склонная къ мечтательности, она съ юныхъ лѣтъ создавала въ своей головѣ широкіе мистическіе замыслы. 18 лѣтъ Юлія вышла замужъ за дипломата, барона А. Н. Крюденера, вдовца послѣ 2 браковъ, которому было уже за 40 лѣтъ, безъ любви, съ цѣлью достигнуть блестящаго положенія въ обществѣ. Скоро, сама страстно полюбивъ мужа, она стала мучиться тѣмъ, что онъ ее любитъ не такъ, какъ хотѣлось того пылкой и мечтательной женщинѣ, чему причиной была, конечно, и разница лѣтъ; въ это самое время она узнала, что ею увлеченъ былъ серіозно молодой секретарь посольства Стахіевъ, бросившій изъ-за этого службу. Честолюбіе ея было возбуждено, и въ поискахъ за пылкой страстью и новыми побѣдами она всецѣло предалась свѣтскимъ развлеченіямъ. Одни изъ современниковъ говорятъ, что Крюденеръ „не была красавицей, но у нея было привлекательное и выразительное лицо, прекрасныя руки, чудесные свѣтлорусые волосы при голубыхъ глазахъ и плѣнительная грація“, другіе, напротивъ, свидѣтельствуютъ, что она была „поразительно хороша, и обаяніе ея было неотразимое, магическое“. Послѣ жизни съ мужемъ въ Венеціи, въ Баваріи и Копенгагенѣ, болѣзнь заставила ее поселиться въ Парижѣ, и здѣсь толпа поклонниковъ окружила ее; изъ нихъ академикъ Суардъ, пѣвецъ Гара и гусаръ де-Фрежвиль были болѣе, чѣмъ близкіе друзья съ баронессой. Для послѣдняго она искала развода, но мужъ не далъ. Когда Крюденеръ, въ 1799 г., былъ назначенъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Берлинъ, она возвратилась къ нему, чтобы „исполнить то, чего требуетъ долгъ“, увѣряя при этомъ: „Богу было угодно благословить мужа моего съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась къ нему“. Съ этого времени въ ней замѣчался уже привычка примѣшивать Провидѣніе къ разнымъ мелочамъ жизни и желаніе увѣрить другихъ въ своей высокой миссіи... Тѣмъ не менѣе, она скоро опять оставила мужа и поселилась въ Парижѣ; въ 1802 г. овдовѣла. Въ это время она написала нѣсколько сантиментальныхъ очерковъ, а въ 1803 г. вышелъ ея романъ „Валерія“ (гдѣ она описала себя), который, благодаря беззастѣнчивой рекламѣ, имѣлъ громадный успѣхъ. Вернувшись на родину, въ свое имѣніе Коссе, Крюденеръ сдѣлалась ревностной сторонницей ученія гернгутеровъ и его вдохновенной проповѣдницей: это былъ естественный дальнѣйшій шагъ старѣющей 40-лѣтней женщины, которой честолюбіе не давало покоя, и страстное увлеченіе, будь то лицо, или идея, не знало мѣры. Переѣхавъ затѣмъ въ Германію, она нашла покровительство у королевы Лупзы, сблизилась съ піэтистомъ Юнгъ-Штиллингомъ, завязала знакомство съ разными прорицательницами и сама стала выступать съ туманными предсказаніями будущаго. Въ 1815 г., въ Гейльброннѣ, чрезъ фрейлину Стурдзу, она сдѣлалась извѣстна Императору Александру I и своей экзальтированной рѣчью увлекла склоннаго къ мистицизму Государя. Въ Парижѣ онъ часто посѣщалъ ее, и, можетъ-быть, созданіе Священнаго союза не обошлось безъ ея вліянія. Слѣдующіе годы Крюденеръ проповѣдовала въ Швейцаріи и Германіи конецъ міра и наступленіе царства бѣдныхъ; ее приходили слушать, за ней двигались толпы нищихъ и бродягъ, которымъ она щедро благотворила. Власти отовсюду высылали ее; она вернулась въ Лифляндію. Въ 1821 г. Крюденеръ переселилась въ Петербургъ, гдѣ подружилась съ кн. А. С. Голицыной и нашла себѣ покровителя въ лицѣ князя А. Н. Голицына; тѣмъ не менѣе ея вмѣшательство въ политику повлекло за собой предложеніе удалиться и изъ Петербурга. Умерла 25 Декабря 1824 г. въ Карасу-базарѣ и похоронена въ имѣніи кн. Голицыной, въ Корензѣ. Она имѣла сына и дочь Жульету (въ замужествѣ Берктеймъ), ревностную свою послѣдовательницу.

Заставляя вѣрить другихъ, а, можетъ-быть, вѣруя и сама въ свое боговдохновенное посланничество, Крюденеръ сыграла видную роль въ міровыхъ событіяхъ начала XIX ст.; ея жизнь полна драматизма, благодаря странному сочетанію похожденій страстной и честолюбивой искательницы приключеній съ христіанскими подвигами самоотверженія и милосердія искренней энтузіастки.

(Съ миніатюры, принадлежащей графу Ланскоронскому, въ Вѣнѣ.)

La baronne JULIE KRÜDENER, 1764—1824, née Vietinghof, petite-fille du général Munich, naquit à Riga, le 21 novembre 1764. Le père, occupé à ses affaires de négociant, et la mère, jolie femme tout entière à sa vie mondaine, ne prirent pas grand soin de l'éducation de leur fille, mais lui transmirent une grosse ambition et un penchant aux entraînements. Naturellement douée, elle resta sans rien apprendre, mais les voyages qu'elle fit dès son enfance par toute l'Europe lui donnèrent un vernis superficiel et la connaissance parfaite du français; portée à la rêverie, elle conçut, toute jeune encore, de vastes plans de mysticisme. A 18 ans, elle épousa un diplomate, le baron Krüdener, veuf de sa seconde femme et âgé de plus de 40 ans, sans amour et simplement pour acquérir une position brillante dans la société. Elle s'éprit passionnément de son mari, et finit bientôt par souffrir de ne pas se sentir aimée elle-même comme le voulait sa nature ardente et rêveuse, ce qui tenait sans doute aussi à la différence d'âge; elle s'aperçut en même temps qu'elle avait inspiré une passion sérieuse à un jeune secrétaire d'ambassade, Stakhieff, qui avait quitté sa position pour elle. Son ambition fut piquée, et elle se lança à la recherche de la passion ardente et de conquêtes nouvelles en se jetant dans les distractions mondaines. Des contemporains disent que Mme Krüdener, „sans être une beauté, avait un visage attrayant et expressif, de très jolies mains, des cheveux blond-clair magnifiques, des yeux bleus et une grâce enchanteresse"; selon d'autres, au contraire, „elle était d'une beauté ravissante et exerçait une fascination irrésistible, magique". Après avoir successivement habité avec son mari Venise, la Bavière et Copenhague, elle dut, pour raisons de santé, se fixer à Paris, où elle fut entourée d'un essaim d'adorateurs: l'académicien Suard, l'artiste Garat et le hussard de Frégeville furent pour elle plus que des amis intimes. Elle voulut divorcer pour le dernier, mais se heurta à la volonté de son mari. En 1799, lorsque Krüdener fut nommé ambassadeur et ministre plénipotentiaire à Berlin, elle retourna près de lui, „pour accomplir", disait-elle, „ce qu'exige le devoir", et elle ajoutait: „Dieu a daigné bénir mon mari depuis que je suis retournée près de lui". Depuis ce temps, elle se fait remarquer par sa manie de faire intervenir la Providence dans les menues affaires de la vie et de se prétendre désignée pour une mission d'en haut.... Cependant elle ne tarda pas à quitter de nouveau son mari et à revenir à Paris; en 1802, elle devint veuve. Elle écrivit à cette époque quelques nouvelles sentimentales et publia en 1803 son roman Valérie, dont elle était l'héroïne, et qui, grâce à une réclame éhontée, eut un succès considérable. De retour dans sa patrie, elle se fit adepte fervente et apôtre enthousiaste de la doctrine des Frères Moraves: rien d'étonnant à cela, de la part d'une femme de 40 ans, qui commençait à vieillir, à laquelle l'ambition ne laissait pas de repos et dont les entraînements passionnés, pour une personne ou pour une idée, peu importe, ne connaissaient pas de mesure. Elle passa ensuite en Allemagne, où elle fut honorée de la protection de la reine Louise, se lia avec le piétiste Jung-Stilling, fit connaissance avec diverses prophétesses, et se lança elle-même dans de vagues prédictions. En 1815, à Heilbronn, elle fut présentée à Alexandre Ier par Mlle Stourdza, demoiselle d'honneur, et son langage exalté entraîna l'Empereur, enclin lui-même au mysticisme. Il la vit souvent à Paris, et peut-être même ne fut-elle pas étrangère à la formation de la Sainte Alliance. Les années suivantes, elle prophétisa en Suisse et en Allemagne la fin du monde et la venue du règne des malheureux; on venait l'entendre, et elle était suivie d'une foule de mendiants et de vagabonds auxquels elle faisait largement la charité. Partout les autorités la chassaient; elle rentra en Livonie. En 1821, elle vint se fixer à Pétersbourg, où elle se lia avec la princesse A. Golitzyne, et trouva un protecteur dans la personne du prince A. Golitzyne; mais elle voulut se mêler de politique et reçut l'invitation de quitter aussi Pétersbourg. Elle mourut, le 25 décembre 1824, à Karassou-Bazar et fut inhumée dans la propriété de la princesse Golitzyne, à Koréiz. Elle eut un fils et une fille, Juliette (Mme Berckheim), qui fut son adepte zélée.

Faisant croire et croyant peut-être elle-même à sa mission divine, Mme Krüdener joua un rôle marquant dans les grands événements du commencement du XIXe siècle; il y a quelque chose de dramatique dans cette vie étrange, à la fois celle d'une aventurière ballottée par les passions et l'ambition, et celle, toute de renoncement et de charité, d'une chrétienne enthousiaste et sincère.

(D'après une miniature appartenant au comte Lanskoronsky, Vienne.)

НИМФОДОРА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА, 1788—1876, родилась въ крѣпостной семьѣ, принадлежавшей учителю кадетскаго корпуса Жданову, училась въ Театральномъ училищѣ и въ 1809 году, 21 года, зачислена была въ драматическую труппу на амплуа „невинныхъ“, при чемъ на афишахъ именовалась „Семенова меньшая“, въ отличіе отъ старшей сестры Екатерины. Кавосъ обратилъ вниманіе на ея голосъ и сталъ самъ давать ей уроки пѣнія, игрѣ же обучалъ ее князь Шаховской, и ему она обязана была своими успѣхами, такъ какъ пѣвицей она была всегда только посредственной. Она поздно начала учиться пѣнію, и голосъ ея былъ недостаточно гибокъ, техника недостаточно развита. Впрочемъ, симпатіи и благосклонность публики къ Нимфодорѣ объяснялись въ значительной мѣрѣ красотой ея. Ею всегда можно было любоваться. Репертуаръ ея былъ очень обширенъ: она выступала во всѣхъ извѣстныхъ операхъ своего времени, предпочитая роли эффектныя, подходящія къ ея красивой и видной наружности. По словамъ Головачевой-Панаевой, Семенова была „высокая, стройная, съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ синими большими глазами и съ черными, какъ смоль, волосами“. Она была строгая красавица въ классическомъ стилѣ и особенно хороша была въ „Весталкѣ“, при чемъ могла служить моделью для воспроизведенія типа римлянки, и исполненіе ею этой роли вызывало восторги публики. Классическія черты ея лица хорошо переданы на большомъ портретѣ кисти Ореста Кипренскаго, гдѣ она изображена въ видѣ Сивиллы.

Въ 1831 г. Семенова оставила сцену, съ пенсіей въ 4/т. рублей изъ Кабинета. Обстоятельствомъ, заставившимъ ее покинуть театръ, была близость къ оберъ-шенку графу Василію Валентиновичу Мусину-Пушкину, отъ котораго она имѣла 3 дочерей (изъ нихъ старшая, Прасковья, была въ замужествѣ за княземъ Гагариномъ). Пять лѣтъ спустя послѣ смерти графа Мусина-Пушкина († 1835 г.), она вышла замужъ за француза Лестерлепъ.

Семенова отличалась кроткимъ и привѣтливымъ характеромъ, была очень сострадательна и дѣлала много добра. Нѣсколько бѣдныхъ дѣвушекъ въ ея семьѣ воспитывались вмѣстѣ съ ея дочерьми, а мелкіе театральные служащіе, въ расчетѣ на ея щедрость, приглашали ее часто крестить дѣтей, и она никогда не отказывала, такъ что у ней крестники считались сотнями. Въ литературныхъ кругахъ своего времени она пользовалась большимъ уваженіемъ, и ея частыми гостями бывали Пушкинъ, Грибоѣдовъ и Жуковскій, расположеніемъ которыхъ она пользовалась.

Семенова дожила до глубокой старости, при чемъ за 10 лѣтъ до смерти она ослѣпла; умерла въ С.-Петербургѣ 28 Марта 1876 года и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Е. А. Евреиновой, въ С.-Петербургѣ.)

NYMPHODORE SÉMENOWNA SÉMENOFF, 1788—1876, était originaire d'une famille de serfs appartenant à un maître du Corps des cadets, Jdanoff. Elle passa par l'Ecole des théâtres, et, en 1809, à l'âge de 21 ans, entra dans la troupe de drame en qualité d'ingénue; elle était désignée sur l'affiche sous le nom de „Sémenoff jeune", pour la distinguer de sa sœur aînée Catherine. Cavos fut frappé de sa voix et voulut lui donner lui-même des leçons de chant; elle apprit le jeu avec le prince Chakhowskoï, et ce fut à lui qu'elle dut son succès, car son chant ne fut jamais que médiocre: elle s'y était mise trop tard, sa voix n'était plus assez souple et sa technique insuffisamment développée. D'ailleurs, les sympathies et la bienveillance du public à son égard s'expliquaient dans une large mesure par sa beauté. On pouvait toujours l'admirer. Elle avait un répertoire très étendu, jouant dans tous les opéras célèbres du temps et prenant de préférence les rôles à effet, qui convenaient à son physique avantageux et en vogue. Au témoignage de Mme Golovatcheff-Panaeff, elle était „grande, élégante, avec un teint d'une suavité exquise, de grands yeux bleus et des cheveux noirs comme le jais". C'était une beauté sévère du type classique: son rôle de „La Vestale" lui réussissait particulièrement bien, car elle faisait un modèle accompli pour la reproduction du type romain, et, dans cette pièce, elle soulevait toujours l'enthousiasme du public. Ses traits classiques sont bien reproduits dans le grand portrait de Kiprensky où elle est représentée en Sybille.

Elle quitta la scène, en 1831, avec une pension de 4000 roubles, servie par le Cabinet. Elle dut renoncer au théâtre en raison de ses relations avec le grand échanson comte Basile Moussine-Pouchkine; elle eut de lui trois filles, dont l'aînée, Prascovie, fut plus tard princesse Gagarine. Cinq ans après la mort du comte Moussine-Pouchkine († 1835), elle épousa un français, Lesterlin.

Sémenoff se distinguait par un caractère doux et accueillant; très compatissante, elle faisait beaucoup de bien. Elle fit élever avec ses filles plusieurs jeunes filles pauvres de sa famille. Les petits employés du théâtre, escomptant sa générosité, lui demandaient souvent d'être la marraine de leurs enfants, et elle ne refusait jamais, de sorte qu'elle eut des centaines de filleuls. Elle fut en grand honneur dans les cercles littéraires du temps et compta parmi ses relations Pouchkine, Griboïédoff et Joukowsky, qui la tenaient en haute estime.

Elle parvint à un âge avancé et fut aveugle les dix dernières années de sa vie. Elle mourut à St-Pétersbourg, le 28 mars 1876, et fut inhumée au monastère Novodévitchy.

(D'après une miniature de la collection Evréïnoff, St-Pétersbourg.)

ЕВГЕНІЯ (ЕВДОКІЯ) ИВАНОВНА КОЛОСОВА, 1782—1869, дочь балетнаго танцовщика Нѣлова, родилась 15 Декабря 1782 года; обучалась въ театральной школѣ танцамъ, подъ руководствомъ Вальберга, и 14 лѣтъ дебютировала въ балетѣ „Пигмаліонъ", а 3 года спустя, выпущена солисткой. Брюнетка поразительной красоты, съ большими черными глазами, стройная и изящная, съ гибкимъ станомъ, она сразу завоевала себѣ навсегда симпатіи публики. „Ея талантливая игра", по отзыву современниковъ, „исторгала слёзы у зрителей". Къ чести ея должно сказать, что она не остановилась на томъ, что дала ей школа, и въ теченіе всей своей сценической дѣятельности продолжала совершенствоваться. Училась у Огюста и Шевалье, создавшихъ изящные пріемы новой балетной школы, и сдѣлала большіе успѣхи въ мимикѣ. Дидло цѣнилъ ея талантъ и поручалъ ей самыя трудныя роли; она съ громаднымъ успѣхомъ исполняла роль Медеи въ балетѣ Новера. Иногда она выступала и въ драмѣ.

Тотчасъ по выходѣ изъ театральной школы, Нѣлова вышла замужъ за музыканта Михаила Колосова, а въ 1802 г. у нея родилась дочь Александра († 1880), впослѣдствіи знаменитая драматическая актриса, въ 1827 г. вышедшая замужъ за трагика Василія Андреевича Каратыгина. По свидѣтельству А. Я. Булгакова, Московскіе „матадоры", Иванъ Николаевичъ Корсаковъ и, главное, старикъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, покровительствовали ей; отъ послѣдняго она имѣла сына; мальчикъ воспитывался въ одномъ изъ нѣмецкихъ пансіоновъ, когда умеръ князь.

Е. И. Колосова оставила сцену въ 1826 г., послѣ чего прожила еще 43 года и умерла въ 1869 г., почти 90 лѣтъ отъ роду.

(Съ миніатюры, принадлежащей княгинѣ З. Н. Юсуповой, въ С.-Петербургѣ.)

EUGENIE (EUDOXIE) IVANOWNA KOLOSSOFF, 1782—1869, fille du danseur de ballet Naéloff, naquit le 15 décembre 1782. Elle étudia la danse à l'Ecole de Théâtre, sous la direction de Wallberg, et débuta, à l'âge de 14 ans, dans le ballet de „Pygmalion"; trois ans après, elle fut admise à danser seule. Brune, d'une beauté ravissante, avec de grands yeux noirs, bien faite et élégante, la taille souple, elle fit pour toujours la conquête du public. „Son jeu magistral", disent les contemporains, „arrachait des larmes aux spectateurs". Il convient de dire à son honneur qu'elle ne s'en tint pas à ce que lui avait donné l'école, mais ne cessa de se perfectionner durant tout le cours de sa carrière scénique. Elle travailla avec Auguste et Chevallier, les créateurs des procédés recherchés de la nouvelle école de ballet, et fit de grands progrès en mimique. Didelot appréciait son talent et lui donnait les rôles les plus difficiles; elle eut un succès considérable dans celui de Médée. Elle parut aussi dans le drame.

Elle avait épousé dès sa sortie de l'Ecole le musicien Michel Kolossoff; sa fille Alexandrine (1802—1880) fut une célèbre artiste dramatique et épousa, en 1827, le tragique Basile Karatyguine. Au témoignage d'Alexandre Boulgakoff, elle fut la protégée de deux „Matadors" de Moscou, Ivan Nikolaewitch Korsakoff et surtout le vieux prince Nicolas Borissowitch Youssoupoff; elle eut de celui-ci un fils qui faisait ses études dans un pensionnat allemand lorsque son père mourut.

Kolossoff quitta la scène en 1826 et mourut quarante-trois ans après, en 1869, à près de 90 ans.

(D'après une miniature appartenant à la princesse Youssoupoff, St-Pétersbourg.)

172

Баронесса Юлія Крюденеръ, *La Baronne Julie Krüdener,*
1764 — 1824 *1764 — 1824*

173

Нимфодора Семеновна *Nymphodore Sémenowna*
Семенова, *Sémenoff,*
1788 — 1876 *1788 — 1876*

174

Евгенія (Евдокія) Ивановна *Eugénie Ivanowna*
Колосова, *Kolossoff,*
1782 — 1869 *1782 — 1869*

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, 1754—1831, генералъ-адъютантъ Императрицы Екатерины II, сынъ смоленскаго дворянина Николая Степановича, родился 24 Января 1754 года; началъ службу въ Конной гвардіи, а затѣмъ переведенъ былъ въ Кирасирскій полкъ, съ которымъ, въ чинѣ капитана, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ. Когда фаворитъ Императрицы, Зоричъ, лишился значенія при дворѣ, Потемкинъ рекомендовалъ на его мѣсто Корсакова, обладавшаго весьма изящной фигурой. Въ Іюнѣ 1778 г. Корсаковъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ, а затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пожалованъ былъ въ дѣйствительные камергеры, генералъ-майоромъ и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ; Польскій король пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла, который онъ постоянно носилъ, почему и былъ прозванъ въ Москвѣ „Польскимъ королемъ“; въ то же время Корсаковъ получилъ до 4000 душъ и на полмилліона подарковъ. Корсаковъ любилъ музыку, пѣніе, обладалъ хорошимъ голосомъ. Екатерина прозвала его Пирромъ, царемъ Эпирскимъ, и какъ-то, говоря съ Орловымъ о фаворитѣ, сказала, что онъ поетъ, какъ соловей. „Это правда“, замѣтилъ Орловъ, „но, вѣдь, соловьи поютъ только до Петрова дня“. Величіе Корсакова было, дѣйствительно, лишь мимолетное. Связь съ пріятельницей Екатерины II, графиней П. А. Брюсъ, рожденной графиней Румянцевой (1729—1786), погубила Корсакова во мнѣніи Екатерины, и уже въ Октябрѣ 1779 г. онъ удалился въ Москву, куда за нимъ послѣдовала увлеченная имъ графиня Екатерина Петровна Строганова (1744—1815; см. № 86), супруга графа Александра Сергѣевича Строганова. Въ царствованіе Павла I Корсаковъ былъ сосланъ въ Саратовъ, гдѣ оставался, впрочемъ, не долго, послѣ чего, до конца дней, жилъ въ Москвѣ.

Погребенъ въ своемъ селѣ Братцовѣ, близъ Москвы; на памятникѣ его слѣдующая надпись: „Господи, упокой душу раба твоего Іоанна. Здѣсь погребено тѣло генералъ-майора, дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова, скончавшагося 1831 г., Февраля 16 дня, на 76 году своей жизни. Благодѣтелю незабвенному“. Памятникъ былъ воздвигнутъ сыномъ Корсакова и графини Е. П. Строгановой, В. П. Ладомирскимъ.

Корсаковъ любилъ пышность и въ Москвѣ былъ однимъ изъ послѣднихъ вельможъ вѣка Екатерины, пудрился, носилъ шитый золотомъ и камнями камзолъ и ѣздилъ въ каретѣ цугомъ. Онъ любилъ устраивать праздники, лукулловскіе обѣды, былъ веселый и щедрый человѣкъ, не лишенный доли самодурства: такъ онъ способенъ былъ, напримѣръ, накормить своихъ гостей галчатами, подъ видомъ „павлиятъ“. Его домъ на Тверскомъ бульварѣ, съ большимъ великолѣпнымъ садомъ, съ бесѣдками, статуями и прудами, посѣщался всей Москвой. А. Я. Булгаковъ пользовался его „дружбой“, и Корсаковъ умеръ на его глазахъ. „Очень жаль мнѣ добраго старика“, писалъ Булгаковъ брату, „онъ съ роду зла никому не сдѣлалъ, а много дѣлалъ добра. Натура была у него каменная, но онъ былъ упрямъ и не слушался докторовъ. Любилъ я слушать его разсказы о временахъ его случая“. Въ послѣдніе 2 года его жизни почти одинъ Булгаковъ не забывалъ Корсакова, который „сдѣлался дикъ, запустилъ бороду, не снималъ халата, но былъ ему всегда радъ“, и даже отдалъ Булгакову письма къ нему Екатерины (см. Русскій Архивъ, 1879 г.). По отзыву Гельбига, „онъ былъ болѣе любезенъ, чѣмъ красивъ, но по внѣшности былъ на рѣдкость изященъ; обладалъ даромъ пріятной бесѣды и здравымъ смысломъ, хотя не имѣлъ образованія“. По словамъ другого современника, князя И. М. Долгорукаго, Корсаковъ былъ „человѣкомъ, который ничего, кромѣ себя, не любилъ; тщеславный богачъ, не одаренный ничѣмъ отъ природы и обязанный одной слѣпой фортунѣ, пригожему лицу и юности минутнымъ блескомъ своимъ у трона! Онъ жилъ съ теткой моей (гр. Строгановой) въ одномъ домѣ, у нихъ были и общія дѣти“.

Дѣти Корсакова получили дворянство и фамилію Ладомирскихъ; кромѣ сына Василія, было еще 2 дочери: Зинаида (за княземъ Д. М. Голицынымъ) и Софья (за графомъ А. А. Апраксинымъ).

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. А. Стенбокъ, въ Царскомъ Селѣ.)

IVAN NIKOLAEWITCH RIMSKY-KORSAKOFF, 1754—1831, général aide de camp de l'Impératrice Catherine II, fils d'un noble de Smolensk, naquit le 24 janvier 1754. Il prit d'abord du service à la Garde à cheval, puis passa aux cuirassiers, avec lesquels il fit comme capitaine la campagne de Pologne. Lors de la disgrâce du favori Zoritch, Potemkine le recommanda à l'Impératrice en raison de son physique extrêmement avantageux. En juin 1778, il fut nommé aide de camp de S. M., puis, dans l'espace de quelques mois, fait chambellan actuel, général major et enfin général aide de camp. Le roi de Pologne lui conféra l'ordre de l'Aigle d'Or, sans lequel il ne se montrait jamais, ce qui le fit surnommer à Moscou le Roi de Pologne; en même temps, il ne reçut pas moins de 4000 têtes de paysans et des cadeaux pour un demi-million. Il aimait la musique et le chant et possédait une belle voix. Catherine l'avait surnommé Pyrrhus, roi d'Epire; un jour, en parlant de lui avec Orloff, elle dit qu'il chantait comme un rossignol: „C'est vrai", répliqua Orloff, „mais les rossignols ne chantent que jusqu'à la St-Pierre". Et, de fait, la grandeur de Korsakoff fut éphémère. Sa liaison avec une amie de Catherine, la comtesse Bruce, née comtesse Roumiantzeff (1729—1786), le perdit dans l'esprit de l'Impératrice, et, dès octobre 1779, il se retira à Moscou, où le suivit la comtesse Catherine Pétrowna Stroganoff (1744—1815; v. № 86), femme du comte Alexandre Serguéewitch Stroganoff, qui s'était éprise de lui. Sous Paul Ier, Korsakoff fut exilé à Saratoff, où, du reste, il ne resta pas longtemps; il revint à Moscou, qu'il habita jusqu'à la fin de ses jours.

Il fut inhumé dans ses propriétés de Bratzoff, près Moscou; son monument porte l'inscription suivante: „Seigneur, donne le repos à l'âme de ton serviteur Jean. Ici repose le corps du général major, chambellan actuel et chevalier de divers ordres Ivan Nikolaewitch Rimsky-Korsakoff, décédé le 16 février 1831 dans sa 76e année. A notre bienfaiteur souvenir éternel". Le monument fut élevé par le fils de Korsakoff et de la comtesse Stroganoff, B. Ladomirsky.

Korsakoff aimait le faste et fut à Moscou un des derniers grands seigneurs du siècle de Catherine, se poudrant, portant un habit brodé d'or et de pierres précieuses et ne sortant qu'en attelage à la Daumont. Il se plaisait à organiser des fêtes, des repas de Lucullus; gai et prodigue, il n'était pas sans une pointe d'extravagance: il était homme, par exemple, à annoncer à ses convives des jeunes paons et à leur faire manger de la corneille. Sa maison du boulevard de Tver, avec ses grands et magnifiques jardins, ses kiosques, ses statues et ses pièces d'eau, était fréquentée par tout Moscou. Il était très lié avec Alexandre Boulgakoff, qui fut témoin de ses derniers moments et écrivit ensuite à son frère: „C'est bien triste, ce pauvre vieux! De sa vie il n'a fait de mal à personne, et il a fait beaucoup de bien. Physiquement, il était de fer, mais il avait l'entêtement de ne pas écouter les médecins. J'aimais bien l'entendre parler du temps de sa faveur". Dans les deux dernières années de sa vie, il n'y avait guère que Boulgakoff qui ne l'eût pas oublié: „Il était devenu sauvage, laissait pousser sa barbe et ne quittait plus sa robe de chambre, mais quand je venais, j'étais toujours bien reçu". Une fois même, il lui donna une lettre de l'Impératrice Catherine (v. Archive Russe, 1879). Au témoignage de Helbig, „il était plus agréable que beau, mais d'une élégance peu commune; quoique sans instruction, il avait de la conversation et du bon sens". Un autre contemporain, le prince I. Dolgorouky, le représente comme „un homme qui n'aimait personne que lui, un richard vaniteux et nul, qui ne dut qu'à la fortune aveugle, à son visage agréable et à sa jeunesse l'éclat dont il brilla un moment près du trône! Il habitait la même maison que ma tante" (la comtesse Stroganoff), „ils avaient aussi les mêmes enfants".

Les enfants de Korsakoff reçurent la noblesse et le nom de Ladomirsky; outre son fils Basile, il avait encore deux filles, Zénaïde, mariée au prince D. Golitzyne, et Sophie au comte A. Apraxine.

(D'après un original appartenant à la comtesse M. Stenbock, Tsarskoïé-Sélo.)

176

Князь ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1752—1812, сынъ князя Василія Михайловича Долгорукаго-Крымскаго (1722—1782; см. № 14) отъ брака съ Анастасіей Васильевной Волынской (см. № 95), служилъ въ Селенгинскомъ пѣхотномъ полку и сопровождалъ отца въ Крымскомъ походѣ; 19-и лѣтъ отъ роду былъ уже полковникомъ, 28 Февраля 1775 г. произведенъ въ бригадиры, 28 Іюня 1777 г.—въ генералъ-майоры и 21 Апрѣля 1783 г.—въ генералъ-поручики; за осаду и штурмъ Очакова награжденъ 16 Декабря 1788 г. орденомъ св. Георгія 2 степени. Павелъ I, въ день коронаціи, произвелъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожаловалъ Александровскую ленту, а 21 Августа 1799 г. уволилъ его совсѣмъ отъ службы. Проживъ съ женой нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, послѣдніе годы жизни князь В. В. Долгорукій прожилъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ и умеръ въ Мартѣ 1812 года.

Онъ былъ извѣстенъ не столько самъ по себѣ, сколько по тому, что былъ женатъ съ 1786 г. на знаменитой красавицѣ, княжнѣ Екатеринѣ Федоровнѣ Барятинской (1769—1849; см. № 85), въ которую въ лагерѣ подъ Очаковымъ и въ Бендерахъ былъ страстно и безуспѣшно влюбленъ великолѣпный князь Тавриды. Отъ этого брака князь В. В. Долгорукій имѣлъ двоихъ сыновей: Василія (р. 1787 г., † 1858 г.; дѣйствительный тайный совѣтникъ) и Николая (р. 1789 г., † 1872 г.; оберъ-шенкъ) и одну дочь, княжну Екатерину (р. 1791 г., † 1862 г.; гофмейстерина, въ замужествѣ за княземъ С. П. Салтыковымъ).

(Съ портрета, принадлежащаго князю Д. И. Долгорукому, с. Волынщина, Московской губ.)

176

Le prince BASILE VASSILIEWITCH DOLGOROUKY, 1752—1812, fils du prince Basile Mikhaïlowitch Dolgorouky-Krymsky (1722—1782; v. № 14) et d'Anastasie Vassiliewna, née Volynsky (v. № 95), servit dans l'infanterie et accompagna son père dans la campagne de Crimée. A 19 ans il était déjà colonel, le 28 février 1775 fut promu brigadier, le 28 juin 1777 général major et le 21 avril 1783 général lieutenant; le siège et l'assaut d'Otchakovo lui valurent, le 16 décembre 1788, l'ordre de St-Georges de 2e classe. Paul Ier, le jour de son couronnement, le fit conseiller privé actuel et lui décerna le cordon de St-Alexandre, puis, le 21 août 1799, le mit définitivement à la retraite. Il habita plusieurs années Paris et Vienne avec sa femme et passa les dernières années de sa vie à Pétersbourg, où il mourut en mars 1812.

Il était moins connu pour lui-même que pour avoir épousé, en 1786, une femme renommée pour sa beauté, la princesse Catherine Féodorowna Bariatinsky (1769—1849; v. № 85), pour laquelle le magnifique prince de Tauride eut sous Otchakovo et Bender une grande et malheureuse passion. Le prince Dolgorouky eut de son mariage deux fils, Basile (1787—1858), conseiller privé actuel, et Nicolas (1789—1872), grand échanson, et une fille, la princesse Catherine (1791—1862), maîtresse de la Cour, mariée au prince S. Saltykoff.

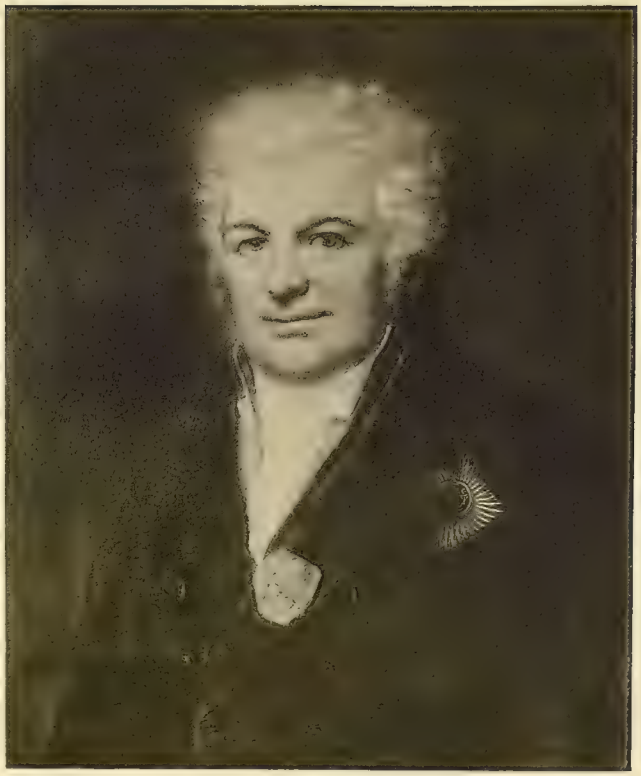
(D'après un original appartenant au prince D. Dolgorouky, Volynchtchino, gouv. de Moscou.)

175

Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, 1754—1831

Ivan Nikolaewitch Rimsky-Korsakoff, 1754—1831

176



Князь Василій Васильевичъ Долгорукій, 1752—1812

Le Prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky, 1752—1812

Экспед. загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

177

НИКОЛАЙ НИКИТИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1773—1828, сынъ Никиты Акинѳіевича (1724—1789) отъ 3-й его жены Александры Евтихіевны Сафоновой, родился 9 Ноября 1773 года; наслѣдовалъ отъ отца большое состояніе — 8 заводовъ и 11.550 душъ крестьянъ, такъ что доходы его достигали, по словамъ Ростопчина, 250/т. рублей въ годъ. Въ молодости онъ былъ очень расточителенъ; надъ нимъ учреждена была опека, и въ 1793 г. тотъ же Ростопчинъ, которому, впрочемъ, нельзя особенно довѣряться въ оцѣнкѣ имъ моральныхъ качествъ другихъ, писалъ графу С. Р. Воронцову: Генералъ-прокуроръ „представилъ къ наградѣ орденомъ св. Владиміра 3 степени камеръ-юнкера Демидова, сущаго мѣщанина во дворянствѣ, которому въ одинъ день даны опекуны для управленія его имѣніями и мѣсто въ департаментѣ Государственнаго казначейства. Поистинѣ кажется, что хотятъ слѣдовать системѣ уничтоженія, по которой негодяямъ предоставляются отличія, подобающія людямъ". Начало царствованія Александра I Демидовъ провелъ съ молодой женой въ Парижѣ, но передъ 1812 г. вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ, въ старинномъ Демидовскомъ домѣ, на Гороховомъ полѣ, и здѣсь принялся формировать пѣхотный полкъ, который желалъ содержать на свой счетъ. Въ 1813 г. Демидовъ пожертвовалъ Московскому университету большое собраніе физическихъ, естественныхъ и др. коллекцій, которыя легли въ основу новыхъ музеевъ, вмѣсто прежнихъ, погибшихъ во время французскаго погрома. Съ этого времени Демидовъ пріобрѣлъ репутацію мецената и покровителя наукъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался изъ расточительнаго человѣкомъ очень расчетливымъ и предпріимчивымъ; Демидовъ искусно управлялъ своими дѣлами, при чемъ особенное вниманіе удѣлялъ своимъ горнымъ заводамъ, гдѣ примѣнялъ всѣ новѣйшія техническія усовершенствованія. По словамъ Свиньина, онъ оставилъ своимъ сыновьямъ колоссальное состояніе, вдвое больше того, какое досталось ему самому отъ отца. По службѣ Демидовъ былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, тайнымъ совѣтникомъ, а въ послѣдніе годы жизни—русскимъ посланникомъ во Флоренціи. Здѣсь имъ былъ основанъ на свои средства домъ призрѣнія престарѣлыхъ и сироть; вблизи этого громаднаго зданія на „Демидовской" площади стоитъ мраморная статуя самого Демидова, поставленная въ 1870 г. его сыномъ Анатоліемъ.

Демидовъ былъ женатъ на баронессѣ Елизаветѣ Александровнѣ Строгановой (1779—1818; см. № 100), отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей, Павла (1798—1840) и Анатолія (1812—1869). Супруги не сходились характерами и во вкусахъ. Красивая, веселая и легкомысленная жена тяготилась скучнымъ и тяжелымъ въ семейной жизни нравомъ мужа; Демидовы часто разъѣзжались, а послѣ 1812 г. и рожденія второго сына произошелъ окончательный разрывъ.

П. Н. Демидовъ умеръ во Флоренціи 22 Апрѣля 1828 года и погребенъ на одномъ изъ своихъ Уральскихъ заводовъ.

(Съ миніатюры изъ собранія П. П. Дурново, С.-Петербургъ.)

177

NICOLAS NIKITITCH DEMIDOFF, 1773—1828, fils de Nikita Démidoff (1724—1789) et de sa troisième femme Alexandrine Eftikhiewna Safonoff, naquit le 9 novembre 1773. Il reçut de son père une fortune considérable, huit fabriques et 11.550 têtes de paysans, dont les revenus atteignaient, selon Rostoptchine, 250.000 roubles par an. Il était dans sa jeunesse d'une prodigalité excessive; on lui donna une tutelle, et, en 1793, le même Rostoptchine, dont le témoignage en matière d'appréciation morale des autres est du reste un peu sujet à caution, écrivait au comte S. Worontzoff: Le procureur général „a présenté pour l'ordre de St-Vladimir de 3e classe le gentilhomme de la chambre Démidoff, noble d'origine bourgeoise, auquel on a donné en un même jour un conseil de tutelle et une place au Trésor. Il semble, en vérité, qu'on adopte le système d'écrasement qui consiste à accorder aux chenapans les distinctions faites pour les gens sérieux". Pendant tout le commencement du règne d'Alexandre Ier, Démidoff habita Paris avec sa femme, mais il rentra en Russie à la veille de 1812 et se fixa à Moscou dans la vieille maison de famille de Gorokhovoïé-Polé, et s'occupa à former un régiment d'infanterie, qu'il tint à entretenir à ses frais. En 1813, il fit don à l'université de Moscou de grandes collections de physique et d'histoire naturelle, qui firent le fond des musées nouveaux destinés à remplacer ceux que l'occupation française avait anéantis. Ceci lui fit une réputation de Mécène et de protecteur des sciences. Dans la suite, sa prodigalité fit place à un grand esprit d'économie et d'entreprise; il administra fort habilement ses affaires, accordant une attention particulière à ses usines métallurgiques, où il adopta tous les nouveaux perfectionnements techniques. Au témoignage de Svinyine, il laissa à ses fils une fortune colossale, double de celle que lui avait laissée son père. Comme fonctionnaire, Démidoff était chambellan actuel et commandeur de St-Jean-de-Jérusalem, conseiller privé, et, dans les dernières années de sa vie, ambassadeur de Russie à Florence. Là il fonda à ses frais un asile de vieillards et d'orphelins, bâtiment immense, près duquel son fils Anatole lui fit élever, en 1870, une statue en marbre, sur la „Place Démidoff".

Démidoff avait épousé la baronne Elisabeth Alexandrowna Stroganoff (1779—1818; v. № 100), dont il eut deux fils, Paul (1798—1840) et Anatole (1812—1869). Les époux n'avaient ni le même caractère ni les mêmes goûts: belle, gaie et frivole, la baronne ne s'accommodait pas d'un mari fâcheux et encombrant dans son intérieur; ils se séparèrent à plusieurs reprises, et la rupture devint définitive après la naissance de leur second fils.

Nicolas Démidoff mourut à Florence le 22 avril 1828, et fut inhumé dans une de ses usines de l'Oural.

(D'après une miniature de la collection Dournovo, St-Pétersbourg.)

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПАРЫШКИНЪ, 1761—1841, сынъ Александра Ивановича Парышкина († 1782 г.) отъ брака его съ княжною Анной Никитичной Трубецкой, родился 19 Марта 1761 года. Отецъ его, А. И. Парышкинъ, съ 1758 г. состоялъ камеръ-юнкеромъ, а потомъ камергеромъ при Императорѣ Петрѣ III, и находился въ день переворота 1762 г. въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Петра III въ неудавшемся его бѣгствѣ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Поэтому, можетъ-быть, ни онъ, ни сынъ его не играли при дворѣ Екатерины замѣтной роли. Иванъ Александровичъ, женившійся въ 1787 г. на баронессѣ Екатеринѣ Александровнѣ Строгановой (1769—1844), былъ произведенъ 27 Марта 1798 г. въ тайные совѣтники, а въ царствованіе Александра I сразу достигъ высшихъ придворныхъ чиновъ оберъ-камергера и оберъ-церемоніймейстера, будучи пожалованъ въ послѣднюю должность въ 1809 г., по ходатайству Маріи Антоновны Парышкиной. Состоя съ нею въ родственныхъ и пріятельскихъ отношеніяхъ, Парышкинъ былъ своимъ человѣкомъ у нея въ домѣ; большой поклонникъ женской красоты, онъ втайнѣ вздыхалъ по ней и считался ея присяжнымъ обожателемъ, въ то же время онъ находился, какъ говорятъ, подъ башмакомъ у своей властолюбивой супруги, которой страшно боялся, что не мѣшало ему имѣть безчисленныя любовныя интриги. Вѣтреный и легкомысленный отъ природы, оставшись таковымъ и на старости лѣтъ, Парышкинъ любилъ хорошо пожить и порядкомъ разстроилъ свое и женино состояніе, при чемъ свойственныя ему безпечность и излишняя довѣрчивость отразились печальнымъ образомъ и на его придворной карьерѣ. Пользовавшаяся его покровительствомъ француженка г-жа Вертёль, содержательница мастерской дамскихъ нарядовъ, оказалась замѣшанной въ полученіи контрабандою, черезъ дипломатическую вализу одного изъ иностранныхъ посольствъ, разныхъ модныхъ товаровъ для своего магазина. Исторія эта причинила много непріятностей Нарышкину; онъ долженъ былъ оставить службу при дворѣ и переселился въ Москву, гдѣ прожилъ еще довольно долго и умеръ сенаторомъ 18 Января 1841 г.; похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

Легкомысліе и вѣтреность не покидали И. А. Парышкина и въ старости. „Небольшого роста, худенькій и миловидный человѣчекъ“, говоритъ про него одна изъ его современницъ, „онъ, въ противоположность супругѣ своей, былъ очень общительнаго характера, очень учтивъ въ обращеніи и большой шаркунъ. Волосы у него были очень рѣдки, онъ стригъ ихъ коротко и какимъ-то особеннымъ манеромъ, что очень къ нему шло; былъ большой охотникъ до перстней и носилъ прекрупные брильянты“. Уже старикомъ его часто можно было встрѣтить въ Петровскомъ паркѣ или Сокольникахъ, на куцомъ конѣ, съ розою въ петлицѣ фрака, ухаживающимъ за дамами, при чемъ въ Москвѣ онъ былъ горячимъ поклонникомъ княгини Зинаиды Волконской, которую называлъ: „наша Коринна“. Большой меломанъ, въ молодости хорошо игравшій на скрипкѣ, онъ на любительскихъ концертахъ принималъ участіе въ квартетахъ, хотя злые языки и увѣряли, что изъ пропущенныхъ имъ нотъ можно было бы составить цѣлую сонату.

Не безынтересно, можетъ-быть, предсказаніе, касавшееся той вѣтви семьи Парышкиныхъ, къ которой принадлежалъ Иванъ Александровичъ, и оправдавшееся на его потомствѣ. Въ родѣ его сохранялась борода московскаго юродиваго Тимоѳея Архипыча, предсказавшаго прабабкѣ И. А. Парышкина, Настасіи Александровнѣ Парышкиной, что, покуда борода эта будетъ храниться въ ея семьѣ, родъ ея не пресѣчется и останется вѣрнымъ православію. Борода эта, хранившаяся у Ивана Александровича въ особомъ ящикѣ на шелковой подушкѣ съ крестомъ, при переѣздкѣ его въ новый домъ на Пречистенкѣ исчезла и едва ли не была съѣдена бѣлыми мышами, которыхъ у Парышкина была цѣлая коллекція, и которыхъ онъ неосторожно помѣстилъ, для переѣзда, въ ту же шкатулку, гдѣ хранился талисманъ. Какъ бы то ни было, но предсказаніе юродиваго оправдалось: двое сыновей, Александръ и Алексѣй, умерли бездѣтными, а у третьяго, Григорія, единственный сынъ не оставилъ мужескаго потомства, двѣ дочери вышли за иностранцевъ католиковъ: за французскаго барона Валуа и австрійскаго майора Нетцъ, а третья, Наталія Григорьевна, сама перешла въ католичество, постриглась въ монахини и была извѣстна подъ именемъ „la sœur Nathalie Narychkine“.

(Съ миніатюры, принадлежащей С. П. Казнакову, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN ALEXANDROWITCH NARYCHKINE, 1761—1841, fils d'Alexandre Ivanowitch Narychkine († 1782) et d'Anna Nikititchna, née princesse Troubetzkoï, naquit le 19 mars 1761. Son père, gentilhomme de la chambre depuis 1758, puis chambellan, à la Cour de Pierre III, fut, lors du coup d'état de 1762, du nombre de ceux qui suivirent le Souverain dans sa fuite malheureuse d'Oranienbaum à Cronstadt: ceci explique sans doute qu'il n'ait jamais joué, non plus que son fils, qu'un rôle effacé à la Cour de Catherine. Ivan Narychkine épousa, en 1787, la baronne Catherine Alexandrowna Stroganoff (1769—1844), fut nommé conseiller privé le 27 mars de l'année suivante, et, sous Alexandre Ier, parvint d'emblée à la Cour au poste élevé de grand chambellan, puis à celui de grand maître des cérémonies, où il fut nommé, en 1809, sur la demande de Marie Antonowna Narychkine. En raison de ses rapports de parenté et d'amitié avec elle, il était chez elle un familier de la maison; grand adorateur de la beauté féminine, il soupirait en silence et se faisait son cavalier servant, se laissant d'autre part mener à la baguette par sa femme, personne au caractère dominateur, dont il avait une peur terrible, ce qui ne l'empêchait pas de faire des frasques sans nombre. D'un naturel volage et frivole, qui lui resta en dépit de l'âge, il aimait bien vivre et ne laissa pas d'endommager assez sérieusement sa fortune et celle de sa femme. Du reste, son insouciance naturelle et son caractère confiant ne furent pas sans avoir des suites déplorables pour sa carrière à la Cour. Une modiste française à laquelle il accordait sa protection, Mme Verteuil, se trouva compromise dans une affaire de contrebande: elle s'était servie de la valise diplomatique d'une ambassade étrangère pour faire venir en franchise des articles de modes pour son magasin. L'histoire lui causa de gros ennuis: il dut quitter la Cour et se fixa à Moscou, où il vécut encore assez longtemps; il y mourut sénateur, le 18 janvier 1841, et fut inhumé au monastère Donskoï.

„C'était", dit une contemporaine, „un gentil petit homme, court et fluet, grand faiseur de révérences, d'un caractère très communicatif, tout au contraire de sa femme, et d'une extrême courtoisie. Il avait des cheveux très clairsemés, qu'il portait courts, avec une coupe particulière qui lui allait fort bien. Il était grand amateur de bagues et se chargeait les doigts d'énormes brillants". Il n'était déjà plus jeune qu'on pouvait le voir souvent au parc Pierre-le-Grand ou aux Sokolniki monté sur un cheval courtaud, une rose à la boutonnière de son habit et faisant la cour aux dames: il était alors fervent adorateur de la princesse Zénaïde Wolkonsky, qu'il appelait „notre Corinne". Grand mélomane, bon violoniste dans sa jeunesse, il jouait à des quatuors d'amateurs, mais les mauvaises langues prétendaient qu'avec les notes qu'il sautait il y avait de quoi faire toute une sonate.

Il ne sera peut-être pas sans intérêt de rappeler une prédiction concernant la branche des Narychkine à laquelle appartenait Ivan Alexandrowitch et qui se réalisa en effet. On conservait dans la famille la barbe du moscovite Timothée Arkhipytch l'Innocent, qui avait promis à sa bisaïeule Nastasie Alexandrowna Narychkine que, tant que cette barbe serait conservée, sa postérité ne s'éteindrait pas et resterait fidèle à l'orthodoxie. Ivan Narychkine l'avait enfermée précieusement dans une boîte, où elle était étendue avec une croix sur un coussin de soie. Dans un déménagement, elle disparut, rongée presque tout entière par des souris blanches dont il avait toute une collection et qu'il avait imprudemment mises, pour les transporter, dans la boîte au talisman. Aussi bien, la prédiction de l'Innocent se réalisa: deux de ses fils, Alexis et Alexandre, moururent sans enfants, et le troisième, Grégoire, eut un fils qui ne laissa pas de descendance mâle, deux filles qui épousèrent des étrangers catholiques, le baron français Valois et le major autrichien Petz, et une autre, Natalie, qui embrassa elle-même le catholicisme, se fit religieuse et fut connue sous le nom de „la sœur Natalie Narychkine".

(D'après une miniature appartenant à S. Kaznakoff, St-Pétersbourg.)

Князь **НИКОЛАЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ**, 1753—1821, родной дѣдъ по матери графа Льва Николаевича Толстого, генералъ-аншефъ, сынъ князя Сергѣя Федоровича отъ брака съ Маріей Дмитріевной Чаадаевой, родился 30 Марта 1753 г.; въ 1780 г. князь Волконскій состоялъ въ свитѣ Императрицы Екатерины II во время путешествія ея въ Западный край, а въ 1786 г. сопровождалъ Государыню въ ея поѣздкѣ въ Крымъ; въ 1793 г. былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Берлинѣ по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца. Въ царствованіе Павла I князь Волконскій оставилъ службу и навсегда поселился въ деревнѣ, гдѣ и умеръ 3 Февраля 1821 г.; похороненъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ.

Былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Трубецкой (1749—1799), отъ которой имѣлъ единственную дочь, добрую и набожную, но некрасивую, съ особенно широкими, по словамъ Булгакова, бровями, княжну Мар[illegible]ію (1790—1830), вышедшую замужъ уже далеко немолодой за графа Николая Ильича Толстого.

Ея геніальный сынъ, въ „Войнѣ и мирѣ“, обезсмертилъ дѣда въ образѣ вольтерьянца князя Николая Андреевича Волконскаго, высланнаго изъ Петербурга при Павлѣ и безвыѣздно жившаго въ своихъ „Лысыхъ горахъ“. Старикъ-князь былъ типъ отжитой эпохи, обломокъ минувшей старины, важный вельможа вѣка Екатерины. Суровый и сухой, онъ никогда не позволялъ себѣ выказать своихъ чувствъ, и горячая любовь къ дочери все-таки заключалась имъ подъ внѣшнюю ледяную кору. „Порядокъ въ его образѣ жизни былъ доведенъ до послѣдней степени точности. Съ людьми, окружавшими его, отъ дочери до слугъ, князь былъ рѣзокъ и неизмѣнно требователенъ, и потому, не бывъ жестокимъ, онъ возбуждалъ къ себѣ страхъ и почтительность, какихъ не легко могъ бы добиться самый жестокій человѣкъ. Несмотря на то, что онъ былъ въ отставкѣ и не имѣлъ теперь никакого значенія въ государственныхъ дѣлахъ, каждый начальникъ той губерніи, гдѣ было имѣніе князя, считалъ своимъ долгомъ являться къ нему, и точно такъ же, какъ архитекторъ, садовникъ или княжна Марья, дожидался назначеннаго часа выхода князя въ высокой офиціантской. И каждый въ этой офиціантской испытывалъ то же чувство почтительности и даже страха въ то время, какъ отворялась громадно-высокая дверь кабинета и показывалась въ напудренномъ парикѣ невысокая фигура старика, съ маленькими, сухими ручками и сѣрыми висячими бровями, иногда, когда онъ насупливался, застилавшими блескъ умныхъ и точно молодыхъ блестящихъ глазъ. Эта суровость и сухость старика производила на всѣхъ окружающихъ его такое тяжелое впечатлѣніе, что даже сама княжна Марья, единственная и любимая дочь князя Волконскаго, крестилась и шептала молитву, входя въ его кабинетъ“. Такъ изображаетъ нашъ талантливый писатель своего дѣда, котораго, впрочемъ, самъ онъ не зналъ, такъ какъ родился уже послѣ смерти старика князя.

(Съ миніатюры 1806 г., принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

179

Le prince NICOLAS SERGUÉEWITCH WOLKONSKY, 1753—1821, grand-père maternel du comte Léon Tolstoï, général en chef, fils du prince Serge Féodorowitch Wolkonsky et de Marie Dmitriewna, née Tchaadaeff, naquit le 30 mars 1754. En 1780, il fut de la Suite de l'Impératrice Catherine dans son voyage aux provinces de l'Ouest, puis, en 1786, l'accompagna en Crimée; en 1793, il fut nommé envoyé extraordinaire à Berlin à l'occasion du mariage du prince héritier. Sous le règne de Paul Ier, il quitta le service et se retira pour toujours dans ses terres, où il mourut le 3 février 1821; il fut inhumé au cloître de St-Serge Troïtzky.

Il avait épousé la princesse Catherine Dmitriewna Troubetzkoï (1749—1799), dont il eut une fille unique, bonne et pieuse, mais laide, qui avait, dit Boulgakoff, d'énormes sourcils, la princesse Marie (1790—1830), qui épousa déjà mûre le comte Nicolas Ilyitch Tolstoï.

Son génial fils, dans „La Guerre et la Paix", a immortalisé son grand-père sous les traits du voltairien prince Nicolas Andréewitch Wolkonsky, exilé de Pétersbourg sous Paul et étroitement retiré dans son domaine de Lysy-Gory. Le vieux prince était un type d'une époque finie, un débris du passé lointain, un grand seigneur important du siècle de Catherine. Rigide et sec, il ne laissait jamais rien paraître de ses sentiments; il n'était pas jusqu'à son grand amour pour sa fille qu'il ne cachât sous une enveloppe de glace. „L'ordre était poussé dans sa vie jusqu'aux dernières limites de la minutie. Avec son entourage, depuis sa fille jusqu'aux domestiques, le prince se montrait d'une dureté et d'une exigence intraitables, et par là, sans violence, arrivait à se faire craindre et respecter comme ne saurait faire l'homme le plus violent. Il était retraité et n'était plus rien dans les affaires publiques, et pourtant, dans les gouvernements où il avait des propriétés, le gouverneur ne manquait jamais de lui rendre visite et faisait antichambre dans son immense vestibule, tout comme son architecte, son jardinier ou la princesse Marie. Et là, tous éprouvaient le même sentiment de vénération et même d'effroi en voyant s'ouvrir l'énorme porte du cabinet et paraître le petit vieillard en perruque poudrée, avec ses petites mains sèches et ses sourcils grisonnants et tombants, qui se fronçaient parfois, voilant l'éclat du regard fin et brillant comme dans la jeunesse. Telle était la pénible impression produite par cette rigidité et cette sécheresse, que la princesse Marie elle-même, la fille unique et chérie du prince Wolkonsky, se signait en murmurant une prière, lorsqu'elle entrait dans son cabinet". C'est ainsi que Léon Tolstoï représente son grand-père, que, du reste, il ne connut pas, n'étant né qu'après sa mort.

(D'après une miniature 1806, appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

177

Николай Никитичъ Демидовъ, 1773 — 1828 *Nicolas Nikititch Démidoff, 1773 — 1828*

178

Иванъ Александровичъ Нарышкинъ, 1761 — 1841 *Ivan Alexandrowitch Narychkine, 1761 — 1841*

179

Князь Николай Сергѣевичъ Волконскій, 1753 — 1821 *Le Prince Nicolas Serguéwitch Wolkonsky, 1753 — 1821*

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ ПЛЕЩЕЕВЪ, 1752—1802, дѣйствительный тайный совѣтникъ, на службу поступилъ мичманомъ въ 1764 г. и совершилъ затѣмъ дальнія плаванія въ Америку и, въ составѣ эскадры графа Орлова-Чесменскаго,—въ Архипелагъ. Въ 1775 и 1776 гг. Плещеевъ состоялъ при Константинопольскомъ посольствѣ князя Н. В. Репнина. Какъ опытный морякъ, Плещеевъ назначенъ былъ въ 1777 г. состоять при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, по званію генералъ-адмирала, и сопровождалъ его въ путешествіи за границу въ 1781 и 1782 годахъ. Мистикъ и масонъ, Плещеевъ повліялъ въ этомъ смыслѣ и на Великаго Князя; Плещеевъ пользовался особымъ расположеніемъ какъ самого Павла Петровича, такъ и супруги его, Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны. По восшествіи на престолъ Императора Павла I, Плещеевъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ и способствовалъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Нелидовой въ ихъ вліяніи на Павла. Въ 1797 г. Плещеевъ пожалованъ былъ въ вице-адмиралы; послѣ коронаціи ему поручена была раздача денегъ бѣднымъ въ Москвѣ, при этомъ было раздавлено 8 человѣкъ. Плещеевъ принялъ отвѣтственность на себя и сказалъ Павлу I: „Сибири мнѣ мало. Я наказанъ болѣе, нежели сколько наказать можно“. И заслужилъ вновь благоволеніе Государя, но уже въ слѣдующемъ году, съ разгромомъ партіи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, лишился всякаго значенія и долженъ былъ уѣхать въ Москву, гдѣ, переименованный въ тайные совѣтники, управлялъ Воспитательнымъ домомъ въ званіи почетнаго опекуна. Умеръ Плещеевъ 23 Января 1802 г., за границей, въ Монпелье.

По словамъ Рунича, „Плещеевъ—„Сюлли“ Павла, обладая самыми высокими качествами ума и сердца и получивъ прекрасное воспитаніе, по слабости своего характера, не могъ занимать виднаго мѣста въ администраціи. При всей своей привязанности и преданности Павлу, онъ былъ только его личнымъ другомъ. Отличаясь спокойнымъ характеромъ, былъ равнодушенъ къ почестямъ и богатству“. И. А. Саблуковъ въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что „Плещеевъ прежде служилъ въ англійскомъ флотѣ, былъ отличнымъ офицеромъ, человѣкомъ широко образованнымъ и особеннымъ знатокомъ русской литературы. Впослѣдствіи Плещеевъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Les voyages du Comte et de la Comtesse du Nord“ (по-русски „Начертаніе путешествія Великаго Князя Павла Петровича въ 1776 г.“). Кромѣ того, написалъ для ознакомленія Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ географіей Россіи книгу: „Обозрѣніе Россійской имперіи“ (Спб., 1786) и издалъ описаніе своего путешествія изъ Архипелага въ Сирію и Іерусалимъ (Спб., 1775).

Плещеевъ женатъ былъ на любимой фрейлинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Натальѣ Ѳедотовнѣ Вершиной (см. № 145). Женѣ своей онъ запрещалъ носить дорогія платья, возилъ ее по бѣднымъ и больнымъ, по трактирамъ и харчевнямъ. Отъ этого брака у Плещеева было 3 дѣтей, изъ которыхъ двое умерли въ дѣтствѣ, а одна дочь была замужемъ за тайн. сов. и камергеромъ Александромъ Ивановичемъ Ковальковымъ (1795—1852), писателемъ-мистикомъ (по преданію былъ сынъ масона сенатора П. В. Лопухина).

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

180

SERGE IVANOWITCH PLECHTCHÉEFF, 1752—1802, conseiller privé actuel, entra au service comme aspirant de marine, en 1764, et fit ensuite des croisières au long cours en Amérique et avec la flotte du comte Orloff-Tchesmensky dans l'Archipel. En 1775 et 1776, il fit partie de l'ambassade du prince Repnine à Constantinople. Comme marin expérimenté, il fut attaché, en 1777, à la personne du Grand-Duc Paul Pétrowitch avec rang de général amiral, et l'accompagna dans son voyage à l'étranger, en 1781 et 1782. Mystique et franc-maçon, il ne fut pas sans influence dans cet ordre d'idées sur le Grand-Duc: il jouit non seulement de sa faveur particulière, mais aussi de celle de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, sa femme. A l'avènement de Paul, il fut nommé général aide de camp et fut l'auxiliaire de Marie Féodorowna et de Mlle Nélidoff dans l'ascendant qu'elles prirent sur l'Empereur. En 1797, il fut nommé vice-amiral; lors du couronnement, il fut chargé des distributions d'argent aux pauvres de Moscou, au cours desquelles il y eut huit personnes d'écrasées; il en prit toute la responsabilité et dit à Paul: „La Sibérie serait peu pour moi: je suis puni par ce malheur plus que par toutes les punitions". Il rentra en grâce, mais, l'année suivante, la ruine du parti de l'Impératrice entraina sa disgrâce et il dut se retirer à Moscou; il y permuta dans le civil avec rang de conseiller privé et fut nommé directeur des Enfants Trouvés avec le titre de tuteur honoraire. Il mourut, le 23 janvier 1802, à l'étranger, à Montpellier.

Au témoignage de Rounitch, „Plechtchéeff, le Sully de Paul Ier, était doué des plus hautes qualités du cœur et de l'esprit et avait reçu une excellente éducation, mais la faiblesse de son caractère l'empêcha d'occuper une position en vue dans l'administration: avec tout son attachement et son dévouement pour l'Empereur, il ne fut jamais que son ami personnel. D'un caractère tranquille, il était indifférent aux honneurs et à la richesse". Sabloukoff dit dans ses Notes que „Plechtchéeff avait servi dans la marine anglaise, était un excellent officier, un homme d'une instruction étendue et un connaisseur distingué en littérature russe. Il publia plus tard un ouvrage intitulé Les voyages du Comte et de la Comtesse du Nord". Il composa en outre pour l'instruction de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna un Aperçu géographique de l'Empire de Russie (SPb., 1786) et publia une relation de son voyage de l'Archipel en Syrie et à Jérusalem (SPb., 1773).

Plechtchéeff avait épousé Natalie Fédotowna Vériguine (v. № 145), la demoiselle d'honneur préférée de l'Impératrice Marie Féodorowna. Il lui interdisait la toilette et la menait visiter les pauvres et les malades, les cabarets et les auberges. Il eut trois enfants, dont deux moururent en bas âge; sa fille épousa le conseiller privé et chambellan Alexandre Ivanowitch Kovalkoff (1795—1852), écrivain mystique, fils prétendu du sénateur et franc-maçon Ivan Vladimirowitch Lopoukhine.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

Графъ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ-ДЕНИСОВЪ, 1775—1843, сынъ войскового атамана Василія Петровича Орлова и Дарьи Федоровны Денисовой, родился 8 Сентября 1775 года; онъ былъ природнымъ донскимъ казакомъ. Отецъ его владѣлъ богатыми землями на Дону, а послѣ смерти дѣда, графа Федора Петровича Денисова, не имѣвшаго мужескаго потомства, къ Василію Васильевичу перешла, 26 Апрѣля 1801 г., фамилія дѣдовская и графскій титулъ. 12-и лѣтъ графъ Орловъ-Денисовъ былъ уже казакомъ на конѣ, а 15-и лѣтъ началъ сторожевую службу на берегахъ Чернаго моря. Въ 1790 г. онъ былъ переведенъ въ разъѣздный полкъ въ Петербургѣ; въ слѣдующемъ году произведенъ въ есаулы. Живя въ Петербургѣ, благодаря знакомству и покровительству поэта Державина, графъ Орловъ-Денисовъ получилъ нѣкоторое образованіе, хотя и не особенно обширное. Немного зналъ французскій и нѣмецкій языки. Съ 1794 г. начинается его боевая дѣятельность въ Польшѣ; въ царствованіе Александра I Орловъ-Денисовъ отличился, въ 1807 г., на поляхъ Гутштадта и Гейльсберга, послѣ—въ Финляндіи. Въ это же время онъ былъ назначенъ командиромъ Лейбъ-Казачьяго полка; 29 Января 1811 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ Императора Александра I „въ отличіе заслуги, войскомъ Донскимъ на пользу отечества въ разныхъ случаяхъ оказанной". Въ Отечественную войну графъ особенно отличился въ дѣлахъ при Валутиной горѣ, Бородинѣ и Тарутинѣ. Въ 1813 г. Василій Васильевичъ безотлучно находился при особѣ Императора, былъ съ нимъ въ сраженіяхъ при Бауценѣ, Люценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ и дѣйствовалъ замѣчательно умѣло въ „битвѣ народовъ" подъ Лейпцигомъ со своими лейбъ-казаками. Графъ Орловъ-Денисовъ былъ также во многихъ дѣлахъ кампаніи 1814 г. и въѣзжалъ съ Государемъ въ Парижъ. Въ мирное время графъ жилъ въ Петербургѣ, пользуясь всегда особымъ расположеніемъ Монарха. Ему же было поручено сопровождать бренные останки Александра I изъ Таганрога до Петропавловской крѣпости. 3 Сентября 1827 г. графъ Орловъ-Денисовъ вышелъ въ отставку и поселился въ Харьковѣ. Графъ былъ женатъ, съ 22 Сентября 1805 г., на дочери министра финансовъ графа Васильева, фрейлинѣ графинѣ Маріи Алексѣевнѣ (1784—1829; см. № 47) и имѣлъ много дѣтей отъ этого брака.

Графъ В. В. Орловъ-Денисовъ скончался 24 Января 1843 г. въ Харьковѣ и погребенъ въ соборномъ храмѣ харьковскаго Преображенскаго женскаго монастыря.

По отзыву современника, графъ Орловъ-Денисовъ, богатырски сложенный, высокаго роста, „могучій всадникъ, былъ нѣжнымъ отцомъ и супругомъ; съ душою пламенною соединялъ онъ нравъ пылкій. Въ минуты неудовольствія глаза его сверкали, голосъ возвышался, но гнѣвъ его былъ непродолжителенъ. Онъ любилъ жизнь роскошную, веселую, и часто восходящее солнце заставало его за картами". Гостепріимный, веселый и любезный среди товарищей, онъ былъ молчаливъ съ малознакомыми. Онъ дѣлалъ много добра, строилъ церкви, помогалъ бѣднымъ и въ Харьковѣ основалъ первый дѣтскій пріютъ. Природный казакъ, онъ искренно любилъ своихъ донцовъ и считалъ ихъ непобѣдимыми, а казаки боготворили его и боялись его суроваго взгляда.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собственность М. П. Кристи, въ Москвѣ.)

181

Le comte BASILE VASSILIEWITCH ORLOFF-DÉNISSOFF, 1775—1843, fils de Basile Pétrowitch Orloff, ataman de Cosaques, et de Daria Féodorowna Dénissoff, naquit le 8 septembre 1775; il était cosaque du Don de naissance. Son père avait de riches propriétés sur le Don, et, après la mort de son grand-père le comte Théodore Dénissoff, qui ne laissait pas de descendance mâle, reçut, le 26 avril 1801, son nom de Dénissoff et son titre de comte. A l'âge de 12 ans, il était déjà cosaque monté, et, à 15 ans, il prit le service de garde sur les côtes de la mer Noire. En 1790, il passa à Pétersbourg, et, l'année suivante, fut promu capitaine. Là, grâce à l'amitié et à la protection du poète Derjavine, il reçut une certaine éducation, qui n'était pourtant pas très étendue. Il arriva à savoir un peu d'allemand et de français. En 1794, il commença à faire campagne en Pologne; sous Alexandre Ier, il se distingua sur les champs de bataille de Gutstadt et de Heilsberg, puis en Finlande. Il fut nommé vers la même époque commandant des cosaques de la Garde, et, le 29 janvier 1811, fait général aide de camp de l'Empereur Alexandre, „en récompense des services rendus à la Patrie en divers lieux par les Cosaques du Don". Pendant la Guerre Patriotique, il se distingua particulièrement à Valoutino, Borodino et Taroutino. En 1813, il fut partout aux côtés de l'Empereur, entre autres aux batailles de Bautzen, Lutzen, Dresde et Kulm, et fit preuve, à la tête de ses cosaques de la Garde, d'une remarquable habileté à la „Bataille des Nations" sous Leipzig. Il fut également de plusieurs affaires en 1814, et entra à Paris avec l'Empereur. A la paix, il se fixa à Pétersbourg, où il jouit toujours de la faveur particulière du Souverain: ce fut lui qui fut chargé de ramener sa dépouille mortelle de Taganrog à la citadelle Pierre-et-Paul. Il prit sa retraite le 3 septembre 1827 et se retira à Kharkoff. Il avait épousé, le 22 septembre 1805, la comtesse Marie Vassilieff (1784—1829; v. № 47), demoiselle d'honneur, fille du ministre des finances, dont il eut beaucoup d'enfants.

Il mourut à Kharkoff, le 24 janvier 1843, et y fut inhumé dans la cathédrale du monastère de la Transfiguration.

Au témoignage d'un contemporain, grand, taillé en géant, „cavalier solide, le comte Orloff-Dénissoff était plein de tendresse dans son intérieur; à une âme ardente il joignait un caractère vif. Dans ses moments de mécontentement, ses yeux étincelaient, sa voix grossissait, mais sa colère était vite tombée. Il aimait la vie large et gaie, et souvent l'aurore le trouvait encore au jeu". Accueillant, gai et aimable avec ses camarades, il était froid avec les étrangers. Il faisait beaucoup de bien, construisant des églises et secourant les pauvres, et fonda le premier asile d'enfants de Kharkoff. Cosaque de naissance, il aimait sincèrement ses hommes et les considérait comme invincibles: eux l'idolâtraient et redoutaient son regard farouche.

(D'après une aquarelle de P. Sokoloff, appartenant à M. Kristi, Moscou.)

180

Серѣй Ивановичъ
Плещеевъ,
1752 — 1802

Serge Ivanowitch
Pleshtcheeff,
1752 — 1802

181

Графъ Василій Васильевичъ
Орловъ-Денисовъ,
1775 — 1843

Le Comte Basile Vassiliewitch
Orloff-Denissoff,
1775 — 1843

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ-ТОЛСТОЙ, 1770—1857, сынъ генералъ-поручика Ивана Матвѣевича Толстого (1746—1808) и жены его Аграфены Ильиничны, рожд. Бибиковой. Участвовалъ во 2-й Турецкой войнѣ; былъ при взятіи Килліи и Измаила и въ битвѣ при Мачинѣ. Сумѣвъ заслужить расположеніе своихъ бездѣтныхъ стариковъ-дѣдовъ, графовъ Федора и Ивана Остерманов, онъ получилъ ихъ титулъ и фамилію (съ 27 Октября 1796 г.) и все имѣніе, состоявшее изъ 3 большихъ майоратовъ. Въ 1798 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Съ 1805 по 1807 г. участвовалъ во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ: при Аустерлицѣ, Пултускѣ, подъ Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ. Во время Отечественной войны и кампаніи 1813 и 1814 гг.—подъ Смоленскомъ, въ Бородинскомъ бою и былъ тяжело раненъ при Бауценѣ. При Кульмѣ, командуя корпусомъ, онъ задерживалъ въ Богемскихъ ущельяхъ натискъ непріятеля: маршалъ Вандамъ былъ взятъ въ плѣнъ, но въ этомъ сраженіи Толстой лишился лѣвой руки, оторвавшой ядромъ. 5 Марта 1814 г. былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а 17 Августа 1817 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, „въ день, ознаменовавшый славными подвигами на поляхъ кульмскихъ“. Жители Богеміи, благодарные гр. Остерману, поднесли ему кубокъ, въ память боя, гдѣ онъ, по выраженію Александра I, „потеряніемъ руки своей купилъ побѣду“. За кампанію 1813 г. онъ получилъ орд. св. Георгія 2-й степени. Отдавъ послѣдній долгъ и проводивъ тѣло Императора Александра I, Толстой не списалъ расположенія его преемника; онъ навсегда удалился за границу и тамъ сначала жилъ въ Мюнхенѣ, затѣмъ поселился во Флоренціи, позднѣе же большею частью жилъ въ Швейцаріи. Въ 1831 г. онъ отправился путешествовать по Востоку, былъ въ Константинополѣ, Іерусалимѣ, плавалъ по Нилу. „Московскій имамъ“, „безрукій угодникъ Божій“,—онъ поражалъ восточныхъ людей своими чудачествами. На баркѣ его была комната съ бюстомъ Александра I, наполненная иконами, предъ которыми курился ѳиміамъ и горѣли свѣчи. Въ 1835 г. онъ получилъ орд. св. Андрея Первозваннаго. По словамъ князя П. А. Вяземскаго, гр. Толстой былъ всегда чудакомъ, любилъ шутки и всякія мистификаціи; онъ получилъ недостаточное образованіе, но природа одарила его щедро: онъ отличался живостью ума, общительностью и пылкимъ воображеніемъ. Графу Бутурлину, видѣвшему его во Флоренціи въ 1838 и 1839 гг., онъ казался „человѣкомъ, наполненнымъ странностями, близкимъ къ умопомѣшательству; онъ путешествовалъ подъ псевдонимомъ полковника Иванова. Слышно было также, что въ его палаццо проживало его семейство съ лѣвой стороны отъ связи съ итальянкой“.

Графъ Остерманъ-Толстой былъ женатъ съ 1799 г. на княжнѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Голицыной (1779—1853); дѣтей у нихъ не было. Умеръ онъ въ полномъ уединеніи 30 Января 1857 г. въ Швейцаріи, въ Саконнэ, гдѣ и погребенъ.

По отзыву кн. Вяземскаго, гр. Остерманъ былъ „замѣчательной и своеобразной личностью, отличался прямодушіемъ и благородствомъ. Среди знаменитыхъ сверстниковъ онъ умѣлъ себя выказать. Рыцарское безстрашіе въ сраженіи, отвага, когда была она нужна, и неодолимая стойкость, когда дѣйствія того требовали, были отличительными принадлежностями военныхъ его способностей“.

Существуетъ гравюра, вышущенная въ 1827 г. въ Пизѣ, на которой гр. Остерманъ-Толстой изображенъ сидящимъ на скамейкѣ, съ трубкой въ рукѣ; около стоитъ люлька со спящимъ ребенкомъ, съ другой стороны играютъ 2 мальчика; подпись говоритъ: „Je me flatte que c'est les derniers faries (sic). A 55 ans il est temps de faire la clôture“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

Le comte ALEXANDRE IVANOWITCH OSTERMANN-TOLSTOÏ, 1770—1857, était fils du général lieutenant Ivan Matvéewitch Tolstoï (1746—1808) et d'Agrippine Ilyinitchna, née Bibikoff. Il fit la seconde guerre de Turquie, où il fut à la prise de Kilia et d'Ismaïl et à la bataille de Matchine. Il sut se faire bienvenir de ses grands oncles, les vieux comtes Théodore et Ivan Ostermann, et reçut leur nom et leur titre (27 octobre 1796), et tout leur bien, consistant en trois grands majorats. En 1798, il fut promu général major. De 1805 à 1807, il prit part à toutes les grandes batailles, Austerlitz, Pultusk, Preussisch-Eylau et Friedland. Pendant la Guerre Patriotique et la campagne de 1813 et 1814, il figura à Smolensk, à Borodino, et fut grièvement blessé à Bautzen. A Kulm, à la tête de son corps, il arrêta dans les défilés de Bohême la poussée de l'ennemi: le maréchal Vandamme fut fait prisonnier, mais Tolstoï eut le bras gauche emporté par un boulet. Le 5 mars 1814, il fut fait général aide de camp et, le 17 août 1817, général d'infanterie, le „jour illustré par ses glorieux exploits aux champs de Kulm". Les populations de la Bohême reconnaissantes lui offrirent une coupe en mémoire du combat où, selon l'expression d'Alexandre Ier, „il avait acheté la victoire au prix de son bras". La campagne de 1813 lui valut St-Georges de 2e classe. Après avoir rendu les derniers devoirs à l'Empereur Alexandre Ier et accompagné sa dépouille mortelle, il ne rechercha pas la faveur de son successeur, et se retira pour toujours à l'étranger: il alla d'abord à Munich, se fixa ensuite à Florence, puis habita presque constamment la Suisse. En 1831, il entreprit un voyage en Orient, alla à Constantinople, à Jérusalem et navigua sur le Nil. „Imam moscovite", „Serviteur manchot de Dieu", il étonnait les Orientaux par ses bizarreries. Il avait sur son bateau une pièce ornée du buste d'Alexandre Ier, remplie d'icones, devant lesquelles il faisait brûler de l'encens et des cierges. En 1835, il fut décoré de St-André. Au témoignage du prince P. Viazemsky, le comte Tolstoï fut toujours un excentrique, aimant les plaisanteries et les mystifications de toute sorte. Il voyageait sous le pseudonyme de colonel Ivanoff. On disait aussi qu'il avait eu d'une italienne toute une famille qui vivait dans un palais à lui en Italie.

Le comte Ostermann épousa, en 1799, la princesse Elisabeth Alexéewna Golitzyne (1779—1853), dont il n'eut pas d'enfants. Il mourut dans un isolement complet, le 30 janvier 1857, à Saconnaz, en Suisse, où il fut inhumé.

Au témoignage du prince Viazemsky, le comte Ostermann fut „une personnalité remarquable et bien particulière, qui se distinguait par sa droiture et la noblesse de ses sentiments et qui ressortait entre toutes les célébrités du temps. Une chevaleresque intrépidité sur le champ de bataille, de la témérité quand il en fallait, une insurmontable opiniâtreté quand les circonstances le demandaient, tels étaient les caractères distinctifs de ses talents militaires".

Il existe une gravure, publiée en 1827 à Pise, qui représente le comte Ostermann-Tolstoï assis sur un banc, la pipe à la bouche: près de lui, un berceau avec un enfant endormi, à côté deux petits garçons qui jouent, et, comme légende: „Je me flatte que c'est les derniers faries (sic!). A 55 ans, il est temps de faire la clôture".

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ МИЛОРАДОВИЧЪ, 1771—1825, сербскаго происхожденія, сынъ черниговскаго намѣстника, генералъ-поручика Андрея Степановича, отъ брака съ Маріей Андреевной Горленко, родился 10 Октября 1771 г.; учился въ Геттингенскомъ и Кенигсбергскомъ университетахъ, но уже 17-и лѣтъ, подпоручикомъ Измайловскаго полка, участвовалъ въ войнѣ со Швеціей; въ 1797 г. произведенъ въ полковники, а 27 Іюля 1798 г.—въ генералъ-майоры. Блестящее участіе въ Итальянскомъ походѣ Суворова и въ переходѣ чрезъ С.-Готардъ, гдѣ онъ командовалъ авангардомъ, принесло молодому генералу рядъ отличій. Въ 1805 г. онъ участвовалъ во многихъ бояхъ и подъ Аустерлицемъ, получилъ орд. св. Георгія 3 ст. и произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1806 и 1807 гг. сражался съ турками на Дунаѣ, и здѣсь награжденъ звѣздой св. Владиміра 2 ст. и шпагой съ алмазами и надписью „за храбрость и спасеніе Бухареста“.

23 Апрѣля 1810 г. Милорадовичъ, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, назначенъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ; въ началѣ 1812 г. ему поручено формированіе резервовъ; въ Бородинскомъ бою командовалъ центромъ, а при отступленіи къ Москвѣ ему поручено начальство надъ арріергардомъ. Милорадовичу выпала на долю тяжелая обязанность сдать Москву, но, благодаря его несокрушимой твердости, русская армія безпрепятственно оставила столицу: Мюратъ предпочелъ не вступать въ бой съ своимъ достойнымъ противникомъ. Командуя кавалеріей, Милорадовичъ участвовалъ въ сраженіяхъ: при Тарутинѣ, Маломъ-Ярославцѣ, Вязьмѣ, а подъ Краснымъ разбилъ лучшихъ французскихъ генераловъ, вице-короля Евгенія, Даву и Нея. Онъ удостоился лично получить отъ Государя орд. св. Владиміра 1 ст. и св. Георгія 2 кл., а 13 Февраля 1813 г. получилъ право состоять при особѣ Государя и носить вензеля. 1 Мая возведенъ въ графское достоинство; въ рескриптѣ говорилось: „Побѣда была неразлучна съ вами; предводительствуя арріергардомъ арміи, каждый шагъ земли заставляли вы непріятеля искупать кровію многихъ тысячъ“. За Кульмъ и Лейпцигъ онъ награжденъ золотой шпагой и Андреевской лентой. Съ 1814 г. былъ командиромъ гвардейскаго корпуса, а 19 Августа 1818 г. назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Но Милорадовичъ не былъ администраторомъ, онъ не былъ человѣкомъ широкаго ума, ему не хватало твердости характера, и онъ не чуждъ былъ сторонннхъ вліяній. Уцѣлѣвшій въ 52 сраженіяхъ, Милорадовичъ умеръ тѣмъ же „рыцаремъ безъ страха“, какимъ считали его современники. 14 Декабря 1825 г. графъ Милорадовичъ во время бунта на Сенатской площади былъ смертельно раненъ декабристомъ Каховскимъ. А. Ф. Орловъ уговаривалъ его не ѣздить, но онъ отвѣчалъ: „Que serait-ce donc un Gouverneur-Général qui ne saurait répandre son sang quand le sang doit couler“. Милорадовичъ погребенъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Девизъ герба—„Ma droiture me soutient“—былъ избранъ самимъ его владѣльцемъ. Открытое, всегда веселое лицо Милорадовича, съ крупнымъ южнымъ посомъ, отражало на себѣ его сердечную доброту и искренній, прямой характеръ. Многіе его считали „фанфарономъ“, но онъ съ юныхъ лѣтъ являлъ полное безстрашіе въ самыя опасныя минуты боя. Когда въ битвѣ при Борго-Франко, въ Италіи, русскіе дрогнули, Милорадовичъ своей блестящей храбростью вырвалъ побѣду у французовъ. Самъ Суворовъ писалъ: „Юный Милорадовичъ схватилъ знамя, ринулся впередъ, а за нимъ богатыри“. Перенося съ солдатомъ всѣ невзгоды войны, умѣлъ съ нимъ говорить и его ободрить, совершая эффектныя чудеса храбрости, Милорадовичъ сохранялъ полное спокойствіе подъ пулями: подъ нимъ убивали лошадей, пуля сносила со шляпы султанъ, а онъ способенъ былъ закуривать трубку, поправлять ордена или драпироваться въ „амарантовую шаль“. Французы сравнивали его за его щеголеватое удальство съ своимъ Мюратомъ; его называли „русскимъ Баярдомъ“. Милорадовичъ не былъ женатъ, но имѣлъ слабость къ женщинамъ; его расточительность и щедрость не знали границъ, этимъ онъ съ юныхъ лѣтъ огорчалъ отца, журившаго его за легкомысліе, которое онъ сохранилъ до старости. Послѣ его смерти, его имѣнія едва хватило на покрытіе долговъ. Современникъ, считавшій Милорадовича своимъ „другомъ“, называетъ его „героемъ нашего времени, любимцемъ арміи и народа, представителемъ нашей славы“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte MICHEL ANDRÉEWITCH MILORADOWITCH, 1771—1825, d'origine serbe, fils du général lieutenant André Stépanowitch Miloradowitch, gouverneur de Tchernigoff, et de Marie Andréewna, née Gorlenko, naquit le 10 octobre 1771. Il fit des études aux universités de Göttingue et de Königsberg, mais, dès l'âge de 17 ans, sous-lieutenant au régiment Izmaïlowsky, il prit part à la guerre de Suède; en 1797, il passa colonel et, le 27 juillet 1798, général major. La part brillante qu'il prit à la campagne d'Italie avec Souvoroff et au passage du Saint-Gothard, où il commandait l'arrière-garde, valut au jeune général une série de distinctions. En 1805, il fut à Austerlitz et à plusieurs autres batailles, reçut St-Georges de 3e classe et fut promu général lieutenant. En 1806 et 1807, il combattit les Turcs sur le Danube et reçut l'étoile de St-Vladimir de 2e classe et une épée enrichie de diamants avec l'inscription: „A la bravoure, défense de Bucharest".

Le 23 avril 1810, Miloradowitch, alors général d'infanterie, fut nommé gouverneur militaire de Kieff; au début de 1812, il fut chargé de la formation des réserves. A Borodino, il commandait le centre, et, lors de la retraite sur Moscou, reçut le commandement de l'arrière-garde. Il lui échut en partage la dure obligation de rendre Moscou, mais, grâce à son irrésistible fermeté, l'évacuation se fit sans obstacle: Murat préféra ne pas livrer bataille à son digne adversaire. A la tête de la cavalerie, Miloradowitch prit part à Taroutino, Malo-Yaroslavetz, Viazma et sous Krasnoé, défit les meilleurs généraux français, le prince Eugène, Davoust et Ney. L'Empereur le décora de sa propre main de St-Vladimir de 1re classe et de St-Georges de 2e classe, et, le 13 février 1813, il fut attaché à la personne du Souverain avec le droit de porter son chiffre. Le 1er mai, il fut élevé à la dignité de comte; le rescrit disait: „La victoire a été inséparable de vous; à la tête de l'arrière-garde, vous avez obligé l'ennemi à acheter chaque pouce de terrain au prix du sang de milliers d'hommes". Kulm et Leipzig lui valurent une épée d'or et le cordon de St-André. A partir de 1814, il commanda un corps de la Garde, et, le 19 août 1818, fut nommé général gouverneur militaire de St-Pétersbourg. Mais Miloradowitch n'était pas administrateur: ce n'était ni un esprit large ni un caractère suffisamment ferme, et les influences étrangères avaient prise sur lui. Sorti sain et sauf de cinquante-deux batailles, il resta jusqu'à sa mort le „chevalier sans peur" que connaissaient ses contemporains. Le 14 décembre 1825, il fut blessé mortellement lors de l'émeute de la Place du Sénat par le décabriste Kakhowsky. Orloff lui avait conseillé de ne pas s'y rendre, mais il avait répondu: „Que serait-ce donc, un gouverneur général qui ne saurait répandre son sang quand le sang doit couler"? Il fut inhumé à l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Miloradowitch avait choisi lui-même la devise de ses armes: Ma droiture me soutient. Son visage ouvert, toujours gai, avec son gros nez de méridional, reflétait sa bonté d'âme et son caractère loyal et droit. Beaucoup le trouvaient fanfaron, mais dès sa jeunesse, il fit preuve de la plus parfaite intrépidité sur le champ de bataille aux moments les plus dangereux. A Borgo-Franco, en Italie, les Russes pliaient déjà, quand sa brillante valeur arracha la victoire aux Français; Souvoroff lui-même écrivit: „Le jeune Miloradowitch saisit le drapeau, s'élança en avant, et ses héros le suivirent". Endurant avec le soldat toutes les fatigues de la guerre, sachant lui parler et l'encourager, accomplissant des merveilles de valeur, Miloradowitch conservait un sang-froid parfait sous les balles: son cheval était tué sous lui, une balle lui enlevait son aigrette, et lui, continuait à allumer sa pipe et à rajuster ses décorations, ou se drapait dans „son châle amarante". Les Français le comparaient pour le chic de sa bravoure à leur Murat, et l'appelaient le Bayard russe. Miloradowitch n'était pas marié, mais il avait un faible pour les femmes; sa prodigalité et sa libéralité ne connaissaient pas de bornes et firent dès sa jeunesse le désespoir de son père, qui le tançait souvent pour une légèreté dont il ne se défit jamais. A sa mort, son bien suffit à peine à couvrir ses dettes. Un contemporain, qui le considérait comme son ami, l'appelle „le héros de notre temps, l'enfant chéri de l'armée et du peuple, le représentant de notre gloire".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

184

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ БОРОЗДИНЪ, 1777—1830, сынъ генералъ-поручика Михаила Саввича отъ брака съ Надеждой Андреевной Крекшиной, началъ службу въ Конной гвардіи; при Павлѣ I, будучи офицеромъ Кавалергардскаго корпуса, посаженъ на 6 недѣль въ крѣпость—официально „за хвастовство", за то, что хвалился, что будетъ флигель-адъютантомъ, а, какъ говорятъ, будто бы потому, что имѣлъ несчастіе понравиться княгинѣ А. П. Гагариной. Полковникомъ Кавалергардскаго полка участвовалъ въ мартовскомъ заговорѣ 1801 г. и въ 1805 г. сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Участвовалъ во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ, съ 1805 по 1815 г., и въ Финляндской кампаніи 1808 г. въ качествѣ полкового, бригаднаго и дивизіоннаго командира, при чемъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и заслужилъ орденъ св. Георгія 3 и 4 стт.; въ 1816 г. назначенъ командиромъ 4-го резервнаго корпуса, въ 1823 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты и въ 1826 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи; въ 1828 г. участвовалъ въ Турецкой войнѣ, но по болѣзни уѣхалъ изъ арміи.

Красавецъ собой, музыкантъ, обладавшій хорошимъ голосомъ, ловкій въ фехтованіи, прекрасный наѣздникъ и танцоръ, отлично образованный, Бороздинъ въ молодости кружилъ головы женщинамъ и до старости сохранилъ видную наружность. Имѣя хорошія средства, велъ роскошную жизнь. Прямой и крайне вспыльчивый, онъ былъ очень взыскателенъ по службѣ, внѣ же службы—добръ и снисходителенъ. Въ своей семейной жизни онъ не былъ счастливъ.

Бороздинъ былъ женатъ на Елизаветѣ Александровнѣ Жеребцовой, дочери столь извѣстной своими отрицательными качествами сестры графовъ Зубовыхъ, Ольги Александровны Жеребцовой (см. № 115). Подъ вліяніемъ достойной матери, ненавидѣвшей зятя, Е. А. Бороздина, въ то время, какъ мужъ командовалъ корпусомъ въ Воронежѣ, вступила въ связь съ французскимъ генераломъ графомъ Ипре, взятымъ въ плѣнъ ея мужемъ въ 1813 году. Бороздинъ былъ глубоко пораженъ, узнавъ объ измѣнѣ жены, но отнесся къ ней великодушно и рожденнаго ею сына призналъ своимъ. Послѣ этого Е. А. Бороздина навсегда уѣхала во Францію.

П. М. Бороздинъ умеръ 14 Ноября 1830 г. въ Петербургѣ; погребенъ въ селѣ Костыжецахъ, Порховского уѣзда. У него были дѣти: Александръ (р. 1805 г.), Елизавета (за Казаковымъ), Ольга (р. 1808 г.; за Мосоловымъ), Анастасія (р. 1810 г.; за княземъ Урусовымъ), Наталія (р. 1816 г.; за Каменскимъ) и, наконецъ, въ 1820 г. родился сынъ Владиміръ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

NICOLAS MIKHAÏLOWITCH BOROZDINE, 1777—1830, fils du général lieutenant Michel Savvitch Borozdine et de Nadejda Andréewna, née Krekchine, entra au service à la Garde à cheval. Sous Paul Ier, étant officier au Corps des Chevaliers-Gardes, il eut six semaines d'arrêts de forteresse, „pour une fanfaronnade", disait le motif officiel, pour s'être vanté d'être un jour aide de camp de Sa Majesté: il aurait eu en réalité, dit-on, la malechance de plaire à la princesse A. Gagarine. Il était lieutenant-colonel aux Chevaliers-Gardes quand il prit part à la conjuration de Mars 1801, et devint, en 1803, aide de camp de Sa Majesté. Il fit toutes les guerres contre Napoléon de 1805 à 1815, puis la campagne de Finlande en 1808, comme commandant de régiment, de brigade, puis de division, et en rapporta le grade de général lieutenant et les ordres de St-Georges de 3e et de 4e classes. En 1816, il fut mis à la tête du 4e corps de réserve, en 1823 nommé général aide de camp, et en 1826 promu général de cavalerie. En 1828, il partit pour la campagne de Turquie, mais revint pour raisons de santé.

Bel homme, musicien, doué d'une belle voix, bon tireur à l'épée, excellent cavalier, danseur accompli, d'une éducation recherchée, Borozdine fit tourner bien des têtes étant jeune, et conserva jusqu'à la vieillesse son physique avantageux. Il avait de la fortune et vivait luxueusement. D'un caractère droit et d'un extrême emportement, il était très exigeant dans le service, mais ailleurs bon et indulgent. Il ne fut pas heureux en ménage.

Il avait épousé Elisabeth Alexandrowna Jérebtzoff, fille de cette Olga Alexandrowna Jérebtzoff (v. № 115), sœur des comtes Zouboff, si connue pour ses dérèglements. Sous l'influence de cette digne mère, qui détestait son gendre, alors en service à Voronèje, elle entra en liaison avec un général français, le comte Piré, fait prisonnier par son mari en 1813. Borozdine fut profondément affecté par cette trahison, mais se montra généreux et reconnut un fils qui n'était pas de lui. Sa femme alla ensuite se fixer en France pour toujours.

Il mourut, le 14 novembre 1830, à St-Pétersbourg, et fut inhumé au village de Kostyjetzy, district de Porkhovo. Il avait eu plusieurs enfants: Alexandre, né en 1805, Elisabeth (Mme Kazakoff), Olga, née en 1808 (Mme Mossoloff), Anastasie, née en 1810 (princesse Ouroussoff), Natalie, née en 1816 (Mme Kamensky), et enfin, Vladimir, né en 1820.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

182

Графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой, 1770 — 1857

Le Comte Alexandre Ivanowitch Ostermann-Tolstoi, 1770 — 1857

183

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, 1771 — 1825

Le Comte Michel Andrewitch Miloradowitch, 1771 — 1825

184

Николай Михайловичъ Бороздинъ, 1777 — 1830

Nicolas Mikhaïlowitch Borozdine, 1777 — 1830

185

Графиня МАРЬЯ АЛЕКСѢЕВНА ТОЛСТАЯ, 1771—1826, дочь князя Алексѣя Борисовича Голицына и княжны Анны Егоровны Грузинской, родилась 3 Августа 1771 года; передъ свадьбой Великаго Князя Александра Павловича, 22 лѣтъ, пожалована была во фрейлины и затѣмъ скоро вышла замужъ за полковника въ то время, а позднѣе извѣстнаго русскаго посла въ Парижѣ въ 1807 и 1808 гг., графа Петра Александровича Толстого (1769—1844; см. № 38). Въ 1805 г., 30 Августа, пожалована кавалерственной дамой, а 22 Августа 1826 г. получила званіе статсъ-дамы.

По отзыву Кристина въ письмахъ его къ княжнѣ Туркестановой (26 Мая 1814 г.), графиня Толстая „отличалась благочестіемъ и не пропускала ни одной всенощной и ни одной обѣдни, ни ранней, ни поздней; имѣла оригинальный умъ и необыкновенныя странности".

Послѣ Отечественной войны, живя почти постоянно въ Москвѣ, графиня Толстая сдѣлалась здѣсь старожилкой и пользовалась большимъ вѣсомъ среди московскаго общества. Говорятъ, что знаменитая заключительная фраза Фамусова въ „Горѣ отъ ума"—

„Моя судьба еще ли не плачевна!
„Ахъ, Боже мой! что станетъ говорить
„Княгиня Марья Алексѣвна!"

—имѣла въ виду графиню Марью Алексѣевну Толстую.

Отъ брака съ графомъ П. А. Толстымъ она имѣла 5 сыновей: Алексѣя (1798—1864; ген.-лейтенантъ), Александра (1801—1873; оберъ-прокуроръ Св. Синода), Егора (1803—1874; сенаторъ), Владиміра (1805—1875; ген.-майоръ) и Ивана (1810—1873; тайн. совѣтникъ), и 4 дочерей: Софію (1800—1886; за В. С. Апраксинымъ), Анну (1802—1884; за А. П. Бахметевымъ), Александру (1804—1890; за гр. А. П. Мордвиновымъ) и Евдокію (1807—1863; за гр. А. Д. Гурьевымъ).

Графиня М. А. Толстая умерла 25 Декабря 1826 года и погребена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго М. П. Кристи, въ Москвѣ.)

185

La comtesse MARIE ALEXÉEWNA TOLSTOÏ, 1771—1826, fille du prince Alexis Borissowitch Golitzyne et de la princesse Anna Egorowna Grouzinsky, naquit le 3 août 1771. A l'âge de 22 ans, elle fut, peu avant le mariage du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, faite demoiselle d'honneur et ne tarda pas à épouser le comte Pierre Tolstoï (1769—1844; v. № 38), alors colonel, et connu plus tard comme ambassadeur à Paris, en 1807 et 1808. Le 30 août 1805, elle devint dame de l'ordre de Ste-Catherine, et, le 22 août 1826, reçut le titre de dame d'honneur.

La comtesse Tolstoï, dit Kristine dans une de ses lettres (26 mai 1814) à la princesse Tourkestanoff, „se faisait remarquer par sa piété, ne manquant aucune messe et aucun service, ni de jour, ni de nuit. Elle avait de l'originalité et présentait des bizarreries extraordinaires".

Après la Guerre Patriotique, elle resta presque constamment à Moscou, y reçut droit de cité et finit par acquérir un grand poids parmi la société moscovite. C'est elle que vise, dit-on, la fameuse finale de Famoussoff dans Le Mal de trop d'esprit:

„Ah! quel triste sort que le mien!
„Mon Dieu! Que dira la princesse
„Maria Alexéewna!"

De son mariage avec le comte Tolstoï, elle eut cinq fils, Alexis (1798—1864), général lieutenant, Alexandre (1801—1873), procureur du Saint Synode, Egor (1803—1874), sénateur, Vladimir (1805—1875), général major, et Ivan (1810—1873), conseiller privé, et quatre filles, Sophie (1800—1886), mariée à B. Apraxine, Anna (1802—1884) à A. Bakhméteff, Alexandrine (1804—1890) au comte A. Mordvinoff, et Eudoxie (1807—1863) au comte A. Gourieff.

La comtesse Tolstoï mourut le 25 décembre 1826 et fut inhumée au monastère Donskoï, à Moscou.

(D'après un original appartenant à M. Kristi, Moscou.)

186

Графиня ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА ОСТЕРМАНЪ-ТОЛСТАЯ, 1779—1835, дочь князя Алексѣя Борисовича Голицына, младшая сестра графини Маріи Алексѣевны Толстой, фрейлина, въ Октябрѣ 1799 г. вышла замужъ за графа А. И. Остерманъ-Толстого (1770—1857; см. № 182), будущаго героя войнъ съ Наполеономъ.

По словамъ графа Ф. П. Толстого, графиня Остерманъ-Толстая „въ молодости была миніатюрное, довольно интересное, отъ природы неглупое и доброе существо, но со всѣми причудами и странностями нашихъ знатныхъ и богатыхъ барышень высшаго круга того времени". Кристинъ въ своихъ письмахъ говоритъ (24 Января 1816 г.), что графиня „отличалась ревностью и тѣмъ не давала покоя мужу", впрочемъ, безрукій герой, чудакъ и большой оригиналъ, подавалъ къ тому не мало поводовъ, имѣя слабость къ женщинамъ и считая себя неотразимымъ. Напротивъ, князь П. А. Вяземскій въ своей „Старой Записной книжкѣ" замѣчаетъ: „Не слышно было, чтобы романическія похожденія графа слишкомъ возмущали его мирный домашній очагъ". Графиня Остерманъ-Толстая была женщина „болѣзненнаго сложенія", часто хворала и большею частью проводила время за границей. По словамъ того же князя Вяземскаго, „однажды она пріѣхала въ Парижъ искать облегченія у врачей. Мужъ былъ тогда въ Италіи, но по непредвидѣннымъ сердечнымъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ тоже пріѣхать въ Парижъ; онъ скрывался тутъ подъ чужимъ именемъ и изъ своей потаенной засады продолжалъ переписываться съ женой изъ Италіи".

Умерла графиня Е. А. Остерманъ-Толстая 26 Апрѣля 1835 года, на 57 году жизни, и похоронена въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

186

La comtesse ÉLISABETH ALEXÉEWNA OSTERMANN-TOLSTOÏ, 1779—1835, fille du prince Alexis Borissowitch Golitzyne et sœur cadette de la comtesse Marie Alexéewna Tolstoï, fut demoiselle d'honneur et épousa, en octobre 1799, le comte Ostermann-Tolstoï (1770—1857; v. № 182), le futur héros des guerres contre Napoléon.

Au témoignage du comte Th. Tolstoï, la comtesse Ostermann-Tolstoï „était dans sa jeunesse une minuscule et assez intéressante petite personne, naturellement bonne et sensée, mais présentant toutes les singularités et les bizarreries des jeunes filles riches de qualité du grand monde de l'époque". Kristine dit dans ses lettres (24 janvier 1816) que la comtesse „était d'une jalousie terrible, qui ne laissait pas de trève à son mari", et pour cause, car ce héros amputé d'un bras, personnage excentrique et grand original, avait un faible pour le beau sexe et se croyait irrésistible. Le prince Viazemsky, au contraire, fait dans son „Vieux Carnet" la remarque suivante: „Les frasques du comte ne paraissaient guère porter de trouble dans son paisible foyer". La comtesse était d'une constitution maladive", souvent souffrante, et restait presque toujours à l'étranger. „Une fois, qu'elle était venue consulter à Paris", raconte encore le prince Viazemsky, „son mari, qui se trouvait alors en Italie, dut s'y rendre aussi pour affaires de cœur imprévues: il s'y cacha sous un faux nom, et, de sa retraite mystérieuse, continua à envoyer à sa femme des lettres d'Italie".

La comtesse Ostermann-Tolstoï mourut le 26 avril 1835 dans sa 57e année, et fut inhumée au monastère Donskoï, à Moscou.

(D'après une aquarelle de P. Sokoloff, appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

LÉON ALEXANDROWITCH NARYCHKINE, 1785—1846, fils d'Alexandre Lvowitch Narychkine, grand chambellan, et de Marie Alexéewna, née Séniavine, naquit le 5 février 1785. A l'âge de 14 ans, il était déjà chambellan actuel à la Cour; le 22 janvier 1803, il entra comme lieutenant au régiment Préobragensky, d'où il passa, le 13 février 1807, capitaine en second aux hussards de la Garde. Il fut tout ce temps en campagne, prit part aux batailles de Preussisch-Eylau et Gutstadt, et à celle de Heilsberg, où il fut blessé au bras et qui lui valut une épée d'or. Après la paix de Tilsitt, il revint à la Cour. Le 28 mars 1812, il reprit du service comme capitaine de hussards, et prit part aux combats livrés sous Smolensk et à la bataille de Borodino, où il fut blessé à la tête. Il fut peu après fait prisonnier par les Français en même temps que le baron Wintzengerode, et ne fut délivré que près de Vitebsk par les cosaques. Rentré, en novembre 1812, parmi ses hussards, il fut de toutes les grandes affaires de la campagne de 1813 et 1814, reprit huit pièces à Dennewitz, ce qui lui valut St-Georges de 4e classe, et, pour sa conduite à Leipzig, fut promu général major et fait commandant d'une brigade de cosaques du Don. A la tête d'un corps de partisans, il dirigea d'heureuses opérations en Hollande, et resta en France de 1816 à 1818 au corps du comte M. Worontzoff, avec qui il était depuis longtemps en relations d'amitié. Dès 1805, Worontzoff, dans une lettre à D. Arsénieff, s'exprime d'une manière peu flatteuse de Narychkine, dont la paresse et l'insouciance étaient les qualités maîtresses: „Notre Léon est bien paresseux dans le service et a bien peu de ressort. Kozlowsky le ménage de toute manière, mais est obligé de lui faire des observations, et mon Léon trouve encore moyen de se piquer et de se plaindre..... Tout ça, c'est le résultat de l'éducation de l'abbé Nicole; ce maudit français ne leur a inculqué à aucun la moindre ambition ni le désir d'être un jour utiles à la société: pourvu qu'on soit tranquille et qu'on s'amuse! Qu'est-ce qu'on sera quand on sera vieux, on n'y pense même pas!" Dans une lettre à son fils, en 1816, le comte S. Worontzoff écrit: „Je crains que le voyage de Léon à Paris ne le rattache de nouveau à cette ville par la présence de cette magicienne, qui l'a ensorcelé. A moins que vous ne vous adressiez encore à cette Armade elle-même pour qu'elle le fasse revenir à son poste et à son devoir en le chassant de Paris, je crains qu'il n'y prolonge son séjour". Narychkine était tombé sous l'influence „pernicieuse" de sa fameuse tante, Marie Antonowna Narychkine, qui fut, selon l'expression de Benkendorff, „son mauvais génie". Cinq ans plus tard, Rostoptchine écrivit de Paris à M. Worontzoff: „Léon est non seulement un amoureux révolté, mais un neveu rebelle: il vit et loge ensemble avec Mme Georges et paraît avoir renoncé à la tante". Le 23 mars 1824, Narychkine prit sa retraite et épousa la comtesse O. Potocki. Mais „l'éternelle tante", „la méchante sorcière" se l'était fortement attaché, et il la suivait partout. Ce fut elle, sinon peut-être entièrement, du moins pour une bonne partie, la cause du malheur de son neveu en ménage. Du vivant de son mari déjà, il „passait chez elle toute la journée et une partie de la nuit"; à sa mort, il s'élança à Pétersbourg pour arranger les affaires de la veuve, près de laquelle la place était déjà prise par Brozine: „Léon crie après tout le monde et après tout et est furieux de tout ce qui se fait à Odessa; mais tout le monde se moque de lui, et même, dit-on, l'Empereur"... Le 22 mai 1843, Narychkine rentra au service et fit partie de la Suite; le 6 décembre, il passa général aide de camp et, juste un an plus tard, général lieutenant. En 1845, Brozine mourut et on pensa que cet „important événememt" aurait de l'effet sur la vie de Narychkine. Mais il ne fit que suivre partout sa tante, alla à Munich, l'accompagna à Notre-Dame-de-Lorette. Cependant „sa santé et son caractère allaient de mal en pis"; en 1846, il ne marchait plus qu'avec des béquilles et mourut à Naples le 17 novembre; il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église du Saint-Esprit.

Paresseux et bon, mais irritable et désordonné, Narychkine, „toujours dormeur et toujours aimable", comme dit Kisséleff, était toujours prêt à se lancer dans toute espèce de spéculations et d'entreprises: il avait, par exemple, la passion des courses. A Odessa, il donnait de grandes réceptions, et avait une telle influence qu'on l'appelait „procureur général pour les affaires d'Odessa".

(D'après une miniature appartenant à B. Narychkine, St-Pétersbourg.)

ЛЕВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПАРЫШКИНЪ, 1785—1846, сынъ оберъ-камергера Александра Львовича отъ брака съ Маріей Алексѣевной Сенявиной, родился 5 Февраля 1785 г. и 14-и лѣтъ былъ уже дѣйствительнымъ камергеромъ при дворѣ; 22 Января 1803 г. поступилъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ, изъ котораго 13 Февраля 1807 г. переведенъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ штабсъ-ротмистромъ. Эти годы Парышкинъ провелъ въ походахъ, участвовалъ въ битвахъ при Пултускѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтѣ и Гейльсбергѣ, гдѣ былъ раненъ въ руку и заслужилъ золотое оружіе. Послѣ Тильзитскаго мира Парышкинъ возвратился ко двору. 28 Марта 1812 г. онъ вновь поступилъ въ военную службу ротмистромъ въ Изюмскій гусарскій полкъ и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и въ Бородинскомъ бою, гдѣ раненъ былъ въ голову. Вскорѣ, вмѣстѣ съ барономъ Винценгероде, Парышкинъ былъ взятъ въ плѣнъ французами и уже только около Витебска былъ отбитъ казаками. Вернувшись въ Ноябрѣ 1812 г. въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, Парышкинъ участвовалъ во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ кампаніи 1813—14 гг., при Деневицѣ отбилъ 8 орудій, за что получилъ орденъ св. Георгія 4 ст., а за сраженіе подъ Лейпцигомъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ командиромъ Донской казачьей бригады. Съ отдѣльнымъ партизанскимъ отрядомъ онъ успѣшно дѣйствовалъ въ Голландіи, а въ 1816—1818 гг. оставался во Франціи въ составѣ корпуса графа М. С. Воронцова, съ которымъ издавна былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Еще въ 1805 г. Воронцовъ въ письмѣ къ Д. В. Арсеньеву не особенно похвально отзывался о Парышкинѣ, въ которомъ лѣнь и безпечность были преобладающими качествами: „Левушка въ службѣ очень лѣнится и теряетъ куражъ. Козловскій всячески его меланжируетъ, но принужденъ дѣлать ему замѣчанія, а мой Левушка еще дуется и жалуется... что все слѣдствіе воспитанія аббата Николя: проклятый этотъ французъ не вперилъ ни въ кого изъ нихъ (кромѣ Бенкендорфа) ни малѣйшей амбиціи, ни желанія быть когда-нибудь полезнымъ членомъ общества, было бы только спокойно и весело, а что будетъ подъ старость, это и въ умъ не входитъ!“ Въ письмѣ къ сыну въ 1816 г. гр. С. Р. Воронцовъ писалъ: „Je crains que le voyage de Léon à Paris ne le rattache de nouveau à cette ville par la présence de cette magicienne, qui l'a ensorcelé. A moins que vous ne vous adressiez encore à cette Armade elle-même pour qu'elle le fasse revenir à son poste et à son devoir en le chassant de Paris, je crains qu'il n'y prolonge son séjour“. Парышкинъ подпалъ подъ „пагубное“ вліяніе своей знаменитой тетки, Маріи Антоновны Парышкиной, которая была, по словамъ Бенкендорфа, „его злымъ геніемъ“. 5 лѣтъ спустя, Ростопчинъ сообщилъ изъ Парижа М. С. Воронцову: „Léon est non seulement un amoureux révolté, mais un neveu rebelle: il vit et loge ensemble avec M-me Georges et paraît avoir renoncé à la tante“. Въ 1824 г., 23 Марта, Парышкинъ вышелъ въ отставку и женился на гр. О. С. Потоцкой. По „l'éternelle tante“, „méchante sorcière“, крѣпко его привязала къ себѣ, и онъ всюду за ней слѣдовалъ: конечно, если не совсѣмъ, то въ значительной степени она была виновницей несчастнаго супружества племянника. Еще при жизни ея мужа, Парышкинъ у нея „проводилъ всѣ дни и частью ночи“, а послѣ смерти Д. Л. Парышкина, онъ поскакалъ въ Петербургъ устраивать дѣла Маріи Антоновны, мѣсто около которой въ то время было занято уже Брозинымъ: „Левъ Александровичъ всѣмъ и вездѣ кричитъ и бранитъ все, что дѣлается въ Одессѣ; всѣ, однако же, смѣются его бѣшенству и, говорятъ, самъ Государь“... Въ 1843 г., 22 Мая, Парышкинъ поступилъ опять на службу и зачисленъ былъ въ свиту, а 6 Декабря пожалованъ въ генералъ-адъютанты и ровно черезъ годъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1843 г. умеръ Брозинъ, и друзья ожидали, что это „важное событіе“ отзовется на судьбѣ Парышкина. Но онъ только вездѣ слѣдовалъ за Маріей Антоновной, ѣздилъ въ Мюнхенъ, сопровождалъ ее къ „Notre-Dame-de-Lorette“. Между тѣмъ „его здоровье и характеръ дѣлались день ото дня хуже“; въ 1846 г. онъ уже ходилъ на костыляхъ и 17 Ноября скончался въ Неаполѣ; погребенъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Лѣнивый и добрый, но вспыльчивый и безпорядочный, по словамъ Киселева, Парышкинъ, „toujours dormeur et toujours aimable“, всегда готовъ былъ броситься во всякія спекуляціи и предпріятія, между прочимъ, увлекался скачками. Живя въ Одессѣ, Парышкинъ дѣлалъ большіе пріемы и былъ тамъ настолько вліятельнымъ лицомъ, что его называли „общимъ прокуроромъ по дѣламъ Одессы“.

(Съ миніатюры, принадлежащей В. Л. Парышкину, въ С.-Петербургѣ.)

185

Графиня Марія Алексѣевна Толстая,
1771 — 1826

La Comtesse Marie Alexéewna Tolstoï,
1771 — 1826

186

Пис. П. Соколовъ. *Peint par P. Sokoloff*

Графиня Елизавета Алексѣевна Остерманъ-Толстая,
1779 — 1835

La Comtesse Elizabet. Alexéewna Ostermann-Tolstoï,
1779 — 1835

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ · Manufacture des papiers de l'Etat

ОЛЬГА СТАНИСЛАВОВНА НАРЫШКИНА, 1802—1861, дочь генералъ-аншефа графа Станислава Щенскаго-Потоцкаго и красавицы гречанки графини Софіи, прозванной „la Belle Phanariote“ (1766—1822; см. № 72), 22 лѣтъ вышла замужъ за 38-лѣтняго генералъ-майора Льва Александровича Нарышкина, отъ котораго имѣла единственную дочь „Софку“, безумно ею любимую. Бракъ ея былъ не изъ счастливыхъ, и трудно сказать, кто изъ супруговъ былъ тому виной; во всякомъ случаѣ они прежде всего не сошлись характерами: красивая, кокетливая Ольга Станиславовна мало подходила къ пустому и „сопливому“, хотя доброму и любезному Нарышкину. Люди, весьма близкіе къ женѣ, а потому едва ли безпристрастные, каковы графъ П. Д. Киселевъ и князь М. С. Воронцовъ, винили кругомъ мужа и его тетку, знаменитую Марію Антоновну, которую, не стѣсняясь, называли „злой, старой колдуньей“, выставляя Ольгу Станиславовну только жертвой „рокового вліянія тетки“. Изъ переписки Воронцова и Киселева видно, въ чемъ заключалось это „influence fatale de la tante“: „Léon passe (въ 1838 г.) ses journées et quelquefois la nuit chez la tante“, а „Olga est abandonnée par celui au sort duquel elle a attaché le sien et qui l'a rendue victime en même temps que lui-même d'une méchante sorcière dont il est l'esclave depuis 10 ans“. По мнѣнію ея друзей, „ses ennemis devraient se lasser de tourmenter et poursuivre cette frêle créature, qui n'a qu'un souffle de vie“. Тѣмъ не менѣе, 8 лѣтъ спустя, О. С. ухаживала еще сама за умирающимъ мужемъ († 17 Ноября 1846 г.): „Olga dépense le reste de ses forces en soins qu'elle prodigue à son mari qui y est peu sensible“. Таковы отзывы о Нарышкиной П. Д. Киселева, который, разошедшись скоро съ своей женой, Софьей Станиславовной, родной сестрой Ольги Станиславовны, въ теченіе болѣе 40 лѣтъ былъ близкимъ другомъ послѣдней.

Совсѣмъ иное находимъ въ воспоминаніяхъ, правда, не щедраго на похвалы Вигеля, несмотря на то даже, что иныя мѣста въ печатномъ изданіи скрыты подъ многоточіемъ. „Могущество Киселева“, пишетъ Вигель, „плѣнило Ольгу, которая пріѣхала погостить къ сестрѣ... Въ красотѣ ея ничего не было дѣвственнаго, трогательнаго. Она была довольно молчалива, не горда, но и не внимательна съ тѣми, къ кому не имѣла нужды; не столько задумчива, сколько разсѣяна, и въ первой молодости казалась уже вооруженной большой опытностью. Все было разочтено, и стрѣлы кокетства берегла она для пораженія сильныхъ... Какъ все это уладилось, какъ просватали ее за * (т.-е. Нарышкина), все это покрыто тайной“... Послѣ выхода замужъ Нарышкина долго жила въ Одессѣ, и здѣсь, по словамъ того же Вигеля, мало выѣзжала, но, „дабы не отстать отъ привычки властвовать надъ властями, въ ожиданіи Воронцова, плѣнила градоначальника гр. Ф. П. Палена, а когда, передъ отъѣздомъ изъ Одессы въ Бухарестъ, онъ палъ къ ея ногамъ и умолялъ ее развестись съ Н. и выйти за него, она расхохоталась и указала ему дверь“. Между тѣмъ значеніе Нарышкиныхъ въ Одессѣ было велико, но объяснялось ли оно могуществомъ Маріи Антоновны или „привычкой О. С. властвовать надъ властями“ — сказать трудно. Какъ видно изъ письма А. П. Левшина изъ Одессы къ графу М. С. Воронцову въ 1837 г. „вліяніе Л. А. Нарышкина наводитъ здѣсь паническій страхъ на всѣхъ“... Левшинъ прибавляетъ, что „весьма мало людей, убѣжденныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ томъ, что вліяніе его на васъ ничтожно; всякій боится клеветы“. Неизвѣстно, впрочемъ, насколько велико было вліяніе самой О. С. на Воронцова, на что имѣются только намеки.

О. С. Нарышкина пережила мужа на 15 лѣтъ и умерла въ Парижѣ 7 Октября 1861 года. „Когда Ольга Станиславовна переѣхала въ Парижъ изъ Гейдельберга, графъ Киселевъ, бывшій съ ней въ дружескихъ отношеніяхъ болѣе 40 лѣтъ, посѣщалъ ее каждый день. Онъ былъ у ней за часъ до ея кончины; послѣднія ея обращенныя къ нему слова были: „Adieu, tout est fini“.

Дочь ея, Софья Львовна Нарышкина (р. 1829 г., † 1894 г.), была замужемъ за графомъ Петромъ Павловичемъ Шуваловымъ.

(Съ миніатюры изъ собранія В. Л. Нарышкина, въ С.-Петербургѣ.)

OLGA STANISLAVOWNA NARYCHKINE, 1802—1861, fille du comte Stanislas Chtchensky-Potocki, général en chef, et de la comtesse Sophie, la jolie grecque surnommée „la Belle Phanariote“ (1766—1822; v. № 72), épousa, à 22 ans, le général major Léon Alexandrowitch Narychkine, âgé de 38 ans, dont elle eut une fille unique, Sophie, qu'elle aimait à la folie. Le mariage ne fut pas des plus heureux, et il serait difficile de dire à qui en était la faute; il y avait avant tout incompatibilité d'humeur: belle et coquette, la jeune femme n'était guère faite pour ce mari bon garçon et bien gentil, mais insignifiant et „endormi“. Les familiers de la femme, à l'impartialité desquels on ne saurait naturellement trop se fier, le comte Kisséleff, le prince Worontzoff, rejetaient toute la faute sur le mari et sur sa tante, la célèbre Marie Antonowna, ne se gênant pas pour la traiter de „mauvaise vieille sorcière“ et donner la jeune femme comme une pauvre victime de „l'influence fatale de sa tante“. La correspondance de Kisséleff et de Worontzoff montre en quoi consistait cette „influence fatale“: „Léon passe“ (en 1838) „ses journées et quelquefois la nuit chez la tante“, et „Olga est abandonnée par celui au sort duquel elle a attaché le sien et qui l'a rendue victime en même temps que lui-même d'une méchante sorcière dont il est l'esclave depuis quarante ans“. „Ses ennemis“, disent-ils encore, „devraient se lasser de tourmenter et poursuivre cette frêle créature, qui n'a qu'un souffle de vie“. Pourtant, huit ans plus tard, elle était encore à soigner elle-même son mari mourant († 17 novembre 1846): „Olga dépense le reste de ses forces en soins qu'elle prodigue à son mari, qui y est peu sensible“. Ce Kisséleff, qui s'exprime ainsi sur Mme Narychkine, était le mari de sa sœur Sophie, qu'il avait quittée peu après le mariage, et entretenait depuis plus de quarante ans des relations étroites avec elle.

Wiegel, qu'on ne saurait, à la vérité, soupçonner en général d'indulgence, présente les choses tout autrement, encore qu'il y ait des passages de ses souvenirs qui soient, dans l'édition imprimée, remplacés par des points. „La puissance de Kisséleff“, dit-il, „fascina Olga, venue chez sa sœur pour quelque temps.... Sa beauté n'avait rien de virginal ni d'attendrissant. Elle n'était guère causeuse, et, sans être fière, ne faisait pas trop attention à ceux dont elle n'avait pas besoin; avec son air pensif, elle était en réalité dans le vague, et, dès sa toute jeunesse, semblait déjà armée de pied en cap en matière d'expérience: chez elle tout était calculé, et elle réservait ses flèches contre les puissants.... Comment les choses furent-elles arrangées, comment fut-elle fiancée à *“ (Narychkine), „tout ceci reste entouré de mystère“.... Après son mariage, elle habita longtemps Odessa: elle sortait peu, dit encore Wiegel, mais, „pour ne pas perdre l'habitude de dominer les puissants, en attendant Worontzoff, elle entreprit le préfet de police, le comte Pahlen, et quand elle partit d'Odessa pour Bucharest et qu'il se jeta à ses genoux en la suppliant de divorcer et de l'épouser, elle éclata de rire et lui montra la porte“. Or les Narychkine étaient gens d'importance à Odessa, mais leur importance était-elle l'œuvre de la tante Marie, ou l'effet de „l'habitude d'Olga de dominer les puissants“, c'est ce qu'il serait difficile de dire. „L'influence de Léon Narychkine“, dit Levchine, en 1837, dans une lettre au prince Worontzoff, „donne ici une terreur panique à tout le monde“... Levchine ajoute: „Il n'y a presque personne qui soit convaincu, comme il l'est lui-même, que son influence sur vous est insignifiante; on a peur des méchants propos“. Quelle était du reste au juste l'influence d'Olga elle-même sur Worontzoff, les données se bornent là-dessus à de simples allusions.

Olga Narychkine survécut de quinze ans à son mari et mourut à Paris, le 7 octobre 1861. „Lorsqu'elle eut quitté Heidelberg pour se fixer à Paris, le comte Kisséleff, qui avait eu avec elle une étroite amitié de plus de quarante ans, vint la voir tous les jours. Il y alla une heure avant sa mort, et les dernières paroles qu'elle lui adressa furent: „Adieu, tout est fini!“

Sa fille Sophie (1829—1894) épousa le comte Pierre Pavlowitch Chouvaloff.

(D'après une miniature de la collection B. Narychkine, St-Pétersbourg.)

189

МАРІЯ КОНСТАНТИНОВНА БУЛГАКОВА, 1796—1879, румынка, дочь валахскаго вестіарія Константина Дмитріевича Варлама и его жены Евфросиніи Дмитріевны, рожденной княжны Гика, сестры двухъ валахскихъ господарей, родилась въ Бухарестѣ 3 Апрѣля 1796 года. Въ 1811 г., 15 лѣтъ, „Марица“ была помолвлена за Константина Яковлевича Булгакова (1782—1835; см. № 84), въ то время состоявшаго правителемъ дипломатической канцеляріи главнокомандующихъ Молдавской арміей, сначала графа Н. М. Каменскаго, а затѣмъ Кутузова. По окончаніи Турецкой войны, семейство К. Д. Варлама переселилось въ Москву, гдѣ и состоялась свадьба дочери съ К. Я. Булгаковымъ лишь въ Августѣ 1814 г., такъ какъ женихъ находился въ постоянныхъ отлучкахъ, состоя на службѣ при князѣ Н. М. Волконскомъ, а позднѣе при Нессельроде. Воспользовавшись кратковременнымъ отпускомъ, Булгаковъ пріѣхалъ въ Москву, женился, а недѣлю спустя послѣ свадьбы, уѣхалъ на Вѣнскій конгрессъ. Молодая его жена осталась въ Москвѣ и жила у родителей, пока, въ 1816 г., Булгаковъ не былъ назначенъ московскимъ почтъ-директоромъ. Трудно указать человѣка, пользовавшагося большей извѣстностью въ свое время, чѣмъ К. Я. Булгаковъ, котораго всѣ знали, уважали и любили. Къ нему собирались друзья и многочисленные знакомые, чтобы пріятно провести время, къ нему же шли за протекціей, съ просьбами, за помощью. Жена его въ этомъ случаѣ согласно шла по одному пути съ нимъ и являлась полной его помощницей. „Чрезвычайно добрая, она имѣла веселый и общительный характеръ“ и пользовалась также общимъ расположеніемъ. Булгаковъ былъ счастливъ въ своей семейной жизни и многими мелкими штрихами симпатично характеризуетъ свою жену въ обширной перепискѣ съ братомъ, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“.

Въ 1832 г. М. К. Булгакова была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста, а 29 Октября 1835 г. неожиданно лишилась скоропостижно скончавшагося любимаго ею мужа. Она пережила его на 43 года и умерла 17 Апрѣля 1879 г., 83 лѣтъ отъ роду. Погребена рядомъ съ мужемъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ К. Я. Булгаковымъ она имѣла одного сына, Александра (р. 18 Ноября 1816 г., † 7 Марта 1873 г.; генералъ-майоръ, издатель отрывковъ изъ записокъ дяди и авторъ біографіи своего отца), и трехъ дочерей—Софію (за графомъ Б. А. Перовскимъ), Марію и Екатерину.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Е. К. Булгаковой, въ С.-Петербургѣ.)

189

MARIE KONSTANTINOWNA BOULGAKOFF, 1796—1879, fille d'un dignitaire roumain, Constantin Varlam, et de la princesse Euphrosine Ghika, sœur de deux hospodars de Valachie, naquit le 3 avril 1796. En 1811, à l'âge de 15 ans, elle fut fiancée à Constantin Yakovlewitch Boulgakoff (1782—1855; v. № 84), alors directeur de la chancellerie diplomatique du comte Kamensky, puis de Koutouzoff, qui se succédèrent au commandement des armées de Moldavie. La guerre de Turquie terminée, la famille Varlam alla se fixer à Moscou; c'est là que fut célébré le mariage, mais seulement en avril 1814, à cause des absences continuelles du fiancé, en service près du prince P. Wolkonsky, puis de Nesselrode. Il profita pourtant d'un moment de congé pour venir à Moscou se marier, et, huit jours après la cérémonie, repartit pour le congrès de Vienne. La jeune femme était restée à Moscou chez ses parents, jusqu'au moment où, en 1816, son mari fut nommé directeur des Postes de Moscou. Il n'y a guère d'homme ayant joui d'une plus grande notoriété parmi ses contemporains que Boulgakoff: tout le monde le connaissait, l'estimait et l'aimait. Ses amis, ses innombrables relations se réunissaient chez lui pour le plaisir; il y venait aussi des solliciteurs en quête d'une protection, d'un service, d'un secours: sa femme était alors prête à marcher avec lui et à se faire son auxiliaire dévouée. „D'une extrême bonté, elle avait un caractère gai et communicatif" et jouissait également de la faveur générale. Boulgakoff trouva le bonheur à son foyer: quelques traits de détail, parsemés dans son immense correspondance avec son frère, publiée dans „l'Archive Russe", donnent de sa femme une idée très sympathique.

En 1832, Marie Boulgakoff fut nommée dame de l'ordre de Ste-Catherine. Son mari bien-aimé lui fut enlevé subitement le 29 octobre 1835; elle lui survécut de quarante-trois ans: elle mourut le 17 avril 1879, à l'âge de 83 ans, et fut inhumée près de lui au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église du St-Esprit.

Elle eut un fils, Alexandre (18 novembre 1816 — 7 mars 1873), général major, qui publia des fragments des Mémoires de son oncle et écrivit une biographie de son père, et trois filles: Sophie, qui épousa le comte Pérowsky, Marie et Catherine.

(D'après une aquarelle appartenant à Mme H. Boulgakoff, St-Pétersbourg.)

ЯКОВЪ ИВАНОВИЧЪ БУЛГАКОВЪ, 1743—1809, изъ древней дворянской фамиліи, родился 15 Октября 1743 г.; учился въ Москвѣ, въ университетской гимназіи и въ университетѣ, одновременно съ княземъ Г. А. Потемкинымъ, который навсегда сохранилъ дружескія отношенія и расположеніе къ Булгакову. Въ 1761 г. послѣдній поступилъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и въ концѣ этого года отправленъ былъ курьеромъ въ Варшаву съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Петра III, а послѣ 28 Іюня 1762 г. поѣхалъ въ Вѣну вѣстникомъ воцаренія Екатерины II, послѣ чего былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Варшавѣ, гдѣ и прослужилъ болѣе 10 лѣтъ. Съ 1775 по 1778 г. состоялъ при посольствѣ князя П. В. Репнина въ Константинополѣ; въ 1781 г. самъ назначенъ посланникомъ при Турецкомъ дворѣ и здѣсь, въ 1783 г., заключилъ торговый трактатъ съ Портой и договоръ о присоединеніи Крыма къ Россіи, за что получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орд. св. Владиміра 2 ст. Во время 2-й Турецкой войны былъ посаженъ турками въ Семибашенный замокъ и просидѣлъ тамъ 26 мѣсяцевъ, занимаясь переводомъ французскихъ ученыхъ сочиненій и въ то же время ухитрялся пересылать Государынѣ и Потемкину важныя политическія свѣдѣнія. Въ Октябрѣ 1789 г. Булгаковъ добился своего освобожденія, отказавшись передъ тѣмъ отъ предложенія бѣжать изъ замка, несмотря на то, что заключеніе тамъ гибельно отозвалось на его здоровьѣ. Награжденный чиномъ тайнаго совѣтника, деньгами и помѣстьями въ Бѣлоруссіи, онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву, гдѣ прослужилъ 4 года и затѣмъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе несогласій со взглядами руководителей внѣшней политикой Россіи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II. При Павлѣ I Булгаковъ былъ Виленскимъ и Гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ и получилъ Александровскую ленту и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Въ 1799 г. Булгаковъ совсѣмъ оставилъ службу и поселился въ Москвѣ, гдѣ и дожилъ свой вѣкъ, окруженный общимъ уваженіемъ. Онъ былъ здоровый и добрый старикъ, постоянно шутилъ, въ 64 года „обрилъ букли, отрѣзалъ косу“ и съ прической „à la Titus“ казался моложе своихъ лѣтъ. По отзыву современниковъ, онъ отличался большимъ умомъ, прямымъ и открытымъ характеромъ, былъ ласковъ въ обхожденіи, веселый, общительный и неутомимый въ трудѣ, онъ дѣлалъ много добра, проникнутый любовью къ просвѣщенію, все свое свободное время посвящалъ литературнымъ занятіямъ. Еще будучи въ университетѣ, онъ писалъ въ журналѣ „Полезное увеселеніе“, впослѣдствіи перевелъ сочиненіе аббата Де-ла-Порта „Всемірный путешественникъ“ и Бардона „Образованіе древнихъ народовъ“. Первый трудъ явился результатомъ невольнаго уединенія въ Семибашенномъ замкѣ, второй исполненъ былъ по порученію Екатерины II, которая знала лично Булгакова. Обширная его переписка, частная и дѣловая, съ сыновьями, съ Потемкинымъ и др., издана въ „Русскомъ Архивѣ“ и читается съ большимъ интересомъ, какъ живая хроника событій, прошедшихъ передъ его глазами. Булгаковъ женатъ не былъ, но отъ француженки Имберъ (по-русски называлась Екатерина Любимовна, † 1809 г.; позднѣе жила въ Москвѣ и была замужемъ за докторомъ Шумлянскимъ, отъ котораго имѣла 2 дочерей—Любовь и Ольгу) имѣлъ 2 сыновей, Александра и Константина (см. №№ 83 и 84), очень имъ любимыхъ, людей рѣдкихъ достоинствъ, которымъ онъ завѣщалъ все свое имѣніе; указомъ 26 Іюня 1790 г. этимъ „воспитанникамъ“ его даны дворянство, фамилія и гербъ Булгакова. Сыновья, въ свою очередь, обожали отца и называли его своимъ „земнымъ богомъ-отцомъ и благодѣтелемъ“.

Я. И. Булгаковъ умеръ 7 Іюля 1809 г. и погребенъ въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ его скромный памятникъ, близкій къ разрушенію, съ трудомъ отыскивается среди блестящихъ, громоздкихъ мавзолеевъ современнаго Московскаго именитаго купечества, имѣющаго особенное пристрастіе къ Покровскому монастырю, какъ мѣсту своего упокоенія.

(Съ миніатюры, находящейся въ Императорскомъ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

JACOB IVANOWITCH BOULGAKOFF, 1743—1809, issu d'une vieille famille noble, naquit le 15 octobre 1743. Il fit ses études à Moscou, au gymnase de l'université, puis à l'université, en même temps que le prince G. Potemkine, qui depuis resta toujours avec lui en relations d'amitié et d'estime. En 1761, il débuta dans le service au Collège des affaires étrangères, et, à la fin de la même année, fut envoyé en courrier à Varsovie porter la nouvelle de l'avènement de Pierre III. Au 28 juin 1762, il alla à Vienne annoncer l'avènement de Catherine II, après quoi il fut nommé secrétaire d'ambassade à Varsovie, où il resta plus de dix ans. De 1775 à 1778, il fit partie de l'ambassade du prince Repnine à Constantinople; en 1781, lui-même fut nommé ambassadeur près la cour de Turquie, et là, en 1783, conclut un traité de commerce avec la Porte et la convention relative à la cession de la Crimée à la Russie, ce qui lui valut le rang de conseiller d'état actuel et l'ordre de St-Vladimir de 2e classe. Pendant la deuxième guerre de Turquie, il fut interné par les Turcs aux Sept-Tours, où il passa vingt-six mois, s'occupant à la traduction d'ouvrages scientifiques français et s'ingéniant en même temps à faire parvenir à l'Impératrice et à Potemkine des renseignements politiques importants. En octobre 1789, il réussit à se faire élargir, après avoir, malgré l'influence funeste de l'internement sur sa santé, repoussé des propositions d'évasion. Récompensé par le rang de conseiller privé, une gratification en espèces et des terres en Russie Blanche, il fut nommé ministre plénipotentiaire à Varsovie, y resta quatre ans, puis prit sa retraite en raison de divergences de vues avec les maîtres de la politique extérieure de la Russie dans les dernières années du règne de Catherine II. Sous Paul Ier, il fut gouverneur civil de Vilna et Grodno et reçut le cordon de St-Alexandre et le rang de conseiller privé actuel. En 1799, il quitta définitivement le service et se retira à Moscou, où il passa le reste de ses jours entouré de l'estime générale. C'était un bon vieil homme, bien portant, à l'humeur plaisante; à 64 ans, „il avait fait couper ses boucles, supprimé sa natte", et, coiffé à la Titus, paraissait plus jeune que son âge. Au témoignage des contemporains, il était très intelligent, d'un caractère droit et ouvert, de manières affables, gai et communicatif, et travailleur infatigable. Il faisait beaucoup de bien, avait un grand amour de l'instruction et consacrait tout son temps libre à des travaux littéraires. Encore étudiant, il collabora à la revue Les Récréations utiles, puis traduisit l'ouvrage de l'abbé Delaporte Le Voyageur français et celui de Bardon Formation des peuples de l'antiquité. Le premier de ces travaux fut le fruit de sa solitude forcée aux Sept-Tours, le second fut exécuté à la demande de Catherine II, qui connaissait personnellement Boulgakoff. Son immense correspondance, personnelle et de service, avec ses fils, avec Potemkine et autres, a paru dans l'Archive Russe et se lit avec grand intérêt, comme chronique vivante des événements dont il fut témoin. Il ne se maria pas, mais eut d'une française, Mme Imbert, qui dans la suite se fixa à Moscou, épousa le docteur Choumliansky, eut de lui deux filles, Liouboff et Olga, et mourut en 1809, deux fils, Alexandre et Constantin (v. №№ 83 et 84), qu'il aimait beaucoup, hommes d'un rare mérite, auxquels il laissa tout son bien; un oukaze du 26 juin 1790 donna à ces „pupilles" la noblesse, le nom et les armes des Boulgakoff. Eux, à leur tour, adoraient leur père, qu'ils appelaient „leur Dieu sur la terre et leur bienfaiteur".

Boulgakoff mourut le 7 juillet 1809 et fut inhumé au monastère de l'Intercession, à Moscou: son modeste monument, menacé de ruine, se découvre avec peine au milieu des brillants et massifs mausolées des gros marchands de Moscou, qui ont une prédilection particulière pour ce monastère comme lieu de sépulture.

(D'après une miniature du Musée Historique de Moscou.)

187

Левъ Александровичъ Нарышкинъ, 1785 — 1846
Léon Alexandrowitch Narychkine, 1785 — 1846

188

Ольга Станиславовна Нарышкина, 1802 — 1861
Olga Stanislavowna Narychkine, 1802 — 1861

189

Марія Константиновна Булгакова, 1796 — 1879
Marie Constantinowna Boulgakoff, 1796 — 1879

190

Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, 1743 — 1809
Jacob Ivanowitch Boulgakoff, 1743 — 1809

191

Графиня АВДОТЬЯ НИКОЛАЕВНА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ, 1761—1786, жена графа Алексѣя Григорьевича, дочь Николая Александровича Лопухина отъ брака съ Анной Алексѣевной Жеребцовой, родная племянница Екатерины Алексѣевны Демидовой (1740—1810; рожденная тоже Лопухина), которую считали близкой особой къ Орлову, родилась 17 Декабря 1761 г.; 6 Мая 1782 г. А. Н. Лопухина вышла замужъ за 48-лѣтняго графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, а 2 Мая 1785 г. у ней родилась дочь Анна († 5 Октября 1848 г.), извѣстная впослѣдствіи поклонница Фотія и щедрая благотворительница.

Графиня А. Н. Орлова-Чесменская умерла 20 Августа 1786 г. послѣ рожденія сына; похоронена въ Москвѣ, въ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ, въ соборѣ, гдѣ на одномъ изъ столбовъ, надъ ея могилою, имѣется надпись: „На семъ мѣстѣ покоится прахъ рабы Божіей графини Евдокіи Николаевны Орловой-Чесменской, урожденной Лопухиной, родилась 1761 Декабря 17, а скончалась 1786 Августа 20, на 25 году отъ рожденія. Здѣсь покоится прахъ сына ея младенца графа Іоанна Алексѣевича Орлова-Чесменскаго, родившагося 1786 Августа 20 дня, а скончавшагося въ 1790 году. Помяни Господи, егда пріидеши во Царствіи твоемъ“.

Портреты различно передаютъ черты лица молодой графини, о душевныхъ же качествахъ ея свѣдѣній сохранилось немного. Есть основаніе думать, что доброту и сердечность, особенную религіозность и смиреніе дочь получила отъ матери, о которой говорятъ, что она отличалась кроткимъ нравомъ, скромностью, не любила нарядовъ и никогда не надѣвала драгоцѣнныхъ вещей. Орловъ любилъ жену и, по свидѣтельству Екатерины II, „трогательно ухаживалъ“ за ней, когда она лежала больной послѣ родовъ. Дочери было всего немного болѣе года, когда она лишилась матери, и графиня Анна Алексѣевна была воспитана отцомъ, сильно любившимъ и баловавшимъ свою „Нинушку“.

(Съ миніатюры-складня, изъ собранія графа А. В. Орлова-Давыдова, въ С.-Петербургѣ.)

191

La comtesse EUDOXIE NIKOLAEWNA ORLOFF-TCHESMENSKY, 1761—1786, femme du héros de Tchesmé, fille de Nicolas Alexandrowitch Lopoukhine et d'Anna Alexéewna, née Jérebtzoff, et nièce de Catherine Alexéewna Démidoff (1740—1810), née également Lopoukhine, à laquelle on attribue une certaine intimité avec Orloff, naquit le 17 décembre 1761. Le 6 mai 1782, elle épousa le comte Orloff-Tchesmensky, âgé de 48 ans et, le 2 mai 1785, eut sa fille Anna († le 5 octobre 1848), plus tard adepte de Photius et connue par sa bienfaisance.

La comtesse Orloff-Tchesmensky mourut, le 20 août 1786, en donnant le jour à un fils; elle fut inhumée à Moscou, à l'église du monastère Spasso-Androniewsky, sur un pilier de laquelle, au-dessus de son tombeau, on lit l'épitaphe: „Ci-gît la servante de Dieu comtesse Eudoxie Nikolaewna Orloff-Tchesmensky, née Lopoukhine, née le 17 décembre 1761, décédée le 20 août 1786 dans sa 25e année. Ci-gît son enfant, comte Ivan Alexéewitch Orloff-Tchesmensky, né le 20 août 1786, mort en 1790. Dieu ait leurs âmes!"

Les portraits représentent diversement la physionomie de la jeune comtesse; sur son appréciation morale, les données manquent. On a lieu de penser qu'elle avait hérité de la bonté et de la cordialité, en même temps que de la piété et de l'humilité particulières de sa mère, qui se faisait remarquer, dit-on, par sa douceur et sa modestie, n'aimait pas la parure et ne mettait jamais de bijoux. Orloff aimait beaucoup sa femme, et, au témoignage de Catherine II, „lui prodigua des soins touchants" pendant la maladie qui suivit ses couches. Sa petite fille n'avait guère plus d'un an quand elle vint à lui manquer, et fut élevée par son père, qui l'adorait et gâtait bien sa Ninette.

(D'après une miniature-diptyque, collection du comte A. Orloff-Davydoff, St-Pétersbourg.)

Графъ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ, 1735—1807, братъ фаворита Екатерины II князя Г. Г. Орлова (см. № 4), родился 25 Сентября 1735 года; мало извѣстно о дѣтскихъ годахъ жизни этого крупнаго русскаго человѣка, прегрѣшившаго въ устраненіи Петра III, прославившаго себя Чесмою, опозорившаго свое имя Таракановою. Въ 1749 г. Орловъ поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ, но выдвинулся и пріобрѣлъ извѣстность лишь со времени переворота 28 Іюня 1762 г., возведшаго Императрицу Екатерину Алексѣевну на престолъ. Онъ помогалъ брату Григорію и усердно вербовалъ сторонниковъ Государыни среди гвардейцевъ, любившихъ братьевъ Орловыхъ за ихъ щедрость, силу и простоту; въ ночь на 28 Іюня именно онъ ѣздилъ въ Петергофъ и привезъ оттуда въ каретѣ Императрицу въ Петербургъ. „Подъ утро“, пишетъ Екатерина II, „въ мою комнату входитъ Орловъ и говоритъ совершенно спокойнымъ голосомъ: Пора вставать, все готово, чтобы провозгласить васъ“. Послѣ переворота ему ввѣрена была охрана личности низверженнаго Императора, и въ его присутствіи, и не безъ его участія, совершается въ Ропшѣ 1 Іюля катастрофа, устранившая Петра III. Впопыхахъ, на клочкѣ бумаги послалъ Орловъ Екатеринѣ о совершившемся событіи записку, которая даже въ глазахъ Павла I реабилитировала участіе его матери въ ропшинской трагедіи. Заслуги Орлова были велики, и новое царствованіе принесло ему видное положеніе, графство, почести и чрезмѣрное богатство. Въ концѣ 60-хъ гг. больной Орловъ отправился за границу лѣчиться, имѣя въ то же время важное политическое порученіе—возбудить возстаніе грековъ и славянъ противъ турецкаго ига; ему же было ввѣрено во время первой Турецкой войны командованіе русскимъ флотомъ въ Архипелагѣ, результатомъ чего было истребленіе турецкаго флота въ Чесменской бухтѣ въ ночь съ 25 на 26 Іюня 1770 года. „Побѣды совершеннѣе быть не можетъ“, и значеніе Чесменской битвы было достойно оцѣнено Екатериной: за „славную баталію“, покрывшую Орлова „безсмертной славой“, онъ получилъ св. Георгія I кл. и Кейзеръ-флагъ, бриллиантовую шпагу и титулъ „Чесменскаго“. Зато другой „подвигъ“ въ Италіи омрачилъ доброе имя Орлова: это поимка имъ неизвѣстной молодой женщины, называвшей себя дочерью Императрицы Елисаветы Петровны и извѣстной подъ именемъ Таракановой. Онъ увлекъ легкомысленную красавицу, прикинувшись влюбленнымъ, и предалъ ее, когда она ему вполнѣ довѣрилась.... Удаленіе отъ двора брата Григорія повлекло за собой уходъ со службы и графа Чесменскаго, который позднѣе даже отказался отъ лестнаго предложенія Императрицы—командовать флотомъ въ Средиземномъ морѣ во время 2-й Турецкой войны. Царствованіе Павла I принесло Орлову цѣлый рядъ непріятностей: онъ долженъ былъ участвовать въ церемоніи совмѣстныхъ похоронъ тѣла скончавшейся только-что Императрицы и останковъ умершаго въ 1762 г. Петра III, неся чрезъ весь Петербургъ его корону, затѣмъ былъ лишенъ пенсіи и удалился за границу, откуда вернулся только въ царствованіе Александра I. Орловъ умеръ въ Москвѣ, въ своемъ Нескучномъ, 24 Декабря 1807 года и погребенъ въ селѣ Отрадѣ, Подольскаго, уѣзда, Московской губерніи.

Необыкновенный силачъ, богатырь ростомъ и сложеніемъ, Орловъ былъ любителемъ всякаго спорта; онъ страстно любилъ кулачный бой и борьбу и всю жизнь носилъ на лѣвой щекѣ шрамъ, давшій ему прозвище „le balafré“,—результатъ трактирной драки. Любитель животныхъ, отъ лошадей до обезьянъ и канареекъ, Орловъ создалъ типъ русскаго „орловскаго“ рысака. Москва любила Орлова и считала его своимъ, его доброта, его простота въ обращеніи привлекали къ нему простой народъ, любовавшійся его азіатской роскошью, его пышными выѣздами на московскія гулянья, его праздниками „подъ Нескучнымъ“ и бѣгами его рысаковъ. Изъ всѣхъ братьевъ Орловыхъ Алексѣй Григорьевичъ былъ „въ истинномъ смыслѣ слова народный человѣкъ, въ силу того, что у него были общіе вкусы съ народомъ, общія радости, общія вѣрованія“, изъ всѣхъ Орловыхъ зато въ немъ одномъ иностранные дипломаты признавали качества государственнаго человѣка: спокойствіе, ясность мысли и взглядовъ, упорство въ преслѣдованіи цѣлей...

(Съ миніатюры-складня изъ собранія графа Л. В. Орлова-Давыдова, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte ALEXIS GRIGORIEWITCH ORLOFF-TCHESMENSKY, 1735—1807, frère du favori de Catherine II Grégoire Orloff (v. № 4), naquit le 25 septembre 1735. On sait peu de chose des premières années de la vie de ce russe éminent, qui se compromit dans la déposition de Pierre III, s'immortalisa à Tchesmé et se déshonora par l'affaire Tarakanoff. En 1749, il s'enrôla comme simple soldat au régiment Préobragensky, mais ne se mit en relief et ne se fit connaître qu'à partir du coup d'état du 28 juin 1762 qui éleva l'Impératrice Catherine au trône. Il fut l'auxiliaire de son frère Grégoire et s'occupa activement de recruter à la Souveraine des partisans dans la Garde, où les frères Orloff étaient aimés pour leur générosité, leur force et leur simplicité. La nuit qui précéda l'événement, il alla à Péterhof chercher l'Impératrice, qu'il ramena à Pétersbourg: „Le matin de bonne heure", écrit-elle, „je le vois entrer dans ma chambre en disant d'une voix parfaitement tranquille: „Levez-vous, il est temps; tout est prêt pour vous proclamer". Il fut ensuite chargé de la garde de la personne du souverain détrôné et le 1er juillet, s'accomplit en sa présence et non sans son concours, la catastrophe de Ropcha, qui résolut la destinée de Pierre III. La chose faite, il en informa l'Impératrice d'un mot tracé à la hâte sur un chiffon de papier, qui, aux yeux de Paul Ier, blanchit sa mère de toute participation à cette tragédie. Les mérites d'Orloff étaient grands, et le nouveau règne lui apporta une position marquante, la dignité de comte, des honneurs et une richesse considérable. A la fin des années 60, il partit pour l'étranger pour raisons de santé, chargé en même temps d'une importante mission politique, celle de provoquer le soulèvement des Grecs et des Slaves contre le joug turc. Lorsque éclata la première guerre de Turquie, il reçut le commandement de la flotte russe de l'Archipel, à la tête de laquelle il anéantit la flotte turque dans la baie de Tchesmé, dans la nuit du 25 au 26 juin 1779. „Il ne saurait y avoir de victoire plus complète", et l'importance en fut dignement appréciée par Catherine: cette „glorieuse bataille", où Orloff s'était couvert d'une „gloire immortelle", lui valut l'ordre de St-Georges de 1re classe, une épée enrichie de brillants et le titre de Tchesmensky. Mais le bon renom d'Orloff fut terni par un autre „exploit", accompli en Italie, l'enlèvement d'une jeune femme connue sous le nom de Tarakanoff, mais dont l'identité est énigmatique, et qui se prétendait fille de l'Impératrice Elisabeth: il séduisit la jeune imprudente en lui faisant croire qu'il l'aimait, puis la trahit après qu'elle lui eut accordé toute sa confiance.... Son frère Grégoire l'entraîna dans sa disgrâce; dans la suite même, il déclina l'offre flatteuse que lui faisait l'Impératrice du commandement de la flotte de la Méditerranée lors de la 2e guerre de Turquie. L'avènement de Paul Ier fut pour lui le début d'une ère de désagréments: d'abord il dut figurer aux funérailles collectives de l'Impératrice défunte et des restes funèbres de Pierre III, mort en 1762, dont il porta la couronne à travers tout Pétersbourg; ensuite il fut privé de sa pension et se retira à l'étranger, d'où il ne revint que sous Alexandre Ier. Il mourut à Moscou, dans son domaine de Néskoutchny, le 24 décembre 1807, et fut inhumé aux environs, au village d'Otrada.

D'une force herculéenne, d'une taille et d'une complexion de géant, Orloff était amateur de toute espèce de sport; il était passionné pour la boxe et la lutte, et garda toute sa vie à la joue gauche la cicatrice d'une blessure reçue au cours d'une rixe de cabaret et qui le faisait surnommer „le balafré". Amateur d'animaux, depuis le cheval jusqu'au singe et au canari, il créa le type de trotteur russe qui porte son nom. Moscou l'aimait et le considérait comme son enfant; la simplicité de ses manières lui avait gagné le cœur du peuple, qui aimait à contempler son luxe asiatique, ses somptueux équipages aux réjouissances publiques, ses fêtes de Néskoutchny et ses courses de chevaux. De tous les frères Orloff, c'était Alexis „le plus populaire, dans toute l'acception du mot: il avait les mêmes goûts que le peuple, les mêmes joies et les mêmes croyances". Mais, de tous les frères Orloff, c'était aussi en lui que les diplomates étrangers trouvaient le plus développées les qualités de l'homme d'état: calme, clarté de vues et d'idées, persévérance à la poursuite du but....

(D'après une miniature-diptyque, collection du comte A. Orloff-Davydoff, St-Pétersbourg.)

Князь МИХАИЛЪ ИЛАРІОНОВИЧЪ КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ, 1745—1813, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Голенищевыхъ-Кутузовыхъ, былъ единственнымъ сыномъ Иларіона Матвѣевича, генералъ-поручика и сенатора, женатаго на Беклемишевой, и племянникомъ директора Морского кадетскаго корпуса Ивана Логгиновича Голенищева-Кутузова; родился 5 Сентября 1745 года. Въ 1765 г. начинается боевая карьера Михаила Иларіоновича, сперва въ Польшѣ, потомъ въ арміи гр. Румянцева, при Ларгѣ и Кагулѣ (1770), гдѣ онъ служилъ по квартирмейстерской части. Въ слѣдующемъ году Кутузовъ переведенъ за разныя проказы въ Крымскую армію кн. Василія Долгорукаго, и здѣсь, въ 1774 г., получилъ при взятіи Шумы, близъ Алушты, свою знаменитую первую рану въ правый глазъ; за это дѣло былъ удостоенъ св. Георгія 4 ст. Рана заставила Кутузова серіозно лѣчиться за границей, въ Берлинѣ и Вѣнѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай быть представленнымъ королю Фридриху Великому и фельдмаршалу Лаудону. Начиная съ 1776 г., Кутузовъ находился почти безотлучно при Суворовѣ; въ 1788 г. при Очаковѣ снова раненъ въ голову, но лѣченіе этой раны было такъ же благополучно, какъ и первый разъ; въ 1789 и 1790 гг. Кутузовъ весьма удачно дѣйствовалъ противъ турокъ. Суворовъ такъ выразился о подвигахъ Кутузова подъ Измаиломъ: „Кутузовъ оказалъ новые опыты воинскаго искусства и личной своей храбрости. Онъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моей правой рукой“; по поводу того же дѣла Суворовъ сказалъ свою извѣстную фразу, что „Кутузова и Рибасъ не обманетъ“. Въ слѣдующемъ 1791 г. Кутузовъ поступилъ подъ начальство князя Н. В. Репнина и, вмѣстѣ съ княземъ С. Ѳ. Голицынымъ и княземъ Г. С. Волконскимъ, участвовалъ при разгромѣ турокъ у Мачина. За это дѣло всѣ три генерала удостоились получить св. Георгія 2 ст., согласно представленію князя Репнина. Послѣ Ясскаго мира Кутузовъ былъ отправленъ Императрицей въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Константинополь. Въ 1794 г., послѣ смерти графа Ангальта, Кутузовъ былъ назначенъ директоромъ Шляхетскаго кадетскаго корпуса, „разсадника воинскихъ людей“, по выраженію Екатерины II, и лично преподавалъ кадетамъ военную исторію и тактику. При Павлѣ I, Кутузовъ успѣшно выполнилъ дипломатическія порученія въ Берлинѣ и получилъ, въ 1800 г., Андреевскую ленту. При воцареніи Императора Александра I, Кутузовъ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, на мѣсто гр. Палена, но въ 1802 г. просилъ увольненія и удалился въ свое Волынское имѣніе. Война 1805 г. снова заставила его принять начальство надъ русской арміей; къ сожалѣнію, благоразумные совѣты Кутузова не были приняты, и кампанія кончилась злополучнымъ Аустерлицемъ. Здѣсь онъ снова былъ раненъ въ щеку. Впавъ въ немилость послѣ этихъ событій, Кутузовъ былъ назначенъ сперва Кіевскимъ, а потомъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1811 г. онъ удачнымъ миромъ закончилъ войну съ турками и 29 Октября получилъ графскій титулъ. Наконецъ, наступилъ 1812 годъ. Послѣ неладовъ между Барклаемъ и Багратіономъ, Государь избралъ указаннаго народнымъ желаніемъ, хотя и не любимаго имъ самимъ, Кутузова и назначилъ его главнокомандующимъ русской арміей. Бородинская битва и всѣ дѣйствія противъ войскъ Наполеона до Березины связаны съ именемъ Кутузова. За все это время онъ былъ награжденъ княжескимъ достоинствомъ, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, фельдмаршальскимъ жезломъ, названіемъ „Смоленскаго“ и орденомъ св. Георгія 1-й степени. Въ минуту всеобщаго увлеченія, Кутузовъ одинъ вѣрно оцѣнивалъ обстоятельства, совѣтовалъ остановиться на Вислѣ и не воевать „за освобожденіе Германіи“. Въ началѣ 1813 г., 16 Апрѣля, Кутузовъ скончался въ Бунцлау отъ перенесенныхъ лишеній и старыхъ недуговъ; тѣло его предано землѣ въ С.-Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ.

Князь Кутузовъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ; одаренный быстро схватывающимъ и гибкимъ умомъ, выдающійся дипломатъ, спокойный и хладнокровный полководецъ, онъ умѣлъ вселять къ себѣ довѣріе въ подчиненныхъ, а его военныя способности были оцѣнены такими людьми, какъ Румянцевъ и Суворовъ. Въ старости, подъ видомъ вѣчной сонливости, онъ все замѣчалъ и со свойственной ему проніей всегда умѣлъ быть на высотѣ положенія.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

Le prince MICHEL HILARIONOWITCH KOUTOUZOFF-SMOLENSKY, 1745—1813, de la vieille famille noble des Golénichtcheff-Koutouzoff, fils unique d'Hilarion Matvéewitch Koutouzoff, général lieutenant et sénateur, et de sa femme, née Béklémicheff, et neveu d'Ivan Golénichtcheff-Koutouzoff, directeur de l'Ecole Navale, naquit le 5 septembre 1745. Il fit ses premières armes en 1765, d'abord en Pologne, puis à l'armée du comte Roumiantzeff, sur la Larga et le Kagoul (1770), où il servit aux cantonnements. L'année suivante, à la suite de diverses frasques, il passa à l'armée du prince Basile Dolgorouky en Crimée; ce fut là qu'il reçut en 1774, à la prise de Chouma, près Alouchta, sa fameuse blessure à l'œil droit, qui lui valut St-Georges de 4e classe et l'obligea à aller se faire soigner sérieusement à l'étranger, à Berlin et à Vienne, où il fut présenté à Frédéric-le-Grand et au feld-maréchal Laudon. A partir de 1776, il se trouva presque constamment attaché à Souvoroff; en 1788, il reçut sous Otchakovo une nouvelle blessure à la tête, qui n'eut pas de suites plus fâcheuses que la première. En 1789 et 1790, il dirigea des opérations particulièrement heureuses contre les Turcs. Souvoroff dit à propos de ses exploits sous Ismaïl: „Koutouzoff a déployé une fois de plus son habileté consommée et sa valeur personnelle. Il marchait à mon aile gauche, mais il a été mon bras droit"; ce fut aussi à cette occasion que Souvoroff prononça sa fameuse phrase: „De Ribas lui-même ne réussirait pas à attraper Koutouzoff". L'année suivante, en 1791, Koutouzoff alla servir sous les ordres du prince Repnine, et, avec le prince S. Golitzyne et le prince G. Wolkonsky, tailla les Turcs en pièces à Matchine: cette affaire leur valut à tous les trois St-Georges de 2e classe, sur la proposition du prince Repnine. Après la paix de Yassy, Koutouzoff fut envoyé par l'Impératrice en qualité d'ambassadeur extraordinaire à Constantinople. En 1794, à la mort du comte d'Anhalt, il fut nommé directeur du Corps des Cadets, cette „pépinière de militaires", selon l'expression de Catherine II, et y enseigna lui-même l'histoire et la tactique. Sous Paul Ier, il mena à bien diverses missions diplomatiques à Berlin et reçut, en 1800, le cordon de St-André. A l'avènement d'Alexandre Ier, il fut nommé gouverneur militaire de Pétersbourg à la place du comte Pahlen, mais donna sa démission en 1802 pour se retirer dans ses terres en Volhynie. La guerre de 1805 le remit à la tête de l'armée russe: ses sages conseils ne furent malheureusement pas écoutés, et la campagne aboutit au désastre d'Austerlitz; il reçut une nouvelle blessure à la joue. Tombé en disgrâce à la suite de ces événements, il fut nommé général gouverneur, d'abord de Kieff, puis de Vilna. En 1811, il mit fin par une paix heureuse à la guerre de Turquie et, le 20 octobre, fut élevé à la dignité de comte. Puis vint 1812. A la suite des dissentiments survenus entre Barclay de Tolly et Bagration, l'Empereur choisit, contre son sentiment personnel, celui que désignait l'opinion publique, Koutouzoff, pour le faire commandant en chef de l'armée russe. La bataille de Borodino et toutes les opérations contre Napoléon jusqu'à la Bérézina sont attachés au nom de Koutouzoff. Il reçut successivement au cours de cette campagne la dignité de prince avec titre d'Altesse Sérénissime, le bâton de feld-maréchal, le nom de Smolensky et l'ordre de St-Georges de 1re classe. Au milieu de l'entraînement général, il fut le seul à apprécier sainement la situation: il conseillait de s'arrêter à la Vistule et de ne pas combattre „pour la liberté de l'Allemagne". Il mourut, le 16 avril 1813, à Bunzlau des fatigues de la campagne et de ses vieilles infirmités, et fut inhumé à Pétersbourg, à la cathédrale de Kazan.

Le prince Koutouzoff était un vrai russe; esprit prompt et souple, diplomate éminent, il avait un sang-froid imperturbable sur le champ de bataille; il savait inspirer confiance à ses subordonnés, et ses talents militaires furent appréciés par les Roumiantzeff et les Souvoroff. Sur ses vieux jours, avec son air éternellement endormi, il ne laissait rien échapper et, avec l'ironie qui lui était propre, sut toujours être à la hauteur de la situation.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Свѣтлѣйшая княгиня ЕКАТЕРИНА ИЛЬИНИЧНА КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАЯ, 1751—1824, дочь генералъ-поручика Ильи Александровича Бибикова (1698—1784) отъ второго брака его съ Варварой Никитичной Шишковой, родилась 5 Ноября 1754 года. 27 Апрѣля 1778 г. вышла замужъ за подполковника М. И. Голенищева-Кутузова (1745—1813), впослѣдствіи фельдмаршала и свѣтлѣйшаго князя, успѣвшаго уже отличиться въ войнахъ съ Турціею. Умная, красивая и образованная, она была обожаема мужемъ, который во время своихъ частыхъ отлучекъ находился въ перепискѣ съ женой и дочерьми, интересуясь малѣйшими подробностями ихъ домашней и свѣтской жизни. При дворѣ и въ свѣтѣ она занимала видное положеніе, была постоянно отличаема Императоромъ Павломъ и въ день его коронаціи получила орденъ св. Екатерины. Александръ I, не любившій, какъ извѣстно, Кутузова, всегда оказывалъ ей величайшее вниманіе и послѣ Бородинской битвы, 30 Августа 1812 г., пожаловалъ ее въ статсъ-дамы. Особенное же свое участіе выказалъ онъ ей послѣ смерти Кутузова въ 1813 г., опредѣливъ ей пожизненную пенсію полное заграничное содержаніе фельдмаршала, въ 86.000 р. ассигнаціями въ годъ, и, кромѣ того, назначивъ ей единовременно на уплату долговъ 150.000 руб. и по 50.000 руб. каждой изъ дочерей. Популярность Кутузова въ народѣ до нѣкоторой степени перешла и на его вдову: при проѣздѣ ея въ 1817 г., по пути въ деревню, черезъ Тарусу, ей былъ оказанъ тамъ царскій пріемъ: въ церквахъ звонили въ колокола, духовенство въ облаченіи выходило на паперть, народъ выпрягъ лошадей и на себѣ везъ ея карету. Княгиня Кутузова скончалась 25 Іюля 1824 г. въ Петербургѣ и похоронена была, при огромномъ стеченіи народа, въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры. Желаніе ея быть погребенной въ Казанскомъ соборѣ, рядомъ съ мужемъ, не могло быть исполнено; на докладѣ объ этомъ графа Дибича послѣдовала Высочайшая резолюція Александра I: „Ни хорошить, ни отпѣвать въ Казанской церкви я не дозволяю“.

Княгиня Кутузова жила очень широко и открыто, и, какъ не разъ намекалъ ей мужъ въ своихъ письмахъ, тратила больше, чѣмъ позволяли ихъ средства. Въ свѣтѣ она была извѣстна своей оригинальностью и, будучи уже старухою, любила молодиться и одѣваться какъ молоденькая дѣвица. Большое впечатлѣніе произвела она на шестилѣтняго И. С. Тургенева: „Когда меня подвели къ этой ветхой старухѣ“, разсказываетъ онъ, „по головному убору и всему виду своему напомнившей икону какой-либо святой, самаго дурного письма, почернѣвшую отъ времени, я, вмѣсто благоговѣйнаго почтенія, съ которымъ относились къ ней всѣ окружающіе, брякнулъ ей въ лицо: „Ты совсѣмъ похожа на обезьяну“.

Занимаясь литературой, состоя въ перепискѣ съ г-жей Сталь, княгиня Кутузова страстно любила театръ и покровительствовала всѣмъ заѣзжимъ знаменитостямъ: пѣвицѣ Боргонціо, танцовщику Дюпору и трагической актрисѣ Жоржъ, съ которой одно время была въ тѣсной дружбѣ; ссора ихъ изъ-за актера Андріё надѣлала не мало шума въ городѣ. Что особенно удивляло многихъ въ то время, это то, что въ гостиной ея, попасть куда считалось большою честью, на ряду почти со всею французскою труппою можно было встрѣтить и корифеевъ русской сцены; она близко принимала къ сердцу ихъ жизнь и интересы, не даромъ Каратыгинъ, въ своемъ письмѣ о ссорѣ Семеновой и Колосовой, вздыхалъ о смерти „миротворицы Кутузовой“.

Кромѣ сына, умершаго въ младенчествѣ, княгиня Кутузова имѣла пять дочерей: Прасковью, за сенаторомъ М. Ѳ. Толстымъ, Анну, за ген.-майоромъ П. З. Хитрово, Елизавету, въ первомъ бракѣ за флигель-адъютантомъ графомъ Ѳ. П. Тизенгаузеномъ, а во второмъ—за генералъ-майоромъ П. Ѳ. Хитрово, Екатерину, сперва за ген.-майоромъ княземъ П. Д. Кудашевымъ, а потомъ за ген.-майоромъ С. С. Сарачинскимъ, и Дарью, за оберъ-гофмейстеромъ Ѳ. П. Опочининымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей графу Д. П. Толстому, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse sérénissime **CATHERINE ILYINITCHNA KOUTOUZOFF-SMOLENSKY**, 1754—1824, fille du général lieutenant Elie Alexandrowitch Bibikoff (1698—1784) et de sa seconde femme Varvara Nikititchna, née Chichkoff, naquit le 5 novembre 1754. Le 27 avril 1778, elle épousa le lieutenant-colonel M. Golénichtcheff-Koutouzoff (1745—1813), dans la suite feld-maréchal et prince sérénissime, qui s'était déjà distingué dans les guerres de Turquie. Intelligente, belle et instruite, elle fut adorée de son mari, qui, au cours de ses fréquentes absences, resta en correspondance avec sa femme et ses filles, s'intéressant aux moindres détails de leur vie privée et mondaine. A la Cour et dans le monde, elle était très en vue: l'Empereur Paul la distinguait particulièrement, et, le jour de son couronnement, lui fit remettre le cordon de Ste-Catherine. Alexandre Ier, qui, comme on sait, n'aimait pas Koutouzoff, lui témoigna toujours la plus grande attention, et, après la bataille de Borodino, le 30 août 1812, la fit dame d'honneur. A la mort de Koutouzoff, en 1813, il lui donna des preuves particulières de sympathie: il lui accorda une pension perpétuelle égale au traitement que recevait le feld-maréchal à l'étranger, soit 86.000 roubles assignations par an, et lui fit remettre pour payer ses dettes 150.000 roubles et 50.000 à chacune de ses filles. La popularité dont jouissait Koutouzoff passa en partie à sa veuve: à son passage à Taroussa pour aller dans ses terres, en 1817, on lui fit une réception comme aux personnages de la famille Impériale: les cloches sonnèrent, le clergé sortit en grande pompe sur le seuil des églises, la foule dételа son équipage, qui fut traîné à bras d'hommes. La princesse Koutouzoff mourut à St-Pétersbourg le 25 juillet 1824, et fut inhumée au milieu d'une immense affluence au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église du St-Esprit. Son désir d'être inhumée à la cathédrale de Kazan, près de son mari, ne put être exaucé; à la requête qui lui en fut présentée par le comte Dibitch, l'Empereur Alexandre Ier décida: „Je n'autorise ni inhumation ni service funèbre à la cathédrale de Kazan".

La comtesse Koutouzoff vivait sur un grand pied et recevait beaucoup, dépensant, comme le lui faisait souvent remarquer son mari dans ses lettres, plus que ne le permettaient leurs ressources. Dans le monde, elle était connue pour son originalité; déjà âgée, elle aimait se rajeunir et s'habiller comme une jeune fille. Elle fit une vive impression sur Tourguéneff, alors petit garçon de 6 ans: „Quand on m'amena devant cette vieille bonne femme", raconte-t-il, „qui rappelait par sa coiffure et par toute sa personne une image sainte quelconque, de pacotille et toute noircie par le temps, au lieu de la profonde déférence que tout le monde lui témoignait, je lui lançai en plein visage: „Tu ressembles tout à fait à un singe".

La princesse Koutouzoff s'occupait de littérature: elle était en correspondance avec Mme de Staël, avait une passion pour le théâtre et protégeait toutes les célébrités de passage: la cantatrice Borgondio, le danseur Duport et Mlle Georges, avec laquelle elle fut un moment étroitement liée; leur brouille à propos de l'acteur Andrieux ne fut pas sans faire grand bruit dans la ville. Ce qui étonnait particulièrement alors, c'est que, dans son salon, où on considérait comme un grand honneur d'être admis, à côté de presque toute la troupe française, on pouvait rencontrer également les coryphées de la scène russe, dont elle prenait très à cœur la vie et les intérêts: ce n'est pas sans raison que Karatyguine, dans sa lettre sur la brouille des actrices Sémenoff et Kolossoff, déplore la mort de „Koutouzoff la réconciliatrice".

Outre un fils mort en bas âge, la princesse Koutouzoff eut cinq filles: Prascovie, mariée au sénateur M. Tolstoï, Anna au général major N. Z. Khitrovo, Elisabeth, mariée en premières noces au comte Tisenhausen, aide de camp de Sa Majesté, et en secondes noces au général major N. Th. Khitrovo, Catherine, qui épousa en premières noces le prince N. Koudacheff, général major, et en secondes noces le général major S. Saratchinsky, et Daria, mariée à Th. Opotchinine, grand-maître de la Cour.

(D'après une miniature appartenant au comte D. Tolstoï, St-Pétersbourg.)

191 192

Гр. Авдотья Николаевна Орлова-Чесменская, 1761 — 1786

La Cte Eudoxie Nikolaewna Orloff-Tchesmensky, 1761 — 1786

Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, 1735 — 1807

Le Cte Alexis Grigorievitch Orloff-Tchesmensky, 1735 — 1807

193

Свѣтл. кн. Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій, 1745 — 1813

Le Prince Michel Hilarionowitch Koutouzoff-Smolensky, 1745 — 1813

194

Свѣтл. кн. Екатерина Ильинична Кутузова-Смоленская, 1754 — 1824

La Princesse Catherine Ilyinitchna Koutouzoff-Smolensky, 1754 — 1824

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS ПОРТРЕТЫ

2007088116